ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

выпуск пятидесятый

Москва 2016

Научное издание

Ближний Восток и современность Сборник статей (выпуск пятидесятый) М., 2016, 312 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-276-7

ISBN 978-5-89394-276-7

СОДЕРЖАНИЕ

предисловие
В.А.Исаев ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (пример Катара)
С.Н.Каменев, М.С.Каменева ПАКИСТАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ51
Г.Г.Косач САУДОВСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 2015 ГОДА62
Д.А.Марьясис израильская система технологического трансфера81
Е.С.Мелкумян внутриполитическое развитие оаэ в 2000-е годы90
Ф.О.Плещунов СОЛДАТЫ-МУСУЛЬМАНЕ В БРИТАНСКОЙ АРМИИ ИЛИ РЕКРУТЫ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ВЫБОР ИДЕНТИЧНОСТИ МУСУЛЬМАНАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АКТУАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ
М.А.Сапронова ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ «ПРОЕКТЫ» В КОНСТИТУЦИОННОМ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ АРАБСКИХ СТРАН
И.А.Свистунова ТУРЦИЯ И ИРАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ141
И.И.Стародубцев ТУРЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА 2015 ГОД154
А.В.Федорченко ФЕНОМЕН ИЗРАИЛЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Владимир (Зеэв) Ханин	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ИТОГОВ ВИЗИТА БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ В США В НОЯБРЕ 2015 ГОДА	199
Владимир (Зеэв) Ханин израиль, россия и турция: пересекающиеся векторы или совместный проект?	215
М.С.Ходынская-Голенищева СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ ПО СМЕНЕ НЕУГОДНЫХ РЕЖИМОВ	230
Алек Д. Эпштейн ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ В ИЗМЕНИВШЕЙСЯ СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	253
А.М.Колесников АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

50-й сборник трудов отечественных востоковедов «Ближний Восток и современность» для руководства Института Ближнего Востока, которым он издан, - дело житейское. Подумаешь, круглая цифра! Четверть века существования института в России, более 20 лет издательской деятельности, почти 300 книг и по полторы тысячи материалов на сайте ежегодно итог не для мальчиков, но для мужей. По крайней, мере на протяжении всего постсоветского периода в российской науке о Ближнем и Среднем Востоке такого не сделал никто. И вряд ли кто-то сделает. Особенно не опираясь на государственное бюджетирование, правительственные или корпоративные гранты. Поскольку хорошо известно: нет денег – нет науки. И откуда автор настоящего предисловия и все те его друзья и партнёры, которые ему на протяжении долгих лет помогали издавать то, на что у государства не находилось малых средств (у него никогда ни для чего нужного этих средств не находится). брали искомое - секрет для него самого. В том числе, в дни, когда издаётся настоящий сборник, и президент страны на открытой линии с подведомственным ему населением оптимистичен, бодр и защищает всех своих бюрократов, как родная мать вскормленных её собственным молоком питомцев.

Зарабатывали. Во времена тощие и сытные. В годы кризисов и на пороге надвигающихся катастроф, которые отечественное начальство не видело в упор и продолжает не замечать по сей день. Поскольку аберрация начальственного зрения есть фактор постоянный, в отличие от Академии Наук, которую под громкие обещания профильного министерства о реформах, реструктуризации и оптимизации пустили на поток и разграбление. Так что будет наука или нет в стране, которая ещё недавно была Советским Союзом, а до того Российской империей, а ещё ранее Великим княжеством Московским, автору неизвестно. Может, что и останется. А может, и нет. Ибо новое дворянство этой малоизвестной ему страны, именуемой Российской Федерацией, — чиновники. И зачем им Министер-

ство образования и, извините за выражение, науки, а также нагрузившее оную науку собою, как ночной вампир горного гуанако, ФАНО, с полпинка понятно. Для того, чтобы кровь сосать в виде зданий, сооружений и бюджетов. Что без собственно науки даже и лучше получается. По крайней мере, не мешает никто, скорбно и трогательно попискивая из-под асфальта, в который начальство науку закатало.

Настоящий сборник, как и все его 49 предшественников, не включен в список ВАК. Не стоило оно того, унижаться и договариваться. Подкупать и лоббировать. Ибо и сам Институт Ближнего Востока не входит в состав Академии Наук (и слава Б-гу, что не входит, а то бы его давно уже не было – схарчить конкурента с костями господа нынешние академики и членыкорреспонденты умеют на диво). И не претендовал на это никогда: едва отбился президент - автор предисловия от этой чести, которую ему искренне предлагал в 90-е годы покойный Евгений Максимович Примаков, став ненадолго, как тогда водилось, российским премьер-министром. Пустое это всё. Суетное. И не имеет к науке никакого отношения. Наука - она и в Академии наука. И в университетах. И в НИИ. И за их стенами. Она там, где учёные что-то изучают, а не там, где бюрократы на их трудах делают себе карьеру, используя случайно где-то ими отысканные показатели, вроде индекса цитируемости. Вот, интересно, какой был этот индекс у Королева? Ландау? Янгеля или Келдыша? Особенно по закрытым темам, которые не то что цитировать, упоминать было опасно? Так что идиотам идиотово, а экспертам ИБВ и его директору, не говоря уже о президенте - статьи да книги. Глядишь, в науке о Востоке останется след, пропаханный через переходную эпоху от Страны победившего социализма к Третьей империи. Благо император всея Руси хотя бы работать не мешает.

Не помогает — это правда. Но и не мешает. Ибо если кто директору Института Ближнего Востока Ефиму Жигуну и его другу-президенту ИБВ, а также их соратникам-учёным мешал, так не власти, а представители академического истеблишмента из наиболее завистливых и до отвращения мелочных. Особенно на их фоне выделялся въедливый, приставучий, как клещ в таёжном буреломе, и на редкость подлой натуры арабист, специалист по Корану и торговле оружием со странами Аравийского полуострова, по совместительству торговец восточным антиквариатом и член-корреспондент, а на короткий

исторический период, пока по возрасту его не попросили пройти вон, директор института, в котором он делал карьеру. Сволочь была редкостная — да и осталась. Хотя, по понятиям эпохи, эффективный менеджер. Поскольку он умел деньги выколотить из чего и кого угодно — от банальной сдачи помещений бизнесу до крайне сомнительных сделок, за которые во времена менее безалаберные пошёл бы по этапу убирать снег в ту самую Сибирь, где, согласно классическому фильму Марка Захарова, снега во времена предивного графа Калиостро было много — да и сейчас не меньше. Помянуть его для очистки души стоит — из песни слова не выбросишь. Ибо воздать всем и каждому по его делам мы не можем, но особенно выдающиеся персонажи обязаны получить свой осиновый кол в биографию.

Скоро слово сказывается, да не скоро книги печатаются и пишутся статьи. Однако когда российские ВКС занялись Сирией. Институт Ближнего Востока по мере сил и возможностей пытался поддержать военных – и кое-что в этой области даже и сделал. Точно так же, как во время многочасовых дискуссий и толковищ поповоду террористической угрозы, которые все заинтересованные организации и ведомства с глубоким удовлетворением проводили в стенах ИБВ. Или снабжая справками министров, премьер-министров и президентов дружественных стран, которым они были необходимы для выполнения их прямых функций. Гордиться тут не то, чтобы руководство института так уж и гордилось - для бешеной собаки 40 верст не крюк, ишака грузят, он и везёт помаленьку. Привыкли. Однако было б на кого нагрузить - этот груз бы нагрузили. А так выяснилось, что грузить его больше почти не на кого. То есть идея пришла вовремя, была реализована толково и продукт дала отменный. Благо опереться в этом было на кого. Ибо эксперты института - специалисты по арабскому миру и Израилю, Ирану и Турции, Пакистану и Афганистану за годы его существования подобрались лучшие из тех, кто на отечественных просторах остался. А также не остался: те же израилеведы живут преимущественно в самом Израиле, что им нимало не мешает, а скорее помогает в их работе.

Особая задача Института Ближнего Востока и любимое хобби директора — привлечение к занятиям наукой молодёжи. Поскольку в обычной жизни ей времени на то, чтобы что-то не то, чтобы писать, не хватает — она даже не подозревает, что от этого бывает какой-то толк. Не приучена она писать. И не по-

тому, что ленива: молодняк как раз, может быть, вполне хорош и работоспособен, и амбициозен по-хорошему. А просто отучена. Дети ЕГЭ. Ни сочинений, ни домашней работы. Тесты, ети их в качель. Поколение списывающих и ориентирующихся на подсказки, при том, что они искренне уверены, что в этом и состоит суть образования. Нет хуже наставника для молодёжи, чем самоуверенный болван. А если уж этот болван министр, и сменит его ещё более самоуверенный болван – тоже министр. и за спиной у них фабрика по производству идиотских тестов и никуда не годных, зато новых учебников – она же Высшая школа по уничтожению экономики... И вот тут спасает только юмор и советская закалка - мало ли при советской власти было жуликов и идиотов, привыкли. И команда – в числе нескольких сотен экспертов, из которых сотня пишет как заведённая, и преподаёт, и по мере сил воспитывает и натаскивает дипломников и аспирантов. Отчего происходят и успехи Института Ближнего Востока, олицетворением которых является нынешний, 50-й сборник.

Евгений Сатановский президент Института Ближнего Востока Москва, апрель 2016 года

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (пример Катара)

Катар, как и другие нефтедобывающие страны, расположенные в районе Персидского залива, входит в сравнительно немногочисленную группу развивающихся государств, которые сумели воспользоваться плодами энергосырьевого кризиса 70-х годов прошлого века. Нефть, а точнее, резкое повышение цен на жидкие углеводороды круто изменило судьбу этой страны. Неторопливое развитие национального хозяйства сменилось бурным его ростом. На месте средневековых городков и деревень с глинобитными постройками буквально в считанные годы возникли современные города с многоэтажными жилыми домами, банками, супермаркетами, гостиницами и кинотеатрами. Было осуществлено широкое строительство оснащенных по последнему слову техники нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, цементных заводов, опреснительных установок, сельскохозяйственных плантаций, школ, больниц, вошли в строй современные предприятия, ныне выпускающие ряд бытовых товаров. Там, где еще недавно пролегали караванные пути, пустыню прорезали широкие автомагистрали. Модернизируются порты и аэродромы. Все большее число катарцев, овладев современными профессиями, становятся врачами, учителями, инженерами и т. д. Быстро стали расти средние городские слои - служащие, офицерство, национальная буржуазия.

Развитие промышленности, бурный рост городов, наличие значительного числа иностранной рабочей силы, широкие международные связи стали постепенно подрывать вековые устои, которые по сей день все еще определяют жизнь довольно заметной части местного населения. Все это создает немалые сложности социально-экономического развития страны.

Национальное хозяйство Катара, как и других нефтедобывающих стран Персидского залива, начиная со второй половины 1970-х годов, стало «работать» по весьма своеобразной схеме, характерной для ограниченного круга развивающихся стран-экспортеров нефти. Основной капитал в них образуется главным образом не в результате внутреннего развития экономики, а поступает в банки страны в виде выручки от продажи за рубеж нефти и ее производных. Именно эти так называемые нефтедоллары стали основой финансирования различных промышленных и иных объектов, а также удовлетворения других государственных потребностей этой группы стран.

После достижения политической независимости Катар, проведя в жизнь ряд мероприятий, направленных на всемерное поощрение частного предпринимательства, встал на путь развития рыночных отношений. Сравнительная легкость, с которой были преодолены некоторые препятствия, объективно возникшие на первом этапе экономического развития, объясняется тем, что к этому времени страна уже получала ежегодно значительные, по местным меркам, средства от реализации на внешнем рынке нефти. Например, в 1970 г. эти поступления достигли 122 млн долл. по сравнению с 35 млн долл. в 1955 г. 1

В рамках капиталистической системы хозяйства катарские власти стали активно использовать эти средства для создания государственных предприятий, а также смешанных компаний с участием местного и иностранного капиталов. При этом, однако, государственный сектор экономики Катара, хотя и приобрел в целом капиталистический характер, не утратил некоторых докапиталистических черт. Это явление связано с тем, что он сформировался не в результате концентрации производства и централизации капитала, характерных для развитых государств Запада, а был создан монархическим режимом, ставшим инициатором развития деловой активности в стране.

Государственный капиталистический сектор постепенно превратился фактически в инструмент перераспределения доходов от нефти и газа правящими кругами в интересах интенсивного развития экономики при сохранении традиционной монархической надстройки. Он взял на себя планирование социально-экономического развития страны, контроль над процессами индустриализации и диверсификации хозяйства в интересах частно-капиталистического сектора, идущего за ним следом по мере создания подходящих для него условий функционирования.

Поэтому в течение нескольких десятилетий катарское общество основывалось на принципах планового развития. В прежде отсталой стране, где у большинства населения отсутствовали самые необходимые средства для существования, а потребности созидания современного экономического потенциала были столь многомерны и велики, что не могли решаться одновременно, планирование развития в этих конкретных обстоятельствах стало не столько свидетельством приверженности к централизованному распределению фондов (хотя этот момент всегда оставался исключительно важным), сколько данью необходимости упорядочить процессы финансирования и установить приоритетность задач, от решения которых зависели темпы приобщения страны к цивилизованному сообществу и достижения прогресса в хозяйственной и иных областях.

Хотя планы социально-экономического развития в Катаре никогда не имели директивного характера, они сыграли свою положительную роль при переводе страны на рельсы новых технологий и организации труда. Канализировав процессы, связанные со становлением материально-технической базы промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры, эти планы не только заложили основы государственной экономической дисциплины, но и обобщили серьезный опыт умения более рационально организовывать ведение хозяйственной деятельности в национальном масштабе, экономно расходовать средства, более рационально расходовать материальные и иные ресурсы и многое другое. Конечно, не следует преувеличивать роль планирования в условиях Катара, но тот факт, что оно носило индикативный характер, определяло лишь общие направления деятельности государства и примерные ассигнования на реализацию государственных проектов и не подавляло полностью частнохозяйственную активность, имел свои плюсы и способствовал движению частного капитала, хотя и вытесняя его на второстепенные направления.

На текущем этапе, когда в связи с заметно снизившимися поступлениями от экспорта нефти и газа значительно осложнились процессы внутреннего экономического развития, возникли ранее относительно легко преодолевавшиеся трудности во взаимодействии с окружающей экономической средой, появились проблемы, связанные с изысканием свободных финансовых ресурсов для поддержания устойчивого развития. Тем не менее плановый подход к хозяйственной жизни остает-

ся необходимой и важной составляющей государственной политики в области экономики, поскольку в конкретных обстоятельствах катарской действительности именно на государство легло основное бремя по выбору путей и методов если не устранения, то смягчения кризиса накоплений и мобилизации дополнительных средств для предотвращения экономического спада в стране. Понятно, эта проблема не так остра для Катара, как для большинства других развивающихся стран, ибо хотя Катар и не стеснен в средствах для развития, он может рассчитывать на кредиты международных организаций в большей степени, чем прочие претенденты на иностранную помощь. Накопленные материальные богатства, пусть и предстающие в связанной форме, служат серьезным залогом платежеспособности этого государства и гарантируют безотказное поступление ресурсов из разных источников.

Социально-экономические планы Катара в условиях преобладающей роли государства остаются действенным инструментом государственного управления экономикой, тем более, что частное предпринимательство в производственной сфере и рыночные механизмы еще не характеризуются масштабными показателями и поэтому не включены полной мерой в национальный экономический дискурс. Поэтому действующая ныне Катарская национальная стратегия развития на 2011–2016 гг. была разработана правительством с учётом понимания реального положения дел в стране и достигнутого к настоящему моменту баланса интересов государственного и частного предпринимательства.

Эта стратегия отличается от предшествующих тем, что впервые открыто декларируется её индикативность, хотя таковым государственное программирование развития экономики было и прежде, но без объявления этого факта. Тем самым Катар прочно встал на позиции, занимаемые как развитыми промышленными, так и многими развивающимися странами, включая, например, Египет или Иорданию, или страны Персидского залива. Однако это обстоятельство не означает, что государство отказывается от непосредственного участия в формировании основных направлений хозяйственной деятельности в сочетании с выработкой стратегических основ развития базовых отраслей национальной экономики, включая нефтегазовый сектор, обрабатывающую промышленность, капитальное строительство, а также сферы торговли и услуг.

Действительно, в нынешнем Катаре такую координацию может обеспечить только государство, поскольку экономика не образует пока самонастраивающуюся систему, хотя некоторые институциональные образования для этого в ней существуют.

Резкое ослабление роли государства в сфере социального планирования способно привести к недовольству населения, выступающего в поддержку сохранения распределительной и регулирующей функции государства в социально важных нишах. Для этого последнего (в первую очередь для государственной бюрократии, ведомственных и министерских администраторов и управленцев) подобная реакция будет означать признание непреходящей роли государства (а значит, и их собственной) в руководстве фундаментальными процессами на всем национальном пространстве без изъятий. Это поможет управленческой буржуазии, сформированной из представителей высшего чиновничества, и служащим на ответственных постах в структурах власти, образующим влиятельный политически и сильный экономически анклав, сохранить влияние и способность воздействовать на выработку и принятие решений на государственном уровне. Поэтому, возможно, не следует исключать, что декларацию об отказе государства от части своих функций в пользу рыночных методов регулирования некоторых важных сфер жизни общества следует рассматривать как своего рода уловку, призванную выявить неготовность иных структур, кроме государственных, определять характер экономических отношений, производственных связей и поддерживать баланс общественных интересов.

* * *

В принципе общая стратегия экономического развития Катара мало чем отличается от хозяйственной политики других аравийских монархий. Как и в этих странах, она направлена в сторону ускоренной индустриализации и диверсификации экономической структуры с целью создания такого хозяйственного механизма, который мог бы нормально функционировать после окончания «нефтяной эры». Главными направлениями реализации этой стратегии стали создание национальной экономики на основе всемерного развития государственного и частного секторов, развитие инфраструктуры, подготовка квалифицированных кадров из числа местных жителей и по-

степенная замена ими иностранных специалистов в ключевых звеньях управления хозяйством, пересмотр «нефтяной» политики государства путем расширения государственного контроля над добычей и экспортом нефти, вывоз капитала за рубеж.

С этой темой тесно связана другая – поступления в бюджет от налогов. В сложившейся ситуации Катар едва ли способен продуктивно использовать этот канал мобилизации средств, во всяком случае, в той мере, в какой это соответствует его стремлению улучшить ситуацию с бюджетом. Введение дополнительного налогового бремени может быть осуществимо только при координации действий с другими странами ССАГПЗ. Иначе односторонние действия могут подорвать неустоявшуюся систему сбалансированных отношений в этой экономической группировке, вызвав цепную реакцию с непредсказуемыми последствиями для экономики каждого из участников и без того вялотекущего регионального интеграционного процесса. Рост налогов может также спровоцировать бегство частных катарских капиталов за границу, что обеднит инвестиционное пространство и может привести к застою в экономике.

Упорядочение бюджетных расходов едва ли может быть достигнуто радикальным путем и на широком фронте в силу традиций и особенностей системы государственного управления в Катаре. Однако, по крайней мере, определенные сдвиги в экономии на расходах могут быть обеспечены за счет рационализации труда и организационной перестройки хотя бы в части госструктур с независимыми бюджетами и перевода некоторых из них на своего рода хозрасчет, способствующий расширению сферы действия рыночной модели.

Для сегодняшнего Катара назрела задача осуществления структурной перестройки экономики за счет изменения форм собственности на средства производства, необходимость чего подчеркивается указанной выше стратегией. Однако для инициирования такого всеохватного явления нужны серьезные и весомые импульсы, генерируемые не только соображениями целесообразности, но и мощной финансовой подпиткой. Однако в стране, где пока еще не наблюдается дефицита инвестиций, но сам инвестиционный процесс периодически утрачивает свою поступательность, весьма сложно мобилизовать без государственной поддержки потенциал для фундаментальной

структурной перестройки, для реализации которой требуется стабильное и многолетнее финансирование.

Нынешняя ситуация в Катаре такова, что в стране пока еще не наблюдается уменьшения объемов финансирования и оскудения источников накопления, а следовательно, нет и жесткой необходимости применения четко взвешенных и часто непопулярных среди местного населения правительственных решений. Поэтому, видимо, вышеупомянутая стратегия развития была в основном составлена в устоявшихся традициях и предлагает такие методы действия, которые не противоречат духу катарского бизнеса, избегающего неосмотрительности и риска.

Между тем, набор проблем, которые способны влиять на жизнеспособность государства, велик. Это прежде всего структурные диспропорции в населении, разбалансированность рынка труда, нерациональное размещение производительных сил, жилищная проблема. Это первоочередные задачи, на решение которых должны быть направлены усилия государства. Однако в документах Стратегии четко не определены долгосрочные цели и задачи, не поставлены временные границы реализации основных проектов, не прояснено видение контуров развития страны на обозримую перспективу. Между тем, именно перспективный план до 2030 г. считается оптимальным по определению целей для разрешения кризисных ситуаций, которые обозначились в первом десятилетии 2000-х годов.

Между тем, Стратегия оставляет неясными весьма существенные аспекты, влияющие на характер и темпы движения страны по пути социально-экономического прогресса. В частности, в ней отражено стремление представить положительную динамику ненефтяных доходов, что соотносится с общим курсом на развитие альтернативных отраслей производства, но не названы механизмы получения такого результата. Просматривается также тенденция к сокращению расходов правительством в попытках «попридержать» средства и создать максимально большой задел для преодоления возможного бюджетного дефицита. Но, по существу, это означает вывод из производительного оборота крупных финансовых ресурсов, которые в ином случае могли бы быть использованы для наращивания выпуска товарной массы и оказания услуг. Тот факт, что правительство даже не подготовило ряд сценариев динамики расходной и доходной частей бюджета и возможных масштабов дефицитов на период до 2030 г., не является успокаивающим моментом, поскольку точное предсказание особенностей течения макроэкономических процессов в условиях глобальной перестройки экономических отношений и глубокой привязки к ним региональных отношений в течение этого периода едва ли может видеться как реальное дело. Ведь совершенно непредсказуемы параметры добычи нефти и газа на новых месторождениях, поскольку затруднена оценка факторов, как ресурсных, так и ценовых, способных оказать влияние в длительной перспективе на добычу нефти и газа при крайне нестабильной ситуации на рынках и к тому же без учета сдвигов в структуре национальной экономики и характере бюджетных колебаний.

Понятно, что разработанная Стратегия развития имеет выраженные слабые места в своем «конструировании» ближайшего экономического будущего страны, усугубляемые реалиями текущей ситуации. Значение того факта, что Катар не отказывается от планового принципа в организации своей хозяйственной деятельности как мощного рычага упорядочения развития, тем не менее, не сглаживает другой факт, связанный с серьезной недоработкой важнейших аспектов экономической политики государства. Этот момент особенно опасен именно сейчас, когда страна оказалась в условиях мирового финансового спада и, возможно, цейтнота, учитывая размах стоящих хозяйственных проблем и строгий лимит времени для их решения в потоке ускоряющихся мировых экономических событий.

В целом же катарская экономика обладает пока достаточным запасом прочности и известной гибкостью. Поэтому из сказанного не следует делать вывод, что Катар стоит перед лицом экономического краха и должен предпринимать отчаянные усилия, чтобы удержать экономику на плаву. Речь должна идти в первую очередь об изменении тактики и стратегии развития, о новых методах и способах оперирования на мировом хозяйственном пространстве, о более четких реакциях на динамику глобальной экономической эволюции, о повышении эффективности использования имеющихся факторов роста и о режиме экономии государственных ресурсов. Ведь за последние три десятилетия и страна, и население свыклись с завышенными стандартами потребления, добровольный отказ от которых в разных слоях общества воспринимается одинаково как крушение образа жизни, как ситуация, вплотную подводящая к катастрофе.

И все же следует полагать, что теория катастрофизма едва ли может быть применима к Катару в настоящий момент. Страна действительно переживает определенные трудности переходного периода, вызванные первыми шагами хозяйственной реформы, реструктуризации экономики и реорганизации отношений собственности.

Тем не менее по ряду важных показателей развития Катар уже довольно давно опережает другие страны ССАГПЗ. Например, темпы экономического роста в Катаре составили в 2000 г. 4,3% по сравнению с 3,6% в Кувейте, 4% — на Бахрейне, 4,1% — в Саудовской Аравии и 3,6% — в Омане³. Если за 2005—2011 гг. ВВП Бахрейна вырос в 1,3 раза, Кувейта — в 1,1, ОАЭ — в 1,2, Омана и Саудовской Аравии — в 1,4, то Катара — в 3,3 раза⁴. Поэтому можно с определенной долей уверенности сказать, что запас прочности национальной экономики еще велик, а сам процесс экономического роста обладает многомерностью, что позволяет хозяйственной системе поддерживать жизнеспособность за счет опоры на те свои экономические институты, которые лучше других смогли адаптироваться к требованиям модернизации.

Понятно также, что на экономическое положение в стране основательное воздействие оказывали и продолжают оказывать соображения национальной безопасности. В этой связи в Катаре указывается на целесообразность соблюдения соответствия между мерами безопасности и потребностями торговли, осложнение которой сдерживает развитие страны и чревато другими потерями. Ведь «закрытость» государства наносит ущерб экономической деятельности, вообще принижает роль государства в региональной политике. Поэтому органам безопасности не следует определять рамки хозяйственной деятельности и самим решать, где кончается торговля, а где начинается безопасность. Между тем, по некоторым утверждениям, именно такая практика получила распространение в Катаре, и она особенно неуместна в условиях, когда страна испытывает определенные экономические трудности, хотя и общепризнанно, что страна тогда более открыта для сотрудничества, когда ее безопасность обеспечена в максимальной степени.

Недостатки в системе управления экономикой во многом определяются техническими моментами, несоответствиями в сфере управления. Деятельность правительства в Катаре не всегда является выверенной, целостной, она требует серьезной

корректировки и адаптации к существующим условиям, в частности, к присутствию на экономическом пространстве формирующегося бизнес-сообщества, которое должно выступать союзником правительства, а не быть его антиподом. Проблемы взаимоотношений между ними должны решаться на рациональной основе, диктуемой экономической целесообразностью.

Дальнейшее развитие экономики Катара — многомерная задача, которая складывается из разных составляющих. Одна из них (частично упоминавшаяся выше) — введение налогообложения, приближенного по ряду параметров к общепринятым нормам, что должно определенным образом улучшить бюджетные показатели и состояние финансовой системы.

Однако, как уже отмечалось, введение налогов на национальном уровне без согласования с тем, что происходит в этой области в других странах Залива, с которыми Катар стремится образовать единую экономическую систему, чревато серьезными осложнениями. Введение налогов может отрицательно сказаться и на состоянии катарской биржи. При отсутствии комплекса факторов, способных активизировать биржевые операции, налоги могут послужить существенным ограничителем биржевой деятельности и способствовать возникновению ее теневого антипода, что не отвечает интересам экономического развития страны. Сходная ситуация может возникнуть и при обложении налогами доходов иммигрантов. Чтобы компенсировать сокращение своих накоплений в результате налогообложения, они могут сократить потребление и уменьшить расходы, что, учитывая численность иностранцев, находящихся в Катаре, приведет к неблагоприятным явлениям на местном внутреннем рынке.

Понятно, что идея ужесточения налогообложения нигде в целом не пользуется популярностью. Выдвигаемые против нее доводы включают и сомнения критиков в целесообразности введения налогов в период низкого уровня цен на нефть; ухудшение положения населения, которое в Катаре может стать беднее и в большинстве своем является должником различных кредитных учреждений; установление налогов на лиц рабочих профессий, численность которых невелика и налоги на которых могут еще более сократить приток желающих пополнить ряды пролетариата. Озабоченность этими обстоятельствами показательна, поскольку в стране полагают, что государство не ограничится только корпоративным налогом, но

обязательно будет продолжать свою политику, расширяя круг лиц, подлежащих налогообложению. И хотя, возможно, государство добьется таким способом роста поступлений в казну, отдаленным последствием этого может стать сокращение предпринимательской деятельности, потери от чего превысят доходы от налогов.

Вряд ли есть сомнения, что налоги являются целесообразным институтом, государственной необходимостью. Но также очевидно, что они не должны ложиться неподъемным бременем на население. В этой связи определенной поддержкой пользуется только идея введения налога с продаж, который рассматривается как приемлемый ущерб экономическим интересам населения. Но регулярная система налогов воспринимается в Катаре как принудительная мера, способная возыметь самые отрицательные последствия для жизни частных лиц и корпораций, поскольку государство логикой своих действий будет подвигнуто на введение новых видов таксации и расширение круга субъектов, охватываемых ею. При этом не исключается, что постепенное увеличение числа актов налогового законодательства в условиях забюрократизированности госаппарата создаст почву для разночтений, противоречий, вольности толкований и злоупотреблений и обострит проблему инвестирования. Вера инвесторов в рынок может оказаться подорванной из-за множественности законов и обусловленной этим непрозрачности налогового поля. Поэтому предпочтительнее налоговое законодательство консолидировать в единый пакет документов и принять их одновременно, а не растягивать процесс законотворчества на неопределенные сроки.

* * *

Проблема налогов тесно сопряжена с вопросами организации банковско-финансового сектора, поэтому переход к современному осмыслению роли налогообложения в развитии экономики может быть успешным только в той мере, в какой он сопрягается с совершенствованием сферы обращения. Потребность в этом велика, особенно в условиях глобализации, которая инициирует целую систему мер, имеющих конечной целью создание банковского сообщества, способного реально обслуживать воспроизводственные процессы на мировом и региональном уровнях.

Не случайно, МВФ подготовил обширную программу реформирования мировой финансовой системы. Ее составными частями являются обеспечение большей открытости банков и других финансовых институтов перед международной экспертизой, предоставление в ее распоряжение максимальной отчетности, беспрепятственный обмен информацией. Особенно подчеркивается роль частного предпринимательства в этой области, которое должно нести свою долю ответственности за предотвращение или разрешение кризисных финансовых ситуаций, чтобы избежать потрясений, подобных тому, что имело место в Юго-Восточной Азии в конце XX в., а затем в 2008—2012 гг. в мировой экономике. Гарантией защиты от развития событий по негативному сценарию должны послужить меры по укреплению основ мировой финансовой системы, а также усиление региональных финансовых систем.

Катарская банковско-финансовая система в принципе соответствует современным параметрам организации и эффективности. Однако и в ней имеются недостатки, часть которых свойственна арабскому миру вообще и проистекает из неоправданно высокой степени огосударствления этой системы. Подобная односторонность не сопрягается с рекомендациями Мирового банка, определяющего характер развития мирового финансового сообщества и считающего приватизацию банковско-финансового дела важнейшей предпосылкой увеличения его эффективности.

Можно заметить, что дееспособность арабских национальных банков в целом не отвечает установленным МВФ нормам и они не могут обеспечивать соответствующий мировым стандартам доход на капитал, который составляет для банков мирового уровня около 30%, тогда как в арабском мире он достигает только 12,5%. Примеры Саудовско-американского банка, в котором этот показатель равен 22%, или Национального банка Кувейта (21%), или Банка Залива (19%) могут рассматриваться как отдельные исключения из общего правила, господствующего в арабской финансовой среде. Однако следует отметить, что некоторые показатели для отдельных арабских банков, особенно в Заливе, значительно выходят за рамки, свойственные иностранным банкам. Отмечаются случаи, когда доходность арабских банков может повышаться до 70 и даже более процентов. Эти случаи имеют свое объяснение и восходят к тому, что государство гарантирует вклады и вообще проводит протекционистскую политику в отношении своих банков. Как результат этого, в них формируются существенные прибыли без пропорционального этому прироста услуг, диверсификации банковских продуктов, повышения качества менеджмента и т.п.

В целом же арабские банки не могут считаться продвинутыми во многих областях, таких как, например, финансирование инвестиционных проектов в разных отраслях экономики. участие в управлении ими и в их производственной деятельности. Они отстают в том, что касается создания компаний разной производственной направленности, предоставления необходимого набора банковских продуктов, комплексного оперирования всеми финансовыми инструментами для организации совместных инвестиционных фондов и других учреждений такого же профиля, по существу отказываясь от практики, которая привела к возникновению мировых банковских гигантов, хотя подобное достижимо и для определенной части арабских стран, учитывая их ресурсы. В арабском же мире и, в частности, в Катаре национальные банки сталкиваются с конкуренцией между собой на внутреннем и внешнем пространстве, что усугубляется и действиями иностранных банков, стремящихся воспользоваться недостатками в работе катарских банков.

Чтобы преодолеть действие сдерживающих факторов. необходимо модернизировать банковско-финансовое законодательство, адаптировать его к современным требованиям, выработать соответствующие критерии работы и ее стратегию, противодействовать монополизму и принимать меры к активизации коммерческих банков за счет использования средств резидентов, населения арабских стран и зарубежных государств. Важный момент – сохранение независимости Центрального банка Катара, который должен действовать исключительно в интересах сохранения экономической стабильности, не поддаваясь нажиму со стороны. Другой момент - последовательная ликвидация препятствий на пути сотрудничества в банковской сфере между странами Залива и в остальном арабском мире как залог повышения общей эффективности арабского банковского капитала. Эти требования составляют своего рода программу-максимум, с которой выступают представители катарского банковского бизнеса на межарабской арене. В национальном плане эта программа предусматривает превращение Катара в коммерческий и банковско-финансовый центр всеарабского значения или, по меньшей мере, ССАГПЗ. Хотя подобная программа пока не сформулирована в виде самостоятельного документа, однако она неоднократно озвучивалась на разного рода семинарах и конференциях, которые проходят в стране и за ее пределами с участием международных структур.

Применительно к Катару и к странам Залива предлагаются разные рецепты, чтобы активизировать работу банковскофинансовой сферы, придать ей новые импульсы. В частности, речь идет о слиянии банков в целях создания более мощного объединения, способного решать масштабные инвестиционные и иные проблемы. Однако идея эта, видимо, значительно опережает уровень развития национальных банков в Заливе. Позиция Катара, например, состоит в осторожном отношении к такому проекту, а также в том, что реализовывать его следует всему мировому банковскому сообществу. В качестве предварительной меры предлагается создать координационные программы, при опоре на которые и следует решать вопрос в будущем. В целом же Катар исходит из своей специфики и из того факта, что местные банки отличаются большим своеобразием по сравнению с иностранными и работают по схемам, которые зародились в условиях обслуживания небольшого количества клиентов, а потому вопрос о слиянии банков в общеарабском, а тем более мировом масштабе для Катара на нынешнем этапе мало актуален. Но при этом не отрицается, что банковская система страны нуждается в сильном стратегическом партнере, имеющем большой опыт, высокие профессиональные потенции и основательно вовлеченном в мировую экономику. Благодаря помощи такого партнера катарское банковское сообщество получило бы возможность более полно мобилизовать свой потенциал и использовать его с большей эффективностью, чем в случае, когда оно развивается самобытно и в какой-то мере находится на периферии мирового банковского бизнеса.

Другой рецепт состоит в том, чтобы ориентировать местные банки на использование исламских принципов в повседневной деятельности, поскольку исламский подход рассматривается в данном случае в качестве «единственной существенной черты, придающей местным банкам конкурентоспособность перед иностранными банками в том случае, если эти последние начнут проникать в страну» 6.

Роль катарских исламских банков как именно исламского финансового института в этих обстоятельствах предстает не-

сколько приниженной, особенно если учесть, что они вплоть до настоящего времени предпочитали действовать под прикрытием Центрального банка страны и Катарского финансового центра. Предложение о выведении системы исламского инвестирования и финансирования на передний план национальной стратегии в области финансов исходит от исламских финансистов, в частности, от руководства некоторых кувейтских и саудовских банков. Такого рода предложения связаны, видимо, с тем, что в этих странах так же, как и в Катаре, отмечается некоторая недооценка самодостаточности местной банковской сферы и заметно стремление подчеркнуть своеобразие исламской модели экономики и ее повышенную дееспособность перед лицом наступления глобализации, в рамках которой на самом деле остается не столь много места для сохранения национальной специфики. В этой связи предлагается законодательно закрепить исламский банковский канон и разрешить обычным банкам в своей практике прибегать к исламским принципам ведения банковского дела. Другими словами, активно муссируется вопрос о наделении обычных банков функциями исламских, что отражает непростые отношения между местными министерствами финансов и исламскими банковскими учреждениями в стремлении последних дать адекватный ответ государственным структурам, пытающимся ограничить их амбиции, подпитываемые тем обстоятельством, что, например, доля депозитов частного сектора в исламские банки в Катаре в 2010 г. составила около 30% этого показателя по стране 7 . Кроме того, наиболее крупное из финансовых учреждений подобного типа - «Катарский исламский банк» - в последние годы демонстрирует готовность к активным действиям за рубежом.

Так, в 2003 г. благодаря его усилиям в Ливане был учрежден «Арабский финансовый дом», который стал первым исламским коммерческим и инвестиционным банком в этом государстве. В 2007 г. также при участии катарского банка был создан Азиатский финансовый банк в Малайзии. Помимо этого планируется открытие схожих учреждений в Индонезии, Сингапуре, Брунее. На европейском направлении работает коммерческое предприятие Катарского исламского банка под названием «Европейский финансовый дом», которое, находясь в Лондоне, предоставляет услуги на принципах исламского финансирования и привлекает иностранные инвестиции из стран Ближнего Востока и Северной Африки⁸.

Очевидно, что на сегодня Катар располагает мощным банковским потенциалом и в этом качестве интересует определенные структуры как возможный центр «отмывания» капиталов. Поэтому в стране предпринимаются энергичные меры для предотвращения случаев незаконных операций с финансовыми средствами. Центральный банк Катара совместно с соответствующими учреждениями осуществляет проверку всех транзакций на основе инструкции о методах распознания операций. связанных с отмыванием денег, которая доведена до сведения всех банковских служащих, занятых обслуживанием клиентов и в документарном секторе. Естественно, при отсутствии закона о контроле за отмыванием денег трудно квалифицировать те или иные банковские операции как противоправные. Тем не менее сегодня в Катаре осуществляется строгое отслеживание всех банковских трансфертов и проверка их на криминогенность. Ныне в соответствии с инструкциями Центрального банка Катара потенциально криминальными признаются все операции, по которым предлагаются завышенные проценты, а вовлеченные в них юридические и физические лица подлежат особой проверке. В результате жесткой политики и разъяснительной кампании среди населения, по сведениям Центрального банка, в стране не зафиксировано случаев противоправных действий в банковской сфере. Подобный факт может рассматриваться как одно из свидетельств надежности и прозрачности национальной банковской системы, как показатель заинтересованности в открытом сотрудничестве с остальным миром против международного экстремизма и терроризма.

В целом банковско-финансовая система Катара остается на протяжении длительного времени достаточно стабильной и устойчивой, хотя в ее рамках и существуют проблемы. Но она выполняет свое предназначение и вносит реальный вклад в поддержание имиджа Катара как платежеспособного государства, осуществляющего финансовые операции по всему миру и оказывающего массированную финансовую помощь развивающимся странам через свои специализированные фонды, что расценивается как дополнительное свидетельство финансовой дееспособности.

* * *

Крупный блок проблем, могущих повлиять на общее экономическое состояние Катара, связан с отношениями с ВТО.

Катар играет видную роль в регионе Залива как член этой организации и в целом ряде случаев выступает в качестве передового отряда своих партнеров в выстраивании их линии поведения относительно этой международной организации. Страны ССАГПЗ, а вместе с ними и Катар, стремятся предпринять конкретные шаги для сближения с ВТО в качестве регионального объединения в надежде, что это может обеспечить им более плавное вхождение в международное торговое сообщество и облегчить адаптацию к сложным условиям функционирования в агрессивной среде.

Между тем, арабским странам Залива предстоит преодолеть серьезные препятствия на пути к равноправному сотрудничеству с ВТО. Теоретически согласные с тем, что необходимо бороться против демпинга и придерживаться протекционистских мер для защиты своего национального производства, они практически не располагают ни законодательной базой для этого, ни соответствующими структурами, ни кадрами, способными вести всю работу по регулированию международной и межарабской торговли в регионе. Более того, глубокое вхождение в зону ВТО чревато прямыми потерями для всех членов ССАГПЗ, в том числе и для Катара. В первую очередь речь идет об угрозе существования некоторых национальных отраслей промышленности. В докладе ЭКЗА, например, выдвигается задача пересмотра стратегии индустриализации и промышленной политики в регионе в целом и в каждой стране в отдельности в связи с глобализацией и необходимостью адаптации к требованиям ВТО в конкретных областях. Медленная реструктуризация экономики в странах ССАГПЗ, несмотря на значительные сдвиги в ее физических показателях, сулит возникновение весьма крупных проблем для целых отраслей. В частности, это особенно затрагивает интересы ткацко-прядильной промышленности и производства готовой одежды, которые будут испытывать на себе очень жесткую и растущую конкуренцию со стороны мировых производителей этой продукции по мере втягивания в поле ВТО. Это же, в принципе, касается и продукции черной и цветной металлургии, получившей достаточно широкое распространение в странах ССАГПЗ, включая Катар. Причем ситуация не будет благоприятной для стран Залива, поскольку именно по этим двум отраслям соглашения в рамках ВТО предусматривают введение количественных ограничений для экспорта из развивающихся стран.

Подобное развитее событий может оказаться катастрофичным для Катара и других стран Залива. Ведь именно эти отрасли развивались ускоренными темпами в последнее десятилетие. Достаточно сказать, что в Катаре с 1978 г. успешно функционирует сталеплавильный комплекс, мощность которого последовательно увеличивалась с 400 тыс. т стали в год в 1978 г. до 475 тыс. т в 1985 г., 510 тыс. т – в 1989 г. и 610 тыс. т – в 1993 г. В 1997 г. был заложен еще один сталеплавильный комплекс в Умм-Саиде, годовая мощность которого возросла с 550 тыс. т выпуска стали в 2000 г. до 1,5 млн т в 2007 г. в результате чего Катар превратился в одного из крупнейших продуцентов стали среди арабских стран. Т.е. Катар стал обладателем весьма крупных производств, продукция которых может потерять рынки и вызвать резкое падение важных показателей в промышленности и в целом в экономике.

Естественно, в стране ищут пути преодоления трудностей. В частности, предлагается в первую очередь реструктурировать сталелитейную отрасль, оптимизировать использование ресурсов, снизить производственные расходы, специализировать производство на отдельных видах продукции и работать на госзаказ, а также использовать только местную рабочую силу вместо иностранной. Однако эти меры, несущие в себе рациональное начало, не объединены в единую программу, не увязаны в обязательный к исполнению пакет решений и, скорее, представляют собою конгломерат мер, не привязанных к конкретным объектам и реальной ситуации.

Очевидно, что Катар сталкивается с множеством проблем, тактика и стратегия преодоления которых не существует в готовом виде, а вырабатывается по мере возникновения этих проблем, которые сложны не только сами по себе, но и тем, что создают вкупе целые узлы противоречий. Подобная ситуация характерна для многих стран, но для малых государств, к которым по большинству параметров относят Катар, проблемы часто предстают не столько в виде собственно трудностей роста, сколько в качестве проекций глобальных вызовов на национальные рынки.

Катарские правящие круги стремятся решать возникающие в ходе экономического строительства задачи путем повышения активности участия страны в мировом хозяйстве через посредничество иностранного капитала и капитализации нефтяной ренты в западных государствах.

С этой целью Катар широко привлекает западные фирмы к составлению национальных планов и программ развития, строительству и обеспечению функционирования ключевых объектов, сооружаемых в рамках этих планов. При этом проводится в жизнь принцип партнерства, в соответствии с которым иностранным предпринимателям разрешено иметь до 49% акций того или иного предприятия (компании). По мнению катарских деловых кругов, такое распределение капитала способно гарантировать эффективную деятельность объектов индустриализации на базе их интеграции в систему предприятий той или иной транснациональной корпорации (ТНК). Подобная экономическая модель неизбежно предполагает взаимозависимое развитие, превращение местной экономики в одно из звеньев ТНК. Ясно, что при этом местные промышленные предприятия, прежде всего нефтеперерабатывающие, нефтехимические и металлургические, становятся, по существу, поставщиками полуфабрикатов для головных предприятий ТНК, а их стратегия развития определяется импульсами, исходящими из развитой части мирового хозяйства.

Оказавшись перед лицом лавинообразных валютных поступлений от экспорта нефти и газа, освоить которые местная экономика была не в состоянии, Катар столкнулся с проблемой их производительного использования. Поскольку эти огромные для Катара доходы превышали все возможные масштабы их потребления внутри страны, было решено их инвестировать на выгодных условиях в экономику Запада.

Процесс рециркуляции избыточного катарского капитала объяснялся также тем, что деловые круги страны стремились обеспечить определенное самовозрастание своих капиталов, создать своеобразный страховой фонд на случай социальнополитических потрясений и снижения доходов от экспорта нефти в случае падения цен на нее на мировом рынке, ускорить свое вхождение в сферу финансовой элиты и обеспечить в ней равноправное деловое участие.

Правящие круги Запада, со своей стороны, оказались заинтересованными в получении катарских капиталов с целью укрепления платежных балансов своих государств, пострадавших от роста цен на нефть, а ТНК и банковские корпорации в мобилизации катарских средств для установления своего контроля над ними и финансирования своих операций, а также интеграции страны в мировую экономику на правах младшего партнера.

Реализация этих принципов взаимозависимости привела к тому, что рост зарубежных инвестиций и банковских вкладов Катара в государственные ценные бумаги Запада достиг таких масштабов, что рента, получаемая страной, стала в Катаре почти таким же важным источником дохода, как нефть и газ. Это обстоятельство заметно уменьшило зависимость страны от перепадов конъюнктуры рынка жидкого топлива, а тем самым и острую заинтересованность в ее добыче.

Вместе с тем увеличение инвалютных поступлений от размещения средств на Западе не означает в целом для Катара физического перемещения платежных средств в его Центральный банк, так как начисление процентов в значительной степени сводится к чисто бухгалтерской операции — списанию процентов со счетов импортеров капитала и начислению их на счета Катара. Подобная практика давно принята и удобна, но при подлинном равенстве партнеров. В данном же случае, когда на стороне Запада сохраняются военно-политические и экономические рычаги, эти операции приобретают определенный элемент условности. Как показал опыт манипулирования стран Запада с иранскими, ливийскими, иракскими или сирийскими вкладами, реальный контроль над валютными перечислениями в значительной мере остается в руках более мощного партнера.

* * *

На современном этапе экономика Катара схожа с экономикой других нефтеэкспортирующих стран Аравийского полуострова в главном: основное место в ней принадлежит современному энергетическому сектору, который длительное время развивался практически в полном отрыве от других отраслей хозяйства, а ныне выступает в качестве "локомотива", призванного вытянуть на необходимый уровень прочие сферы местной экономики. Во главу угла поставлена задача обеспечить надежный хозяйственный рост, ослабить его зависимость от невозобновляемого и могущего иссякнуть источника доходов, какими являются нефть и газ, динамика которого к тому же определяется не внутренними, а внешними источниками воспроизводства.

Особенности экономики Катара – обилие дешевой энергии, большие инвестиционные возможности и дефицит местных трудовых ресурсов – диктуют стране определенный профиль промышленного развития: энерго- и капиталоемкий, но трудо-

сберегающий. Хотя эта стратегия не всегда четко зафиксирована в официальных документах, она достаточно ясно прослеживается в узкой специализации страны в области нефтехимии и нефтепереработки, развитии газового хозяйства, ориентации на превращение в нового банкира арабского мира. Объективно с самого начала вся промышленная стратегия Катара стала экспорториентированной.

Вместе с тем стремление в наиболее сжатые сроки ликвидировать историческую отсталость, целиком нефтяные и газовые доходы, имеет и ряд негативных последствий. В частности, растет зависимость Катара от промышленно развитых государств в сфере поставок машин, оборудования и современной технологии, возрастает и импорт продовольствия, возникают диспропорции во всем воспроизводственном механизме. Необходимо также отметить, что крупные вложения в развитие экономики сопровождаются сравнительно низкой эффективностью инвестиций, что связано с общим невысоким "стартовым уровнем" хозяйства страны, узким внутренним рынком, который ограничивает оптимальные размеры капиталоемких предприятий и загрузку их мощностей, с ошибками и просчетами в составлении и реализации планов, слабостью управления и организации производства, ограничительной практикой ТНК.

В целом, однако, можно сказать, что к настоящему времени в Катаре была создана материальная база для дальнейшего хозяйственного развития: заложены основы национальной промышленно-энергетической базы. практически закончено формирование необходимой инфраструктуры, построены специальные промышленные зоны, где сконцентрированы предприятия не только государственного сектора, но и частного, который пользуется здесь рядом привилегий, выработаны системы налоговых и таможенных ограничений и льгот, субсидирования и кредита, промышленное развитие поставлено на плановую основу, созданы современные системы просвещения и здравоохранения. К тому же государство берет на себя финансирование наиболее крупных капиталоемких проектов индустриального развития.

Катар относится к тем немногим странам развивающегося мира, которым на протяжении всего периода независимого развития удавалось поддерживать сравнительно высокие темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП). В среднем они со-

ставляли 8–10% в год, в отдельные периоды достигали 17–20%, а иногда снижались до 2,5%. Ясно, что основную роль в этом процессе играл так называемый нефтяной фактор, поскольку рост ВВП обеспечивался главным образом на основе использования доходов от продажи за рубеж нефти, газа и их производных.

Иначе говоря, рост объема ВВП Катара довольно четко отражал ситуацию, которая в различные периоды складывалась на мировом рынке энергоносителей. Так, резкое увеличение стоимостного объема ВВП страны совпадало по времени с двумя вспышками энергосырьевого кризиса и ростом цен на жидкое топливо, а его уменьшение — с общим экономическим спадом в мировом хозяйстве и заметным сокращением потребления нефти, а следовательно, и снижением цен на этот энергоноситель. Немаловажное значение оказывал также тот факт, что за этот период Катар превратился в крупнейшего в мире поставщика сжиженного природного газа (СПГ), внесшего заметный вклад в этот показатель.

Увеличение общего объема ВВП сопровождалось заметным ростом национального дохода на душу населения, который достиг 102 тыс. долл. В 2011 г., и страна по этому индикатору заняла первое место не только среди развивающихся, но и промышленно развитых государств. Однако и этот показатель был тесно связан с ситуацией на рынке топлива: в 1985 г. он составлял 16 220 долл., в 1993 г. — снизился до 15 140 долл., а в 1995 г. — до 12 000 долл. 11

Из-за высоких доходов на душу населения проблемы формирования альтернативной экономики имели до недавних пор для Катара во многом второстепенный характер. Лишь участившиеся колебания конъюнктуры мировых рынков жидких **УГЛЕВОДОРОДОВ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО** экономического пространства побудили к созданию новых элементов в рамках воспроизводственных схем. Эта проблема стала ключевой и поставила богатый Катар перед теми же трудностями, что и остальной развивающийся мир. То есть перед проблемой финансирования дальнейшего развития таким образом, чтобы придать ему характер реально устойчивого, подпитывающегося за счет рационально действующего воспроизводственного механизма, а не путем накачки излишних капиталов в ниши, не генерирующие импульсов для развертывания других структур с производственной ориентацией, имеющих ценность в долгосрочном плане.

Следует отметить, что основной рост в экономике Катара происходил главным образом благодаря капитализации прибыли от продажи нефти и газа на мировых рынках в рамках системы государственного хозяйствования, в то время как фабричное производство, отражавшее состояние частного предпринимательства, не демонстрировало столь же динамичного роста.

Односторонняя ориентация в индустриальной деятельности, сосредоточенная изначально на нефтедобыче, нефтепереработке и газопереработке, определялась как особенностями ресурсного потенциала страны, так и спецификой национального капитала, который по своей организации, отношению к фабричному производству, проявлявшимся предпочтениям резко отставал от потребностей национального развития в сфере производства. Другим обстоятельством, служившим существенным ограничителем для частного предпринимательства, были узость местного и соседних рынков, а также однотипность ремесленных цехов и структуры выпускавшейся ими продукции в Катаре и соседних аравийских государствах.

В значительной мере ситуация, сложившаяся в начальный период становления катарской экономики, сохраняется вплоть до настоящего времени и представляет ныне весьма серьезную проблему, хотя, безусловно, качественные параметры и государственного, и частного производства выросли несопоставимо. Тем не менее некогда сложившаяся непропорциональность их участия в формировании ВВП и в объемах валовой промышленной продукции сохраняется и поныне. Другими словами, как отмечалось, государство играет гипертрофированную роль в обеспечении индустриальных показателей, а частный капитал избрал для себя сферы деятельности, не сопряженные с крупными экономическими рисками и обеспечивающие быстрый оборот вложенных средств. Таким образом, выстраивавшемуся распределению функций в производственном организме страны содействовали вполне определенные исторические, географические, ресурсные факторы страны и поведенческие стереотипы участников воспроизводственного процесса. Это было оправдано масштабностью задач промышленного подъема, необходимостью освоения гигантских энергетических ресурсов, слабостью национального капитала и сосредоточением в руках государства огромных финансовых резервов, с помощью которых только и могли быть созданы благоприятные условия для эффективного использования жидких углеводородов в максимально сжатые сроки.

Однако на текущий момент, когда эти исторические задачи выполнены, и Катар вступил в полосу развития, которое уже не может квалифицироваться как плавное и последовательное и в растущей степени сопровождается дефицитами, кризисными явлениями и сбоями в работе воспроизводственных механизмов, перед страной встают качественно иные задачи в области развития национального хозяйства. Они сводятся к тому, чтобы реструктурировать экономику и добиться более подходящего для макроэкономики соотношения отраслей материального производства, обеспечить приватизацию хотя бы части хозяйственного пространства, занятого государством, добиться большей вовлеченности частного капитала в работу производственных секторов, в частности, в промышленность, либерализировать отношения между субъектами хозяйственной деятельности и активизировать рыночные механизмы. То есть существенно перестроить всю организационную схему национальной экономики, привлечь новые резервы в нее, мобилизовать частный бизнес и добиться диверсификации промышленного производства с тем, чтобы увеличить в нем долю ненефтяного сектора.

Подобный подход диктуется необходимостью улучшить некоторым образом подорванные (в результате колебания цен на нефть) условия жизнеобеспечения страны, добиться устойчивого развития не за счет накачивания экономики свободными финансовыми средствами, а за счет маневра внутренними резервами, вообще обеспечить катарскому обществу комфортное существование в новом веке и подготовить предпосылки для его жизни в постнефтяной период.

Естественно, решение такой проблемы в короткие сроки нереально, поскольку оно связано с серьезными потрясениями всей системы экономического устройства государства и даже с более далеко идущими последствиями для власти и общества, которые не воспринимают революционных мер при решении вопросов национального значения.

* * *

В Катаре, как уже отмечалось, была разработана стратегия развития на 2011—2016 гг. с перспективами до 2030 г., которая рассматривается в стране как своего рода перспективный план модернизации основ воспроизводственной деятель-

ности, как документ, воплощающий представления о необходимых параметрах экономического роста, гарантирующих устойчивость национального хозяйства.

В целом новая стратегия направлена на то, чтобы реализовать четыре задачи: оптимизировать эксплуатацию существующих промышленных мощностей, создать новые отрасли промышленного производства и обеспечить рабочие места для национальной рабочей силы. Четвертая состоит в том, чтобы на базе действующих и созданных отраслей и производств добиться более тесного взаимодействия между ними, обеспечить внутрихозяйственные и межотраслевые связи в той мере. в какой это отвечает представлениям о гармоничном интегрированном хозяйственном механизме, способном соответствовать новым обстоятельствам, открывающимся перед Катаром в начавшемся тысячелетии. При этом структурная перестройка экономики воспринимается как главнейшая задача в стратегических установках государства. В их рамках предполагается изыскивать возможности для дальнейшего продвижения индустриализации, активного включения в хозяйственный оборот имеющихся природных ресурсов, а также более энергичного наращивания национального управленческого и технического опыта в интересах перехода промышленности Катара в разряд наиболее соответствующих мировым стандартам. с тем стратегия содержит и указание на механизмы, с помощью которых может быть достигнуто равновесие в индустриальной сфере. Это, в первую очередь, реорганизация частного сектора, развитие систем стимулирования и укрепления конкурентного потенциала катарской продукции, поощрение индивидуальной инициативы в сфере промышленного производства, увеличение удельного веса катарской рабочей силы в совокупной армии труда и углубление региональной промышленной интеграции.

Однако, как может показаться, стратегия, выдвинутая в качестве ключевой, все же предстает в большой мере как некий общий абрис развития процесса модернизации экономики Катара и не задает формата, который будет определять темпы и время прохождения разных фаз этого процесса. Этот факт имеет свое объяснение, которое состоит в том, что программы подобного рода, как правило, являются в большей степени декларациями намерений, чем руководством к действию, и не способны учесть все нюансы будущих ситуаций как в разных

сегментах внутрихозяйственных отношений, так и в конъюнктуре внешних рынков, в сложной системе взаимодействия между которыми имеется много степеней свободы. Однако это не умаляет значения разработанной стратегии, которая полезна уже тем, что генерирует векторы движения мысли в сфере реформирования базиса, формулирует действия государства на перспективу, способствует упорядочению представлений о мере необходимого для достижения цели.

Поскольку ненефтяной сектор Катара представлен сравнительно маломощными предприятиями и его доля в ВВП была и остается небольшой, государство не стремилось использовать его потенциал для увеличения своих доходов. Это обстоятельство, а также некие соображения по поводу более оформленного присутствия частного капитала на экономическом пространстве страны подвигли государство на ряд действий, объективно в пользу частного предпринимательства. Поэтому освобождение от выплат в пользу государства распространялось почти на все виды промышленной активности. Освобождение от таможенных пошлин сопровождалось многими льготами, которые охватывали цену на земельные участки под производственные строения, низкий процент по кредитам, предоставление преимуществ местному капиталу при рассмотрении тендерных заявок, субсидии на электроэнергию.

Однако сейчас, когда обстоятельства изменяются и на первые места в государственной политике выдвигаются такие задачи, как экономия ресурсов, изыскание новых источников накопления, мобилизация дополнительных усилий в целях поддержания темпов экономического роста, государство испытывает необходимость в новых подходах к проблеме ненефтяного сектора. Поэтому политика государства в обозримый период, очевидно, будет направлена на то, чтобы найти дополнительные мотивации для частных инвесторов с тем, чтобы они размещали свои капиталы в производственной сфере. Это при успехе может стать приемлемой альтернативой посредническим операциям, спекуляциям недвижимостью и игре на фондовой бирже, которые составляют ныне важный сегмент экономической активности представителей крупной национальной буржуазии.

Однако, видимо, государство не обольщается возможностью быстрой переориентации частных предпринимателей мелкого и среднего уровня на выполнение производственных заданий, расширения прослойки лиц, избравших своим занятием бизнес в промышленности, и привлечения национального капитала в этот сектор в масштабах, способных инициировать новые тенденции в экономике. Попытки создать рядом с гигантскими нефтяными, нефтехимическими и газоперерабатывающими отраслями более мощный, чем сейчас, новый анклав обрабатывающей и легкой промышленности, в котором ведущую роль играли бы частные накопления, едва ли смогут в исторически короткий срок привести к реальным и весомым результатам, учитывая крайне узкую производственно-сырьевую базу страны (исключая нефть и газ).

Тем не менее государственная политика по отношению к частному промышленному сектору сравнительно быстро приобретает характер многогранной и систематической в намерении расширить участие частного капитала не только в производстве, но и во внешней торговле.

Стремление укрепить позиции частного капитала в производственной сфере находит выражение в разных действиях. Среди них, как отмечалось, не последнее место отводится созданию структур, призванных поощрять национальную промышленность в ее ненефтяном сегменте и содействовать продвижению этой продукции на внешний рынок.

Постепенное осознание своевременности и целесообразности вовлечения частного бизнеса в хозяйственную деятельность на более широкой и интенсивной основе, а также повышения его активности во внешнеторговой сфере заставляет все заинтересованные инстанции в Катаре параллельно с созданием правовых основ функционирования частного бизнеса в производстве развивать далее и соответствующую инфраструктуру, упорядочивать разные аспекты деятельности частного капитала, особенно во внешнеторговой сфере.

Однако можно достаточно уверенно утверждать, что в современных условиях Катара инвестиции, необходимые для подобного социально-экономического развития в течение ближайших 10—15 лет, могут быть обеспечены только бюджетом. Традиционно все сколько-нибудь значительные ассигнования на индустриализацию, создание производственной инфраструктуры и других крупных объектов возлагаются исключительно на государство. Поэтому оно играет и будет играть в обозримой перспективе определяющую роль в развитии промышленности и сельского хозяйства, непосредственно осу-

ществляя хозяйственную деятельность, предоставляя кредиты, обеспечивая необходимую инфраструктуру и защищая вновь создаваемые производства, которые в большой мере связаны с нефтью и газом.

Колоссальные сдвиги в производственной сфере, спрессованные буквально в два десятилетия и ознаменовавшие преодоление раннеиндустриальной стадии, контуры которой формировались на протяжении несопоставимо более длительного времени, позволили Катару добиться многократного роста объемов выпуска конкретной продукции и соответствующего увеличения показателей валового промышленного производства. Формирование этих отраслей явилось следствием особо благоприятных экономических условий, которые сложились в Катаре после 1974 г., когда страна стала превращаться в центр ускоренного хозяйственного подъема, используя рекордные возможности накопления, сделавшие Катар капиталоизбыточным государством и открывшие перед ним перспективы достижения экономического благосостояния и социального благополучия в сжатые исторические сроки.

* * *

Выше уже говорилось, что Катар добился впечатляющих результатов в хозяйственной сфере, но это, тем не менее, не устранило зависимость страны от поступлений в бюджет доходов от продажи нефти и газа.

Это было естественно, если учесть, что экономическая концепция, основы функционирования местного бизнес-пространства, предпринимательский менталитет и организационная структура производства остались в принципе прежними. Ускоренная модернизация, в том числе и в первую очередь, спровоцированная и необходимостью перестройки экономического базиса, конечно, в определенной мере помогла стране продвинуться вперед по пути хозяйственного прогресса, обновления производственной инфраструктуры, преодоления ряда проблем производственного и технического характера за счет обновления фондов, устранения отдельных факторов, сдерживавших темпы развития страны на направлениях, которые могут стать альтернативными нефтяному сектору. Подобный экономический рывок лишь подтвердил способность Катара мобилизовать возможности для проведения реформ любого масштаба, что закрепило положение этого государства в качестве важного сегмента

мировой экономической системы. Проведенная в рамках этого процесса модернизация выделила Катар, как, впрочем, и другие монархии Залива, из общего массива развивающихся стран и создала уникальные возможности для его весомого участия в распределении мирового прибавочного продукта. Однако рост совокупных показателей, являясь доказательством больших сдвигов в национальной экономике, в то же время едва ли может рассматриваться как единственный индикатор благополучия страны в грядущие годы. Ее опора на нефтегазовые ресурсы и относительно неясные перспективы мировой торговли углеводородным сырьем во многом сужают горизонты устойчивого социально-экономического прогресса на будущее. Любые потрясения топливного рынка, как на то неоднократно указывают аналитики, могут создавать и создают существенные угрозы для устойчивого развития, которое является программным требованием правящих кругов Катара.

Важнейшей задачей на этом фоне становится диверсификация катарской экономики. В стране сделаны определенные шаги в этом направлении. Однако очевидно, что потенциал движения по этому пути серьезно ограничен природногеографическим фактором. Тем более, что это обстоятельство многократно усиливается прежними схемами ведения хозяйственной деятельности.

Поэтому в 2000-е годы в стране был поднят вопрос о необходимости реформ, потребность в которых диктовалась не только экономическими и социальными причинами, но и тем, что рентная модель развития по существу исчерпала себя. Государство должно было найти новые теоретические обоснования для обеспечения экономического роста в виде понятий, способных создать новое качество в производственных отношениях, с одной стороны, а с другой, — изменить конфигурацию устоявшихся воспроизводственных механизмов за счет, в первую очередь, переструктурирования традиционного экономического пространства и создания предпосылок для внесения разнообразия в варианты схем развития.

Своеобразной «дорожной картой» грядущих социальноэкономических изменений стал документ «Катарское национальное видение 2030», в рамках которого была разработана «Катарская национальная стратегия развития 2011–2016».

Неоспоримо, что нефтегазовые запасы действительно создают прочный фундамент для национальной экономики, а до-

ходы от продажи углеводородов поддерживают социальные потребности населения. Однако эти доходы, как показывает опыт последних десятилетий, не могут постоянно расти, тем более, что благоприятная конъюнктура не является константной величиной на мировом рынке нефтепродуктов, тогда как население страны привыкло удовлетворять свои запросы по высшим стандартам, что предполагает непрерывный рост поступлений в бюджет от сбыта нефти и газа.

В свете этого действительно возникает потребность в реформах, которые могли бы расширить сферу применения рыночных механизмов, перенести центр тяжести в деятельности частного сектора на производственный сектор экономики, обеспечить минимизацию роли государства как непосредственно хозяйствующего субъекта, создать условия для большей открытости национальной экономики иностранному капиталу.

Эти требования являются минимально необходимыми. чтобы сдвинуть процесс преобразования хозяйства в нужном направлении. Однако имеются, по крайней мере, две причины, которые ограничивают для правящих катарских кругов сферу для маневра в реформируемом пространстве. С одной стороны, государство не сможет отказаться от тягот проведения реформ и вынуждено будет взять на себя всю ответственность за успех переустройства. Ведь оно в специфических условиях нефтеэкспортирующих государств выполняет функцию ведущей хозяйственной силы на всех направлениях деятельности и в диверсификации, и в мобилизации собственных капиталов для ее проведения, и в поддержке частного сектора в решении задач, участие в которых для этого последнего сопряжено с возможными большими экономическими рисками. С другой стороны, распахивание дверей перед инонациональным капиталом чревато опасностью ущемления интересов Катара как такового и особенно его правящей элиты, которая в этом случае может оказаться перед угрозой утраты финансовой базы своей власти. Именно по этой причине местная элита стремится найти наиболее оптимальный вариант реформ, которые не затронули бы основ ее финансового могущества и обеспечили бы наиболее бесконфликтный переход к рыночным моделям.

Однако переход к таким моделям на базе социального согласия едва ли возможен, т.к. местное общество не приемлет реформ западного образца, оказывая им сопротивление. В катарском обществе существует сильная оппозиция, выступаю-

щая против идеи повышения роли иностранного капитала в нефте- и газодобыче, нефтехимической и некоторых других отраслях, хотя едва ли здесь можно добиться существенного прогресса без опоры на импортные технологии, поступающие в основном именно из западного мира. Приватизация в том виде, в каком она задумана властями, также является объектом недовольства части катарского общества, поскольку уже в первом приближении передел собственности может создать полюсы социальной напряженности, изменить имущественный баланс в обществе, создать заметную разницу в материальном обеспечении коренных катарцев, социальная дифференциация в среде которых, конечно же, существует, но ныне не является серьезным генератором социальной отчужденности между различными слоями местного общества.

Тем не менее Катар продвинулся вперед в области понимания либеральных преобразований в сфере финансовоинвестиционного законодательства и в развитии фондового рынка, а также в том, что касается расширения зоны действия проектов с участием частного капитала.

Наиболее радикальные круги в катарском обществе, представленные сторонниками исламизма, являются наиболее последовательными противниками реформирования местной экономики по западному подобию. Концепции рыночной экономики и исламской экономики часто расходятся между собой, в связи с чем создается впечатление, что в условиях Катара примирить их либо не удастся вообще, либо только в отдаленной перспективе. Между тем, противопоставление двух концепций экономического роста не является продуктивным. В конце концов, всем участникам полемики придется приходить к консенсусу, поскольку застойная форма развития, означающая снижение жизненных показателей, для Катара не подходит, а нынешние противоречия сдерживаются значительной мере тем, что уровень благосостояния в стране еще высок и поэтому есть время для выяснения предпочтительности одного пути развития перед другим. Вообще было бы неправильным сбрасывать со счетов исламский компонент в политической и социально-экономической жизни страны и умалять его способность к сопротивлению. поскольку корни его не столько экономические, сколько психологические, исторические. И хотя Катар официально не является государством с исламской экономикой, ее составляющие уже наблюдаются в его жизни, скажем, в виде банковских учреждений, работающих по канонам шариата.

Тем не менее общий подход к проблеме реформирования экономической среды показывает, что государство стремится решать связанные с этим задачи с использованием средств и инструментов, свойственных конвенциональным экономикам. В начале 2000-х годов были сделаны первые практические шаги в области разработки своего рода проекта реформ. Предварительному рассмотрению в первую очередь подверглась предлагаемая модель, представленная в виде крупных блоков, в рамках которых должен был бы осуществляться весь комплекс мер. Так, вышеупомянутая концепция содержала сведения об изъянах в структурном устройстве национальной экономики и о предложениях по преодолению многочисленных неувязок и сбоев на ее внутри- и межотраслевом уровнях, которые служили препятствием на пути повышения эффективности хозяйственной сферы Катара. При этом разработчики концепции не стремились к тому, чтобы гарантировать немедленные результаты. Предпочтение было оказано пути эволюционному. который должен занять длительный отрезок времени, конечные сроки которого жестко не определялись. Хотя в этот период рекомендации по перестройке воспроизводственных систем носили общий характер, тем не менее формат реформ был выписан с достаточной определенностью.

На первых порах в качестве исходных пунктов эволюции катарской экономики назывались приватизация, реформа системы госуправления и налоговая политика, что должно было создать рамочные предпосылки для реструктуризации экономики, запустить новые механизмы внутрихозяйственных отношений, в целом подготовить среду, соответствующую новому курсу в хозяйственной сфере. Также предполагалось подготовить благоприятные условия для повышения хозяйственной активности частного сектора в русле целенаправленных программ, с помощью которых подвергшаяся разгосударствлению собственность могла бы не только оживить национальную бизнес-среду, но и обеспечить преодоление бюджетных дефицитов. Подобное квалифицировалось как главнейшая составляющая реформенных действий государства.

Кроме того, государством выдвигалась задача упорядочить ситуацию на национальном рынке труда, смягчить диспропорции между предложением иностранной и местной рабо-

чей силы, обеспечить (хотя бы в предварительном плане) занятость для местного экономически активного населения и таким образом сделать решительный шаг в направлении "катаризации" армии труда. Помимо указанных составляющих, большое значение уделялось развитию и совершенствованию других элементов рыночных преобразований. В частности, большие надежды связывались со снятием организационнотехнических и бюрократических препон, ограничивающих жизнеспособность промышленности, торговли, мешающих функционированию структур, оперирующих с недвижимостью, влияющих на эффективность работы фондового рынка, процессы формирования акционерного капитала и т.п.

В соответствии со стратегией реформы ее этапы предполагалось в той или иной мере увязывать с планами социально-экономического развития 12. Такой подход обусловливался тем соображением, что согласование реформ и содержание этих планов, превращение государственных экономических документов в реформенные по своему содержанию наилучшим образом должны коррелироваться с потребностями государства и общества и осуществляться как бы на плановой основе. А это само по себе должно гарантировать выполнение всех требований, выдвигаемых этим национальным проектом модернизации воспроизводственной сферы.

Импульс к реформированию катарской экономики возник отнюдь не из идеалистической потребности улучшить ее параметры. Пересмотр экономических основ, на которых развивается хозяйство страны, был продиктован всем характером развития в истекшее десятилетие, главным вехами которого стали определенные трудности с формированием бюджета, спад в темпах накопления, диспропорции между государственным и частным потреблением и ряд других макроэкономических показателей, негативно отражавшихся на благосостоянии общества.

В ходе мирового финансового кризиса 2008—2012 гг. и даже несколько ранее в Катаре заговорили о необходимости «затягивания поясов» накануне грядущих трудных времен, увязывая это также с событиями «арабской весны». Естественно, ухудшение условий жизни и воспроизводства рабочей силы в любом случае не носило бы разрушительного характера для этой страны, но выпадение определенных контингентов населения из привычных норм существования было бы сопряжено

с нарастанием социальных и политических трудностей, что не способствует поступательному прогрессу, устойчивости власти, стабильности внутренней обстановки и общественной безопасности.

Наступление трудных времен связывалось и с падением доходов от нефти и газа, ростом стоимости жизни и относительным обеднением определенных слоев населения, что неминуемо являлось бы следствием урезания крупных субсидий на государственные расходы.

Во всяком случае, высшие чиновники государства тогда дали ясно понять, что годы изобилия уходят в прошлое, а прогнозы цен на нефть предсказывали их снижение до 20 долл. за баррель на длительный период времени. И хотя такого обвала пока не произошло, ситуация с доходами от продажи жидких углеводородов в последующем остается весьма напряженной. Колебания цен в зависимости от сезонов, или спровоцированные обострением международной обстановки или действиями отдельных государств, каждый раз чувствительно отзываются на финансовом положении страны, ее бюджете. Частые же колебания конъюнктуры рынка вообще и вышеуказанный финансовый кризис создают впечатление возникновения своего рода ауры наступления эры нестабильности всех стран-экспортеров нефти и газа, в т.ч. и Катара.

Общественное богатство Катара по-прежнему велико. Другое дело, что каналы его подпитки до известной меры сужаются, и это не может не вызывать тревоги у правящих структур, однако, как представляется, несколько драматизирующих ситуацию, очевидно, в политических целях, чтобы добиться большей собранности общества и подготовить общественное мнение к тому, что в принципе могут создаться обстоятельства, при которых придется прибегать к непопулярным мерам. Во всяком случае, некоторые западные источники утверждают, что в Катаре едва ли будут сделаны конкретные шаги для преодоления ситуации до той поры, пока страна действительно не окажется в сложном положении. Для этого у аналитиков, отрицающих возможность скорых радикальных перемен в стране, находились и находятся ссылки на разные обстоятельства. В частности, подобное мнение подпитывается тем, что правящая семья, чтобы сохранить свою популярность, не сочтет возможным прибегать к резким шагам в социально-экономической сфере. Правительство постоянно вовлечено в решение текущих проблем, порождаемых мировым кризисом и «арабской весной». Коренное население, не привыкшее к экономическим тяготам и известное своими иждивенческими настроениями, не захочет поддержать действия, направленные против своего благополучия. Другими словами, тем самым указывается на некую заторможенность сил, способных адекватно воспринять и среагировать на возникающие вызовы.

Возможно, в Катаре пока нет единодушия относительно того, что реформы все более рельефно превращаются в реальную необходимость. Запас прочности национальной экономики ощущается как большой, работа воспроизводственных механизмов воспринимается как адекватная, и на уровне обыденного сознания ситуация предстает таким образом, что выраженные реформенные меры - преждевременны. Общественные опасения сглаживаются еще и тем, что существует убежденность, что последствия переустройства экономики для собственно катарцев будут иметь отдаленный характер. Структурные хозяйственные реформы в первую очередь отразятся на иммигрантах, а экономический спад в стране может быть приостановлен или вообще прекращен, если приезжая рабочая сила, неспособная выдержать давление роста стоимости жизни, начнет покидать пределы страны и ослаблять давление на рынок труда. Тогда явочным порядком возникнет ситуация, при которой местные жители должны будут занять освободившиеся рабочие места (преимущественно в частном секторе, где занято подавляющее большинство гастарбайтеров, составляющих 85% от 1,7 млн населения страны), процесс «катаризации» станет набирать силу без искусственно создаваемых импульсов, нагрузки на бюджет уменьшатся, и это приведет к разрядке ситуации, в условиях которой потребность реформ (по крайней мере, на время) утратит свою актуальность.

Тем не менее только ужесточением политики социальных выплат иностранцам в Катаре проблему нарастающих трудностей едва ли удастся решить в полном объеме. Поэтому постоянно возникают всё новые варианты стратегий преодоления. Перемены связываются с именем нового главы государства эмиром Тамимом бен Хамадом Аль Тани, который склонен к реформам, охватывающим не только приезжую рабочую силу, но и самих катарцев.

В целом, однако, реформы не детализируются и их внутренние механизмы не раскрываются, и пока можно говорить лишь о предварительной кампании по пропаганде ее идей, параллельной работе комитетов с участием министров и парламентариев. Такой подход имеет под собой определенные основания, причины которых понятны и освещались неоднократно.

Между тем не все наблюдатели разделяют точку зрения оптимистов, без тревоги расценивающих положение в стране. Некоторые аналитики полагают, что реформы необходимы для оздоровления всей национальной экономики, а не отдельных ее сегментов, для корректировки общего экономического курса, и они должны носить опережающий характер. Неотложная потребность в реформах связывается с нарастанием бюджетных трудностей, вообще с макроэкономическими проблемами, которые могут подорвать финансовое могущество Катара. Нереструктурированная экономика, в которой велика доля государственного участия в хозяйственном процессе, при гиперболизированной занятости на госслужбе коренных катарцев, обеспечиваемых исключительно высокой заработной платой, относимой к категории неколебимых социальных завоеваний, создает огромные трудности для госбюджета.

Такая ситуация возможна только в плановой экономике и принципиально исключается в тех случаях, когда она ориентирована на рыночные методы управления воспроизводственным процессом. Именно по этой причине алармисты отстаивают необходимость неотложного реформирования всего экономического пространства Катара в расчете на то, что только срочные и объемные меры могут помочь избежать напластования проблем как в макро-, так и в микроэкономике. А такое развитие событий вполне допустимо, тем более, что иногда государство было вынуждено изымать из резервных фондов крупные средства, чтобы не допустить возникновения дефицита бюджета.

Следует заметить, что сам вопрос о реформах возник не как следствие абстрактного желания правящих кругов страны модернизировать прежнюю систему ведения хозяйства в поисках идеальных моделей, а как настоятельная необходимость, диктуемая убеждением, что экономическое развитие предстало перед серьезнейшей угрозой, преодоление которой сопряжено не с локальным дерегулированием отдельных элементов базиса

экономики, а с крупными подвижками в самой структуре ее построения, механизмах функционирования, организации взаимодействия на разных этажах воспроизводственного комплекса.

* * *

На фоне происходящего стало очевидным, что традиционная политика государственных расходов не дает более Катару средств для решения острых проблем, которые, несомненно, с еще большей частотой будут возникать перед ним, рождаемые не только внутренним положением дел, но и активным участием страны в глобализационных процессах и международных делах.

Новые тенденции требуют и нового осмысления ситуации, когда прежние механизмы роста исчерпали свой потенциал, а иных механизмов, способных преобразовать рост в динамичное форсированное развитие, соответствующее новым обстоятельствам, пока не создано. Хотя масштабы катарского госбюджета позволяют до определенной степени варьировать финансовыми ресурсами и могут при ухудшении конъюнктуры поддерживать автономный спрос и смягчать кризисные тенденции, все же его потенциала явно недостаточно.

Большая проблема Катара также состоит в том, что его экономика практически не диверсифицирована в силу природно-географического фактора. Естественно, капиталовложения страны диверсифицированы в должной степени, но производственная сфера остается без особых изменений уже на протяжении десятилетий с той поры, когда в стране была открыта нефть. Поэтому проблема состоит в том, что внутри производственного пространства государства отсутствуют ниши для перекачки в них финансовых ресурсов от сырьевой отрасли, что сужает возможности структурной перестройки изначально. Ненефтяной сегмент национальной экономики крайне узок, и государству придется, по всей видимости, не столько педалировать его разрастание, сколько, по крайней мере, на первых порах использовать инструменты давления на финансовые ресурсы населения для преодоления узких мест в экономике. При отсутствии резервных зон для размещения капиталов решение проблемы занятости, серьезного повышения производительности труда, изменения качественных характеристик существующих ненефтяных отраслей и тем более создания новых таких же в целях повышения выпуска конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью крайне проблематично. Хозяйственный контур Катара поэтому может еще долго оставаться традиционно сглаженным. Не исключено, что страна может в перспективе столкнуться с еще большими проблемами, чем сейчас, обусловленными зависимостью не только от внутриэкономических трудностей и структурной неустроенности экономики, но и зависимостью от глобальной мировой экономической ситуации, которая развивается по своим законам и не обязательно совпадает с тем, что происходит в Катаре.

В связи с этим проблема выбора наилучшего, оптимального варианта стратегии развития вырисовывается как безальтернативная, ведь полумеры в этой сфере не дадут результата.

Пока не создается впечатления, что государство готово представить четкий план действий по реформированию экономического пространства. Это определяется комплексностью самой проблемы, сплетением многочисленных противоречий, наличием разных векторов, влияющих на динамику экономической жизни Катара.

Между тем разработка бюджета, его концепция в обязательном порядке должны учитывать объективную реальность, которая требует реформирования прежних подходов посредством проведения финансовой и экономической реформ. Правительство же подходит к бюджетным проблемам исключительно с привычной точки зрения, пытаясь только административными и организационно-техническими мерами урегулировать проблему, не прибегая к коренной ломке устоявшихся представлений относительно принципов выстраивания бюджета.

Другая проблема связывается с обострением безработицы и одновременно разбуханием армии труда, которая не имеет четких перспектив для того, чтобы быть продуктивно использованной в стране при нынешнем положении вещей. Так, уже упоминавшаяся концепция развития даже не содержит данных о количестве новых рабочих мест, которые могут потребоваться к 2016 и 2030 гг., и организация которых сопряжена с большими трудностями, учитывая объемы катарской экономики и дефицит резервных возможностей в ней.

В последние годы в местных газетах даже стали встречаться статьи, которые осуждают правительство за то, что оно предпочитает заниматься мелкими формами, игнорируя масштабные проблемы и сферы, от состояния дел в которых зависит экономическая и социальная ситуация в стране. В частно-

сти, выросла напряженность в области сельского хозяйства, в котором важная отрасль животноводства, связанная с разведением мелкого рогатого скота, испытывает застой и упадок из-за нехватки кредитов, выдавливания товаропроизводителей из традиционной сферы занятости и действия других сходных факторов. Это чревато не только угрозой размывания целого направления в аграрной деятельности, но и ухудшением условий продовольственного обеспечения из национальных источников. Подобная, опасность может только усугубляться, учитывая, что Катар все более глубоко втягивается в процессы глобализации, результаты которой не во всех своих аспектах просчитаны и не во всем могут быть выгодны стране.

Для преодоления неминуемых последствий такого рода в государстве должны быть созданы соответствующие резервы и ресурсы, варьирование которыми позволило бы ослабить негативное воздействие этого явления на страну, ее экономику и конкретные отрасли хозяйственной деятельности, которые могут пострадать в первую очередь.

Понятно, что реформы должны затронуть не только производственную сферу, но и другие, тесно связанные с нею. В частности, речь идет о практике банкротства и компенсациях банкротам. В катарской практике обанкротившийся предприниматель, но чаще спекулянт (как правило, богатейший человек), проигравший в сделках, т.е. в играх на фондовом рынке, имеет право рассчитывать на покрытие своих убытков за счет государства. В стране практически свободно ведутся спекулятивные операции с землями государственного фонда (амляк аддауля), что позволяет дельцам изымать из государственной казны огромные суммы, а официальные инстанции в рамках существующего закона о задолженности практически лишены возможности вмешиваться в спекулятивные сделки.

Не вызывает сомнений, что решение этих и других сходных вопросов не может быть достигнуто только на путях экономической реформы. Она должна быть комплексной для того, чтобы выстроить новую стратегию развития государства, обеспечить неуклонный экономический рост и поддержать социальное благополучие для всех подданных эмира. Комплексный же ее характер может быть достигнут только в том случае, если адекватные реформы будут распространены на сферу политики, здравоохранения, образования и другие области, связанные с жизнеобеспечением государства и общества.

Тем не менее уровень благосостояния в стране, масштабы поощрения здесь любого законного бизнеса, в котором спекуляции с разными объектами не квалифицируются как противоречащие этике предпринимательства, а также несбалансированная политика государства, либерально относившегося к гипертрофированному участию частного капитала в непродуктивной сфере, таковы, что при избытке финансовых средств государство в той или иной мере берет финансовую ответственность за частные операции на себя, тем самым создавая тепличные условия для местного предпринимательства, приучая его к действиям в необременительных сферах, с минимумом ответственности и большими доходами, получение которых сопровождается ограниченным риском или вообще не связано с ним.

Вплоть до 2006 г. из опубликованных в Катаре официальных документов трудно было выяснить, какие действенные инструменты по корректировке экономической ситуации в стране власть готова предложить к действию, поскольку в них были лишь зафиксированы некоторые негативные моменты, допущенные ранее при определении принципов социально-экономической политики.

Однако к концу 2010 г. власти страны сумели выработать «Национальное видение 2030», в рамках которого и была разработана «Катарская национальная стратегия развития на 2011—2016» 13. Документ был обнародован в марте 2011 г. и сразу привлек к себе внимание тем, что указал на серьезность намерений руководства страны приступить к решению наболевших экономических проблем с помощью именно реформенных инструментов. Были приняты и соответствующие технические меры, связанные с обеспечением работы вновь созданного аппарата.

Принятие этих документов, к разработке которых было привлечено не только правительство, но и ряд независимых катарских и зарубежных экономистов, указывает на то, что государство, по всей видимости, настолько созрело для реформ, что перешло к конкретным шагам на поприще их подготовки и проведения. Естественно, первыми из них стали те, что составляют техническое обеспечение намечаемого процесса. Дальнейшие мероприятия должны, видимо, определяться остротой ситуации в экономике страны, появлением убежденности у населения и власти в том, что общество не сможет су-

ществовать в будущем в тех же благоприятных условиях, в каких оно процветало в недалеком прошлом, где недостатки в управлении, излишества в потреблении, сбои в текущем накоплении, социальная однородность и материальный достаток могли компенсироваться или поддерживаться избытком финансовых средств, образовывавшихся на нефтяном рынке.

Подобные возможности консервировали в Катаре нерациональные решения в экономической сфере, отраслевые и, в целом, хозяйственные перекосы, порождали иждивенческие настроения у населения, несбалансированность ситуации на рынке труда и многие другие несообразности, отрицательные последствия которых начали проявляться в 2000-х гг. Именно в этом кроется и одна из причин того, что в Катаре сохраняется ситуация, при которой в некоторых секторах экономики, не соотносимых прямо с производством, накоплены и обращаются крупные капиталы и финансовые средства, которые обслуживают не столько интересы государства в целом, сколько отдельных представителей национальной буржуазии, спекулирующей частью национального богатства.

В этих обстоятельствах достижение социальной справедливости возможно только посредством модернизации катарской экономики. Корректировка ресурсной заостренности экономики должна протекать в рамках новой экономической политики, предусматривающей целенаправленные и обоснованные реформы, в первую очередь сконцентрированные на изменении роли частного предпринимательства в системе хозяйственных отношений.

В настоящее время Катар, как и другие нефтедобывающие страны Персидского залива, стоит перед необходимостью реформ в трех жизненно важных сферах: рынок труда, сфера образования и финансовые рынки. Только в случае их успешного завершения можно построить современную экономику, в которой добавленная стоимость будет создаваться производительностью, а не перераспределением богатства, полученного от продажи нефтегазовых ресурсов.

¹ Исаев В.А., Филоник А.О. Государство Катар: проблемы развития. М., 1999, с. 57.

² Qatar National Development Strategy. 2011–2016. Towards Qatar National Vision 2030. Doha, March 2011.

³ Ар-Рай Аль-Амм, 15.06.2001.

⁴ Подсчитано по: World Development Indicators 2013.

⁵ Исаев В.А., Филоник А.О. Кувейт: контуры экономических перемен. М., 2003, с. 32.

⁶ Ас-Сияса, 12.03.2002.

⁷ Касаев Э. Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития. М., 2013, с. 86.

⁸ Там же, с. 83.

⁹ The Middle East and North Africa 2007, L., 2007, p. 942–943.

¹⁰ Исаев В.А., Филоник А.О. Государство Катар, с. 60.

¹¹ Там же.

¹² В Катаре с 70-х годов прошлого века социально-экономическое развитие опирается на 10-летние планы развития с разбивкой их на пятилетки, планирование носит индикативный характер и не имеет силы закона. Фактические планы служат лишь рекомендациями частному и государственному секторам, хотя в руках государства имеются финансовые рычаги воздействия, которыми в случае необходимости оно способно подкрепить свои рекомендации.

¹³ Cm.: Qatar National Development Strategy. 2011–2016. Towards Qatar National Vision 2030. Doha, March 2011.

ПАКИСТАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Отношения Пакистана и Ирана в ближайшей и среднесрочной перспективе определяются воздействием центробежных и центростремительных факторов, причем некоторые из них одновременно влияют на эти отношения как в одном, так и в другом направлениях. Среди этих факторов следует отметить и те, что сформировались задолго до снятия санкций с Ирана (в частности, торгово-экономические, включая явное желание обеих стран развивать сотрудничество, в первую очередь, в области энергетики), а также политические, на которые влияет сложившаяся в тот или иной отрезок времени геополитическая ситуация в регионе. Мы намерены рассмотреть пакистано-иранские отношения с учетом итогов визита президента Ирана Хасана Роухани в Пакистан в марте 2016 г.

Среди факторов, способствующих существенному сближению двух стран и одновременно создающих некоторые препятствия на пути их интеграции, следует назвать энергетический, и в первую очередь - поставки газа из Ирана в Пакистан по сооружаемому газопроводу «Мир» (который, по утверждению иранской стороны, уже построен на территории Ирана и требуется лишь его продолжение на пакистанской территории) 1. Сама идея этого газопровода возникла еще в 90-е годы XX в., и с того времени регулярно подписывались Меморандумы о взаимопонимании и конкретные Соглашения, но дело не сдвигалось с мертвой точки. Здесь целесообразно упомянуть лишь Соглашение о строительстве газопровода (с возможным продолжением его в Индию), подписанное в 2008 г. в ходе кратковременного визита в Пакистан тогдашнего президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, который провел переговоры на эту тему с президентом Пакистана Первезом Мушаррафом и премьер-министром Юсуфом Раза Гилани: причем пакистанский президент подчеркнул тогда,

что обе стороны уже решили все основные вопросы, связанные с прокладкой газопровода².

По официальной информации пакистанской стороны, основные технические характеристики этого газопровода сводились тогда к следующему: его общая длина должна составить 2700 км, из которых 1800 км пройдет по территории Ирана от месторождения «Южный Парс» до границы с Пакистаном, а далее уже по территории Пакистана через порт Гвадар до г. Навабшах в провинции Синд. Диаметр трубы составит 1400 мм, однако, если Индия не согласится участвовать в проекте, тогда диаметр будет 1050 мм. Строительство должно было начаться в соответствии с Соглашением в середине 2010 г. и ориентировочно продолжиться не более 5 лет. Общая стоимость строительства должна была составить (по самым предварительным расчетам) около 7 млрд долл., но почти наверняка «в процессе выполнения работ этот параметр будет постепенно возрастать»: достаточно сказать, что в 1995 г., когда проект только задумывался, цена строительства была на уровне 2,5 млрд долл.³

Позднее, в марте 2013 г. на эту тему было подписано очередное Соглашение, которое несколько изменило технические характеристики этого газопровода и зафиксировало его стоимость в размере 7.5 млрд долл.; к тому же в нем уже не фигурировала Индия как конечный получатель иранского газа (Индия отказалась от участия в проекте ввиду больших политических рисков, ссылаясь на проблемы безопасности на пакистанском участке). Таким образом, Пакистан перестал быть транзитным государством, а остался лишь как потребитель иранского газа⁴. Однако уже в ходе визита в Пакистан в апреле 2015 г. председателя КНР Си Цзиньпина проявилась очевидная заинтересованность китайской стороны принять участие в сооружении этого газопровода с возможным его продлением в Китай и выделением соответствующих финансовых средств на реализацию указанного проекта в рамках сооружения Китайско-пакистанского экономического коридора. Хотя (справедливости ради) следует отметить, что тема поставки газа из Ирана в Китай через Пакистан отнюдь не нова: она была поднята еще президентом Первезом Мушаррафом в 2008 г., когда подписывалось упомянутое Соглашение о строительстве газопровода⁵.

В ходе визита президента Ирана Х.Роухани в Пакистан в марте 2016 г. последний настаивал на существенном ускоре-

нии строительства пакистанской части этого газопровода, а по итогам визита сделал заявление о возможности «поставок газа уже через несколько месяцев» (!) (по оценкам российских экспертов портала «Проект газ», по этому газопроводу будет прокачиваться около 12 млрд куб. м иранского газа в год) 6 . Более того, президент X.Роухани объявил об «ответственности Ирана за решение всех энергетических проблем Пакистана» 7 . Здесь помимо потенциальных поставок газа в Пакистан обсуждался также вопрос об экспорте электроэнергии из Ирана, в частности, о его заметном увеличении — с 100 МВт в настоящее время до 1000 МВт в самое ближайшее время и с дальнейшим ростом до 3000 МВт, а также о сооружении в Пакистане с помощью Ирана ряда тепловых электростанций 8 .

Действительно, энергетический кризис в Пакистане уже несколько лет является главной проблемой экономики страны, а возможности его преодоления у Пакистана весьма ограничены. Общая реальная выработка электричества в Пакистане составляла по состоянию на конец 2015 г., как отметил министр планирования и развития страны Ахсан Икбал, 16 тыс. МВт; при этом существовала острая нехватка еще 6 тыс. МВт, которые страна пытается восполнить путем закупки энергоносителей за рубежом для загрузки уже имеющихся энергетических мощностей и для строящихся ТЭС⁹. Устранение этой серьезной проблемы имеет под собой не только экономическую, но и политическую подоплеку, поскольку правительство Наваза Шарифа четко пообещало полностью решить эту проблему к 2018 г. (год новых всеобщих выборов в стране), в первую очередь прекратить веерные (ежедневно на 8-12 часов) отключения электроэнергии, что затрагивает интересы всех социальных групп населения Пакистана¹⁰. В случае невыполнения данного обещания у правящей сейчас Пакистанской мусульманской лиги, которую возглавляет нынешний премьер-министр Наваз Шариф, могут возникнуть серьезные проблемы в ходе выборов с точки зрения получения голосов избирателей.

Естественно, что Пакистан заинтересован в сотрудничестве с Ираном в области энергетики в силу этих и ряда других причин (в том числе экономических, поскольку МВФ неоднократно увязывал предоставление экономической помощи Пакистану с решением энергетического кризиса, включая отмену субсидирования за пользование электроэнергией). Важную роль

в этом играет и крайне малая вероятность реализации альтернативных энергетических проектов — поставки газа и электроэнергии в Пакистан из Центральной Азии.

Речь идет о реализации проекта ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия): сооружение газопровода от газового месторождения «Галкыныш» на юго-востоке Туркменистана через Герат и Кандагар на территорию Пакистана (Кветта-Мултан) и далее до г.Фазилка в индийском штате Панджаб. Ежедневная пропускная способность газопровода должна составить 90 млн куб. м, из которых 14 млн будет покупать Афганистан и по 38 млн куб. м Пакистан и Индия.

Однако нам представляется крайне проблематичной возможность сооружения этого газопровода, в первую очередь по причине политической нестабильности на территории Афганистана (террористическая деятельность афганских талибов продолжается, несмотря на ведущиеся переговоры между ними и правительством Афганистана, которые постоянно завершаются неудачей), а также из-за терроризма в пакистанском Белуджистане со стороны белуджских националистов.

Что же касается проведенного с большой помпой президентами Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии (вицепрезидент) в Ашхабаде в середине декабря 2015 г. «закладки первого камня» на сооружении этого газопровода 11, то здесь не следует питать какие-либо иллюзии, т.к. практически это означало начало строительства лишь туркменской части этого газопровода, протяженностью около 150 км от газового месторождения «Галкыныш» до границы с Афганистаном, но вовсе не всего газопровода, не говоря уже о том, что постепенно стоимость строительства возрастает, и в последние годы она с 7,6 млрд долл. увеличилась до 10 млрд 12.

По этой же причине едва ли возможна реализация проекта CASA-1000 —сооружение линии электропередач мощностью 1000 КВт из Таджикистана и Кыргызстана для поставки электроэнергии через Афганистан в Пакистан. К тому же такие поставки возможны лишь несколько месяцев в году, поскольку в зимний период из-за падения уровня воды в водохранилищах на Нурекской ГЭС в Таджикистане и Токтогульской ГЭС в Кыргызстане существенно падает выработка электроэнергии. Ее не хватает даже для обеспечения собственных потребительских нужд в самих республиках, не говоря уже об объективной невозможности экспорта, поэтому экономическая ценность ре-

ализации проекта CASA-1000 невелика; к тому же здесь нельзя не учитывать крайне негативное отношение к этому проекту со стороны Узбекистана¹³.

Громкое заявление президента Ирана Х.Роухани об ответственности именно Тегерана за решение энергетической проблемы Пакистана вызвало серьезную настороженность ряда государств (в первую очередь США, а также Саудовской Аравии и Катара), не желающих существенной привязки пакистанской энергетики к Ирану и, в конечном итоге, усиления влияния последнего на формирование политического вектора Пакистана как в регионе, так и на международной арене в целом. Еще в ходе визита Х.Роухани в Пакистан президент США Барак Обама заявил, что пока вовсе не надо считать, что все санкции с Ирана сняты, а после запуска Ираном в начале марта 2016 г. баллистической ракеты среднего радиуса действия Qiam-1 реальный претендент на пост президента США Хилари Клинтон заявила в одном из своих выступлений в ходе предварительного этапа выборов, что «очень возможно, что против Ирана могут быть введены новые санкции в ответ на нежелание Тегерана прекратить программу испытаний баллистических ракет» 14.

Саудовская Аравия также весьма внимательно и настороженно рассматривает развитие отношений Пакистана с Ираном, в первую очередь в сфере политического взаимодействия этих государств. Такой подход обусловлен существенным обострением в начале 2016 г. отношений Тегерана с ЭрРиядом, приведшим, в том числе, и к разрыву дипломатических отношений. Опасения вызывает реальная возможность возрастания влияния шиитского Ирана на эту религиозную общину в Пакистане (из общей численности населения Пакистана в количестве около 200 млн человек приблизительно 20% являются шиитами, и основная их часть проживает как раз в пакистанском Белуджистане).

Катар больше беспокоится о возрастании экономического сотрудничества Пакистана с Ираном, в первую очередь в газовой сфере, поскольку здесь может возникнуть конкуренция уже подписанному Соглашению о поставках Пакистану сжиженного катарского газа¹⁵. С одной стороны, сделка с Катаром об импорте Пакистаном СПГ на сумму в 16 млрд долл. уже совершена, и в марте 2016 г. газ стал поступать по морю в Пакистан. Однако, с другой стороны, его широкомасштабная доставка из порта Карачи вглубь страны пока затруднена из-за отсутствия

соответствующей газопроводной инфраструктуры. Китайская сторона обещала построить в самые сжатые сроки в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора газопроводы из Карачи в Лахор и из порта Гвадар в основные города страны, но эти проекты пока что находятся в самом начале их реализации.

К тому же ситуация с сооружением газопровода «Мир» из Ирана не так проста, как это может показаться на первый взгляд. По мнению некоторых и пакистанских, и иранских экспертов, ввод в эксплуатацию будущего газопровода в силу различных причин произойдет в лучшем случае через 3 года 16. Такая точка зрения была, в частности, высказана на проведенном во время визита Х.Роухани в Пакистан «Пакистаноиранском бизнес-форуме», где самый минимальный срок сооружения газопровода был определен в 2 года и было четко выражено намерение Пакистана пересмотреть в самое ближайшее время цены на газ в сторону их снижения. Эта позиция была заложена и в подписанное ранее Соглашение о возможности изменения стоимости газа не менее, чем за год до регулярных поставок этого углеводорода.

Мы не случайно уделяем столь большое внимание сотрудничеству двух стран в энергетической сфере, поскольку именно это направление является своего рода базой для дальнейшего развития двусторонних отношений как в экономической, так и политической областях. Дело в том, что торговое сотрудничество между двумя странами находится на крайне низком уровне: при общей сумме пакистанского товарооборота в 2015 г. в 67 млрд долл. объем пакистано-иранской торговли составил лишь 270 млн долл. (по данным иранской статистики, эта цифра была еще меньше — лишь 100 млн долл. ¹⁷); таким образом, Иран не вошел даже в первую двадцатку стран, с которыми Пакистан ведет экспортно-импортные операции ¹⁸; к тому же из года в год двусторонний товарооборот имел постоянную тенденцию к снижению — с 1,3 млрд долл. в 2008/09 г. до 430 млн долл. в 2010/11 г. ¹⁹

В конце марта 2016 г. министры торговли двух стран подписали Пятилетний стратегический план по торговому сотрудничеству, предусматривающий увеличение объема торговли к 2021 г. до 5 млрд долл.²⁰ Но с нашей точки зрения, эта цельносит явно амбициозный характер и не имеет под собой реальной базы, особенно учитывая то обстоятельство, что пред-

полагаемая товарная структура как экспорта, так и импорта носит преимущественно прежний, традиционный характер: Иран намерен поставлять в возрастающих масштабах углеводороды и электроэнергию (что находится пока в весьма отдаленной перспективе), химикалии, кожу и кожаные изделия, овощи и фрукты, а импортировать из Пакистана пшеницу, рис, фрукты, готовые текстильные изделия, хирургические инструменты и, возможно, в перспективе высокотехнологичные услуги²¹. Любопытно, что Иран намерен вести даже с Пакистаном торговлю в евро, а не в долларах (хотя эта идея относительно ведения торговых операций на мировом рынке в общих чертах проговаривалась иранской стороной еще в феврале 2016 г.). мотивируя это тем, как подчеркнул в одном из своих выступлений замминистра нефти Ирана Масуд Эсфахани, что Иран в своих внешнеторговых операциях не желает зависеть от доллара и его «циркуляции в мире», а также в связи с тем, что еще не сняты с Ирана все ограничения в соответствии с Совместным всеобъемлющим планом действий по урегулированию ядерной программы²².

С нашей точки зрения, здесь едва ли сыграют роль своего рода ускорителя в увеличении объема двустороннего товарооборота такие факторы, как намеченные к открытию еще 2 пункта пересечения пакистано-иранской границы (по этому вопросу был подписан соответствующий Меморандум), а также договоренность о начале переговоров по созданию Зоны свободной торговли и устранению нетарифных барьеров²³.

Есть все основания полагать, что в ближайшей перспективе не стоит ожидать существенного оживления пакистаноиранских отношений, как можно было бы предположить, в частности, после разрекламированных рядом иранских и пакистанских СМИ «важных» итогов визита президента Ирана Хасана Роухани в Пакистан в марте 2016 г. Несмотря на подписанные 6 меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве в различных областях как экономики, так и политики (в области торговли, финансовой сфере, внешнеполитической деятельности, безопасности, здравоохранении), их реальное осуществление требует определенного (и немалого) времени, не говоря уже о том, что это — всего лишь Меморандумы о взаимопонимании, а не конкретные Соглашения о сотрудничестве, что, естественно, не обязывает обе стороны к безусловному выполнению этих документов²⁴.

Нельзя не сказать и о том, что далеко не все пакистанские и иранские СМИ восторженно отнеслись к перспективе развития двусторонних отношений. Некоторые независимые эксперты в обеих странах скептически отозвались о якобы широких возможностях сотрудничества в самых разных областях после визита в Пакистан президента Ирана Х.Роухани - от энергетики и торговли до совместной деятельности в обеспечении безопасности. Так, в пакистанских изданиях появились статьи, ставившие под сомнение возможность как успешного развития сотрудничества в сфере энергетики, так и реальность существенного снижения напряженности на границе в Белуджистане²⁵. «Масло в огонь» подлил и разразившийся уже после отъезда Х.Роухани из Пакистана небольшой «шпионский скандал», когда на ирано-пакистанской границе на территории Пакистана был задержан индийский офицер ВМФ, осуществлявший разведывательную деятельность в Пакистане и имевший в паспорте иранскую визу. Министр внутренних дел Пакистана Нисар Али Хан обвинил Иран в попустительстве и предоставлении возможности индийским шпионам беспрепятственно проникать из Ирана на территорию Пакистана²⁶. (Хотя позднее извинился перед иранской стороной за бездоказательность своих обвинений).

Не меньший скептицизм высказывали и иранские эксперты относительно «светлого будущего» пакистано-иранских отношений. В частности, высказывалось мнение, что помпезность встреч президента Хасана Роухани с премьер-министром Навазом Шарифом, с начальником объединенного штаба сухопутных войск (Глава армии) Рахилом Шарифом, с пакистанскими бизнесменами не подкреплялась полноценным конструктивным содержанием, в частности, не было подписано ни одного конкретного соглашения. Кроме того, иранские эксперты высказывали серьезные опасения по поводу того, что, возможно, иранское руководство не учитывает в полной мере степень влияния на политику Пакистана в регионе (и на международной арене в целом) со стороны его основных стратегических партнеров - США, Китая и Саудовской Аравии, давление которых на Пакистан может нарушить в перспективе поступательное развитие пакистано-иранских отношений²⁷.

Наконец, на внешнеполитическую деятельность ИРИ (в том числе и в отношении Пакистана) может реально оказать определенное сдерживающее воздействие и внутриполитический

фактор серьезные разногласия между президентом Х.Роухани и духовным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи относительно перспектив развития страны. Если первый считает необходимым расширять, а главное – диверсифицировать внешнеэкономические и внешнеполитические связи, то религиозный лидер полагает, что страна должна быть строго ориентирована на самодостаточность и максимальное уменьшение зависимости от внешних факторов²⁸. И хотя эти положения, пропагандируемые А.Хаменеи, относятся в первую очередь к экономической сфере (и преимущественно к западным странам), но не исключено, что в случае возобладания позиции последнего в иранской политической системе над более прогрессивными взглядами Х.Роухани развитие отношений Ирана с Пакистаном может несколько замедлиться, хотя, естественно, не будет находиться в состоянии стагнации.

газ». 29.03.2016. http://proekt-

gaz.ru/news/pakistan_nakonec_nachal_chto_to_delat_chtoby_poluchit_ir anskij_gaz/2016-03-29-3410;

Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92641. Дата обращения – 25.03.2016.

Pakistan, Iran aim to boost trade to \$5 billion // The Times of India. 27.03.2016. – http://timesofindia.indiatimes.com/business/Pakistan-Iran-aim-to-boost-trade-to-5-billion/articleshow/51563347.cms

¹ Эттелаат. 26.03.2016.

² Подробнее см.: Морозова М.Ю. Газопроводы для Южной Азии или где проляжет проект XXI века. 10.05.2008. – http://www.iimes.ru/?p=7144

³ Business Recorder. 12.10.2008.

⁴ Syed Imran Ahmed. Iran-Pakistan gas pipeline project a ray of hope // The Nation. 1.04.2013.

⁵ Musharraf for gas pipeline to China through Pakistan // Dawn. 15.04.2008.

 $^{^6}$ «Пакистан наконец начал что-то делать, чтобы получить иранский газ» // Информационный портал «Проект-

⁷ Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92672. Дата обращения – 27.03.2016.

⁸ The Iranian connection. The Express Tribune. 28.03.2016.

⁹ Power crisis: govt shifts focus to transforming transmission system, privatization // Daily Times. 11.11.2015.

¹⁰ Nawaz touts 2017 deadline for end to load shedding // Daily Times. 5.11.2015.

¹² Turkmenistan building \$10b gas pipeline to Pakistan // Daily Times. 8.11.2015.

¹³ Руководители энергетических ведомств Афганистана, Кыргызстана, Пакистана и Таджикистана подписали 26 ноября 2015 г. «Окончательное соглашение по реализации проекта CASA-1000», предусматривающее начало строительства ЛЭП в мае 2016 г. и завершение его к 2018 г. Большие сомнения вызывает возможность выполнения пункта Соглашения, обязывающего «правительство Афганистана гарантировать обеспечение полной безопасности объектов инфраструктуры, возведенных в рамках данного проекта». (Интернет-сайт «Время Востока» /Кыргызстан/. http://easttime.ru/news/tsentralnaya-aziya/podpisan-okonchatelnyi-dokument-po-proektu-casa-1000/10118. 27.11.2015).

¹⁴ Цит. по: Iran's missile work will not stop // The News International. 11.03.2016.

¹⁵ LNG import from Qatar to begin from March: MD PSO // The News International. 17.02.2016.

¹⁶ Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92672. Дата обращения – 26.03.2016;

Shahbaz Rana. IP pipeline will need at least three more years // The Express Tribune. 26.03.2016. – http://tribune.com.pk/story/1073010/ip-pipeline-will-need-at-least-three-more-years/

¹⁷ Официальный сайт президента Ирана http://president.ir//fa/92641. Дата обращения – 29.03.2016.

¹⁸ Pakistan Economic Survey 2014–15. Government of Pakistan, Finance Division, p. 140, 146.

Peer Muhammad, Farhan Zaheer. Trade with Iran: Areas Pakistan is looking to tap The Express Tribune. 15.02.2016.

¹⁹ Pakistan, Iran aim to boost trade to \$5 billion // The Times of India. 27.03.2016. – http://timesofindia.indiatimes.com/business/Pakistan-Iran-aim-to-boost-trade-to-5-billion/articleshow/51563347.cms

²⁰ Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92641. Лата обращения – 26.03.2016.

Дата обращения – 26.03.2016.

Peer Muhammad, Farhan Zaheer. Trade with Iran: Areas Pakistan is looking to tap // The Express Tribune. 15.02.2016.

²² Peer Muhammad. Pakistan to trade with Iran in euros // The Express Tribune. 24.03.2016;

Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92641 Дата обращения – 25.03.2016;

¹¹ Malik Muhammad Ashraf. TAPI becomes a reality // The Nation. 25.12.2015.

Иран решил заменить доллары на евро и юани. // Деловая газета «Взгляд». 10.02.2016.

²³ Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92633. Дата обращения – 26.03.2016.

²⁴ Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92678. Дата обращения – 27.03.2016;

Официальный сайт президента Ирана. – http://president.ir//fa/92627. Дата обращения – 25.03.2016.

²⁵ Zafar Bhutta. IP pipeline still faces some sanctions, says Abbasi // The Express Tribune. 26.03.2016.

²⁶ Syed Irfan Raza. Reference will be sent to Iran calling for probe into RAW presence in Chabahar // Dawn. 28.03.2016.

²⁷ Информационный портал Ирана. –

https://khodnevis.org/article/66381. Дата обращения 6.04.2016.

²⁸ Подробнее см.: Сажин В.И. А.Хаменеи – Х.Роухани: разные взгляды на развитие Ирана. http://www.iimes.ru/?p=27853. 26.03.2016; Дунаева Е.В. Иран: подведены первые итоги выборов. –

http://www.iimes.ru/?p=27627. 2.03.2016;

Мамедова Н.М. О направлениях экономической политики правительства Хасана Роухани. – http://www.iimes.ru/?p=27895. 30.03.2016.

САУДОВСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 2015 ГОДА

В течение августа-декабря 2015 г. в Саудовской Аравии прошла третья (после выборов 2005 и 2011 гг.) муниципальная избирательная кампания. Ее проведением руководили 16 региональных комиссий, действовавших под руководством Центральной избирательной комиссии — ЦИК¹. В августе-сентябре 2015 г. проходил первый этап кампании — регистрация избирателей, а в октябре-ноябре того же года второй — регистрация претендентов на избрание в новые составы муниципальных советов. 12 декабря 2015 г. стало днем голосования.

Кампания проходила на основе появившегося в 2012 г. нового Закона о муниципальных советах (заменившего принятый в 1977 г. Закон о муниципальных и сельских административных образованиях²). Этот Закон включил, по меньшей мере, два основных положения (что вовсе не означало, что в нем не содержались и другие существенные новшества), делавших выборы 2015 г. во многом отличными от их аналогов предшествовавших лет. Эти положения касались, вопервых, снижения возрастного ценза избирателей до 18 лет, во-вторых, права участвовать в кампании (как в качестве избирателей, так и кандидатов в депутаты муниципальных советов) женщинам.

Саудовская Аравия не только продолжала идти по пути внутренних реформ, но, как и ранее (события, связанные с ликвидацией последствий иракской агрессии против Кувейта, и террористические акции 11 сентября 2001 г. в американских городах³), к этому движению ее подталкивали внешние и внутренние вызовы. Закон о муниципальных советах стал одним из ответов саудовской власти на трансформировавшую ближневосточное региональное пространство «арабскую весну» 2011 г.

Закон о муниципальных советах (как и предшествовавший ему Закон о муниципальных и сельских административных образованиях) определял «муниципалитет» как «юридическое лицо, обладающее финансовой и административной самостоятельностью» и «организационно связанное с министром» по делам муниципальных и сельских административных образований⁴. В «рамках территориальной подчиненности» муниципалитета его, как определяла статья 3 Закона, «совет осуществляет свою исполнительную и контролирующую власть»⁵.

По сравнению с Законом о муниципальных и сельских административных образованиях Закон о муниципальных советах расширял полномочия этих органов власти, не всегда жестко привязывая эти полномочия (как это было раньше) к точке зрения высшей государственной инстанции — Министерства по делам муниципальных и сельских административных образований. Статья 5 этого Закона предоставляла муниципальному совету право не только разработки, но и окончательного утверждения бюджета руководимого им административного образования, не передавая это право, как того требовал Закон о муниципальных и сельских административных образованиях, курирующему министерству и не требуя его обязательного утверждения этим министерством⁶.

Говоря же о полномочиях муниципального совета, связанный с его деятельностью Закон отмечал, что эта сфера включает «изучение и высказывание собственной точки зрения соответствующим институтам власти» в отношении «проектов инфраструктурного, организационного и жилищного характера», «организации сферы муниципального обслуживания», «отчуждения собственности в интересах общественного блага», «слияния либо разделения муниципалитетов». В сферу полномочий муниципального совета входило также «взимание муниципальных штрафов и сборов», «определение вариантов общественного строительства и правил использования земель», «развитие муниципального здравоохранения»⁷.

В свою очередь, контролирующие функции муниципального совета определялись Законом как подготовка «регулярных отчетов» о «работе муниципалитета», об «осуществлении про-

ектов развития», «доходах муниципалитета» и о «вложенных инвестициях», как и «контроль за ведением жилищного строительства на выделенных или отчужденных землях». Решение всех этих задач предполагало, что муниципальный совет «имеет право создавать временные либо постоянные комиссии из числа своих членов», которые принимают участие в подготовке «ежегодного отчета о деятельности совета, направляемого министру» Все эти положения отсутствовали в Законе о муниципальных и сельских административных образованиях.

Закон о муниципальных советах определял порядок создания этих органов власти, 12 статья его гласила: «Совет состоит из ряда членов, число которых определяется министром [по делам муниципальных и сельских административных образований] в зависимости от величины муниципального образования, но не более тридцати членов⁹. Две трети из них избираются голосованием, а треть назначается решением министра» 10. Каждый муниципальный совет, что повторяло соответствующее положение Закона о муниципальных и сельских административных образованиях, создавался сроком на «четыре финансовых года», хотя «в исключительных случаях» Совет министров мог продлить этот срок, но «не более чем на два года» 11.

Участником муниципальной избирательной кампании мог стать «любой гражданин — мужчина или женщина», достигший «ко времени начала кампании полных восемнадцати лет по Хиджре», обладающий «всеми правами гражданства» и «проживающий на территории того избирательного участка, в котором он собирается голосовать» (в случае проживания в пределах нескольких избирательных участков этот гражданин должен был определить место своего голосования). К участию в выборах не допускались «продолжающие исполнять свои профессиональные обязанности военнослужащие» 12. Закон о муниципальных советах определял и порядок выдвижения кандидатов, стремящихся войти в состав муниципального совета.

«Любой избиратель» мог выдвинуть свою кандидатуру в депутаты муниципального совета при условии, что его имя «внесено в избирательный список того участка, где он собирается баллотироваться», и что «ко времени голосования ему было не менее двадцати пяти лет по Хиджре». Закон требовал также, чтобы кандидат «обладал дипломом об окончании средней школы или соответствующего ей учебного заведения».

Это положение отсутствовало в Законе о муниципальных и сельских административных образованиях, предполагавшем, что кандидат должен лишь «уметь читать и писать».

Кроме того, новый Закон предписывал, чтобы выдвинувший свою кандидатуру избиратель ранее «не подвергался судебному преследованию или наказанию», «не был по причинам дисциплинарного характер уволен с места работы или службы», не был «банкротом» или «лишен статуса депутата какого-либо иного муниципального совета». К участию в выдвижении кандидатур не допускались «сотрудники министерства [муниципальных и сельских административных образований]», «судьи», «служащие провинциальных органов управления, главы племен и их заместители», «сотрудники прокуратуры и следственных органов». В этот список были включены также «члены Консультативного совета и члены провинциальных консультативных советов», «сотрудники государственных органов развития, к помощи которых могут обращаться члены муниципального совета», «члены избирательных комиссий», как и «инвесторы либо подрядчики, связанные профессиональными отношениями с членами совета» 13. Все расходы, связанные с ведением избирательной кампании, возлагались на кандидата¹⁴. Закон предоставлял возможность «независимым некоммерческим неправительственным организациям» выступать в роли «наблюдателей на выборах» и обязывал Министерство муниципальных и сельских административных образований «предоставлять им такую возможность» 15.

Ш

К моменту проведения избирательной кампании 2015 г. Министерство муниципальных и сельских административных образований подготовило обновленную Инструкцию о выборах членов муниципальных советов, заменившую действовавший ранее аналогичный документ 2005 г. 16. Инструкция 2015 г. (как и ее прошлый аналог) определяла порядок подготовки избирательной кампании, включавшей создание «непосредственно связанной» с министром по делам муниципальных и сельских административных образований ЦИК, а также провинциальных (подчиненных ЦИК) и местных (подчиненных провинциальным избирательным комиссиям) избирательных комиссий. Осуществлявшееся при этом министром по делам муниципальных и сельских

административных образований назначение председателей и членов избирательных комиссий из числа специалистов различных профилей (или, если использовать саудовскую риторику, «обладателей опыта и знания – зави аль-хибра ва аль-маарифа») в обязательном порядке согласовывалось с министерствами образования и внутренних дел¹⁷. В составе ЦИК (состоявшей в 2015 г. из 16 чел.), возглавленной министром по делам муниципальных и сельских административных образований Абдель Латыфом бен Абдель Малеком Аль аш-Шейхом, были представлены, в первую очередь, университетские преподаватели-специалисты по мусульманскому праву и праву европейских стран и Соединенных Штатов, политологи и специалисты по социальной психологии, среди них две женщины - обладательницы дипломов докторов юриспруденции 18. Учет же шариатских норм (в частности, исключающих нахождение мужчин и женщин в одном помешении) во время проведения избирательной компании, предполагал, что в стране создаются «женские избирательные участки, где работают женские избирательные комиссии» 19.

Размещавшаяся на сайте ЦИК Карта региональных избирательных комиссий выборов 2015 г. доказывала, что количество «женских избирательных участков» было меньше, чем мужских²⁰. Это доказывал и официальный документ Министерства муниципальных и сельских административных образований — Инструкция о выборах членов муниципальных советов 2015 г., отмечавшая, что ЦИК создает в том или ином районе «при необходимости один или более женский избирательный участок в зависимости от числа избирателей-женщин, где голосуют все избиратели-женщины района»²¹. Эта же Инструкция предполагала также, что на этапе регистрации избирателей помещения, где работали местные избирательные комиссии, «должны были быть разделены на две отдельные части — мужскую, где находились бы члены комиссии-женщины»²².

Согласно Инструкции 2015 г., избиратель, желающий зарегистрироваться для участия в избирательной кампании, «должен лично явиться в избирательный участок и предъявить для этого удостоверение личности». В случае болезни либо физического недостатка, исключающего личное присутствие, регистрация могла быть осуществлена «личным доверенным гражданина, утвержденным избирательной комиссией и имеющим нотариально заверенное свидетельство о болезни»²³. Реги-

страция в качестве участника избирательной кампании предполагала также и предъявление документов о месте проживания будущего избирателя. Это могли быть «копия свидетельства о владении домом, где проживает избиратель», «копия контракта аренды места проживания с печатью местного полицейского участка», «официальный документ с места работы, заверенный местной торгово-промышленной палатой в случае, если это место работы — частный сектор»²⁴.

Инструкция 2015 г. определяла и порядок проведения голосования: «каждый избиратель обладал только одним голосом и не мог голосовать не за кандидатов его избирательного участка»²⁵. Перед началом голосования «глава избирательной комиссии» должен был «открыть урны для голосования и продемонстрировать присутствующим, что они пусты». Затем, как предполагала Инструкция 2015 г., эти урны необходимо было «опечатать», составив соответствующий акт, подписанный «председателем и членами избирательной комиссии». Кандидаты в депутаты муниципальных советов («как мужчины, так и женщины») «могли присутствовать» при проведении этой процедуры в соответствующих помещениях участка²⁶. Вручение бюллетеней для голосования должно было осуществляться членами избирательных комиссий «лично каждому избирателю»²⁷. После завершения дня голосования избирательная комиссия «в присутствии представителей кандидатов – мужчин и женщин» приступала к подсчету голосов, итогом которого должен был стать список кандидатов-победителей, подписанный председателем и членами избирательной комиссии. В дальнейшем же этот список отсылался в вышестоящую избирательную комиссию. Общие результаты голосования утверждались ЦИК и публиковались как официальный документ в местной прессе. Последующая работа избирательных комиссий была связана с рассмотрением претензий избирателей и кандидатов²⁸.

Ш

К выборам 2015 г. Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований подготовило и новую Инструкцию о проведении избирательных кампаний. Этот документ подчеркивал, что любой кандидат не имеет права

проводить свою избирательную кампанию, не получив предварительно «лицензию местной избирательной комиссии». В этой связи каждая такая комиссия создавала два специальных бюро «для помощи кандидатам-мужчинам и кандидатам-женщинам, соответственно», задача которых состояла в подготовке (консультируясь с «ответственными органами») лицензий, в дальнейшем вручавшихся кандидатам²⁹. В свою очередь, лицензии (являвшиеся платными, их стоимость колебалась в зависимости от места проведения мероприятий, а также объема проводимых агитационных мероприятий от 500 до 50 риалов) давали возможность «организации агитационных центров, публикации и распространения агитационных плакатов», а также «проведения лекций и дискуссий» 30. Все агитационные материалы кандидатов подвергались цензуре членами избирательной комиссии, они «должны были соответствовать параметрам, разработанным избирательной комиссией», «не содержать фотографий, рисунков, символов или словесных выражений, оскорбляющих религию, общественные нравы или существующий [политический] строй», «быть написаны на ясном арабском языке». Содержание этих материалов «не должно было касаться тем, выходящих за пределы избирательной кампании», а сами эти материалы «должны были быть легко удаляемыми после завершения кампании»³¹.

Инструкция о проведении избирательных кампаний категорически запрещала членам избирательных комиссий посещать «агитационные центры» кандидатов, что равным образом относилось ко всем служащим государственных учреждений, если они делали это «в качестве официальных лиц», что, как подчеркивал этот документ, могло бы «положительно пибо отрицательно повлиять на ход агитационной кампании кандидатов». Это же относилось и к «государственным учреждениям, общественным организациям и компаниям с полным или частичным участием государства», которые не должны оказывать «материальную помощь или моральную поддержку» кандидатам³².

Как гласил цитируемый документ, «каждый кандидат, включенный в окончательный список кандидатов, имеет право организовать агитационную программу, призванную ознакомить избирателей с собой и своей программой» 33. Лично либо через своего «официального представителя» (данные которого должны быть в письменном виде представлены в комиссию)

кандидат мог контактировать с избирательной комиссией, а также с прессой, чтобы иметь возможность информировать избирателей о проводимых им агитационных мероприятиях. Эти мероприятия могли проводиться только в специально арендованных залах «при соблюдении шариатских норм», исключающих их проведение с совместным участием представителей противоположного пола. Для проведения агитационных мероприятий кандидат мог обращаться и к социальным сетям, а также пользоваться «поддержкой частных лиц, организаций и компаний» при условии, что эта поддержка (либо обращение к социальным сетям) «не наносит ущерба существующим законам и инструкциям, уважает общественный порядок и ценности саудовского общества, а сама агитационная кампания развивается на основе честной конкуренции». Агитационная кампания кандидата не должна основываться «на обещаниях, которые выходили бы за пределы его будущих обязанностей в качестве депутата муниципального совета» 34.

Агитационная кампания кандидата, что специально оговаривалось в Инструкции о проведении избирательных кампаний, не могла основываться на «возбуждении религиозной, конфессиональной либо региональной розни или прямой или косвенной пропаганде унизительного отношения к избирателям или другим кандидатам». Ее запрещалось проводить в «мечетях, общественных местах, правительственных учреждениях, учебных заведениях, помещениях благотворительных организаций и избирательных комиссий, спортивных клубах и учреждениях культуры». Проводя свою кампанию, кандидат не мог пользоваться «помощью какой-либо иностранной инстанции», «использовать государственный герб или флаг, а также иные государственные символы за исключением символа избирательной кампании». Его агитационная кампания не могла проходить с помощью каналов государственного либо частного телевидения в пределах Королевства либо за его границами». Кандидат не мог «косвенно либо открыто солидаризироваться или поддерживать другого кандидата, как и совместно с ним создавать агитационные материалы». Конечно же, агитационная кампания была запрещена в день проведения голосования³⁵.

Избирательные комиссии имели право контролировать ход проведения агитационных кампаний кандидатов, назначая инспекторов (мужчин и женщин, соответственно). Их задача со-

стояла в осуществлении «ежедневного внепланового» контроля за деятельностью «агитационных центров» кандидатов, итогом которых становились представлявшиеся в избирательные комиссии отчеты³⁶. Наконец, одна из завершающих статей Инструкции о проведении избирательных кампаний требовала от кандидата, «фамилия которого была зафиксирована в первоначальном объявлении итогов выборов, в десятидневный срок представить в избирательную комиссию отчет об источниках своего финансирования»³⁷.

I۷

Опубликованные ЦИК после завершения избирательной кампании 2015 г. статистические данные были показательны.

Они свидетельствовали прежде всего о том, что эйфория первых муниципальных выборов 2005 г. завершилась³⁸: число зарегистрированных избирателей последовательно снижалось и в 2011 и в 2015 гг. Если в 2005 г. оно составило почти 900 тыс. чел. (речь шла только о мужчинах), в 2011 г. – чуть более 800 тыс. (также только мужчин), то в 2015 г. – только 702 тыс. 542 чел. (мужчин и женщин)³⁹. Тем не менее, это был естественный процесс, демонстрирующий, что избиратели начинали более прагматично подходить к общенациональным избирательным кампаниям. При этом набольшая активность избирателей была проявлена в столице. Восточной провинции и провинции Хаиль, наименьшая же - в провинциях Хиджаза за исключением Медины. В этих же провинциях было зарегистрировано наибольшее число избирателей-мужчин (80% от всей численности местного мужского населения), а также избирателей-женщин (почти 70% от всей численности местного женского населения). В равной мере это относилось и к зарегистрированным избирателям (юношам и девушкам) из возрастной категории от 18 до 21 года.

Представляя результаты выдвижения кандидатов-мужчин, ЦИК отмечал, что их наибольшее число было зарегистрировано в Эр-Рияде (282 чел. или 4,3%). Далее следовала Джидда — 152 кандидата (2,3%), Медина — 132 (2%), Мекка — 125 (1,9%) и Аль-Кусейм — 107 кандидатов (1,6%). Практически идентично (с точки зрения распределения регионов) выглядели и данные, касавшиеся регистрации кандидатов-женщин — 139 (13%) в Эр-

Рияде, 52 (4,8%) в Джидде, 46 (4,3%) в Медине, 42 (3,9%) в Восточной провинции и 38 (3,5%) в Мекке.

В муниципальных выборах 2015 г., по данным министра по делам муниципальных и сельских административных образований и главы Центральной избирательной комиссии Абдель Латыфа бен Абдель Малика Аль аш-Шейха, приняли участие 47,4% всех зарегистрированных избирателей (их общая численность составила 1,3 млн чел., среди которых 131 тыс. женщин или 24% от общей численности участников голосования) 40. В ходе этих выборов за 2106 депутатских мест (общее количество этих мест составило 3159) в 284 муниципальных советах боролись 7200 кандидатов, из которых 979 были женщины. Незначительность женского участия оправдана, поскольку огромная часть саудовских гражданок все еще не имеет (в силу все той же «традиционности» общества) собственных удостоверений личности, необходимых для регистрации в качестве участниц избирательного процесса. Вместе с тем в составе голосовавших на последних муниципальных выборах произошло важное изменение: снижение возрастного ценза резко увеличило участие молодежи, составившей почти 40% (почти 550 тыс. чел.) от всего количества зарегистрированных избирателей.

Первые обнародованные итоги этих выборов стали во многом сенсацией — 20 женщин и 2086 мужчин стали победителями. Четыре женщины-кандидата победили в Эр-Рияде, по две женщины вошли в состав депутатов муниципальных советов городов Джидда, Эль-Касым и Даммам. Женщины стали депутатами и ряда муниципальных советов в провинциях Эль-Касым, Мекка, Табук, Эль-Катиф, Джаззан и Хаиль⁴¹. Для Саудовской Аравии это было, как писала в этой связи 13 декабря 2015 г. «Аш-Шарк Аль-Аусат», «историческое событие» 42.

Личные анкеты победительниц свидетельствовали, что все они имеют дипломы о высшем образовании, являются общественными деятельницами, выступающими, в первую очередь, как поборницы женской эмансипации⁴³. Некоторые из этих победительниц — известные предпринимательницы, немалое их число занято в сфере среднего и высшего образования. При этом число женщин-депутатов муниципальных советов должно было возрасти в силу того, что 1/3 всех депутатов новых муниципальных советов должна была быть назначена Министерством по делам муниципальных и сельских административных образований. В конце декабря 2015 г. курирующее муници-

пальные органы власти министерство заявило о завершении процесса их формирования. По словам министра Абдель Латыфа бен Абдель Малика Аль аш-Шейха, в 284 муниципальных советах министерство ввело 1052 «назначенца», что вместе с избранными депутатами увеличило их число до 3156 чел. В Эр-Рияде и Восточной провинции, а также в Мекке и провинции Мекка были назначены 6 женщин-депутатов 44. Столь быстрое вхождение женщин в сферу муниципального управления рассматривалось многими представителями саудовского «образованного класса» (включая в первую очередь «либералов») как едва ли достижимая в обозримой перспективе цель.

Еще в конце августа 2015 г., когда только начиналась регистрация будущих избирателей, касаясь этой проблемы, ведущий саудовский журналист писал: «Движение по пути [женской эмансипации] трудно и сложно в силу существующих в королевстве социальных условий. Это движение никогда не будет легким. Каждое официально принимаемое решение вызывает настороженность консервативного общества». Далее он продолжал: «Проблема, которую создают эти решения, требует их претворения в жизнь, а это нелегко сделать». По его мнению, это имело прямое отношение к участию женщин в муниципальных выборах: «Необходимо, – писал этот журналист, – убедить женщин участвовать в голосовании, а для этого - создать условия, необходимые для того, чтобы они пришли на избирательные участки. Но необходимо и убедить мужчин в необходимости работать вместе с женщинами в одних и тех же муниципальных советах». Несмотря на то, что, как замечал цитируемый автор, «консервативное общество, в конечном итоге, принимало все начинания власти, связанные с расширением прав женщин», потому что эти начинания определялись «четким политическим посланием государства и его руководства обществу, заключающимся в том, что поддержка женщин будет продолжаться», он все же приходил к выводу, что это «послание – важнее того, какой будет степень участия женщин в избирательной кампании». В итоге же ему казалось, что для Саудовской Аравии это действительно сложная и едва ли выполнимая задача⁴⁵.

Меняя свое представление о возможностях женского участия в муниципальных выборах, тот же автор уже в начале декабря 2015 г. писал: «Мы можем гордиться тем, что видим армию саудовских женщин, заявивших об участии в первых в их

истории выборах. 979 женщин — это большая цифра и огромный шаг вперед». Далее он продолжал: «Даже если из почти тысячи кандидатов не победит ни одна женщина, это все равно будет важный сигнал настоящему и будущему страны». «Общество, — отмечал этот журналист, — не может двигаться вперед, игнорируя половину жителей страны, вне зависимости от того, почему это происходит — в силу изданных властью законов либо в силу унаследованных от прошлого традиций» ⁴⁶.

ν

Участие женщин в муниципальной избирательной кампании 2015 г. — наиболее яркий ее эпизод. Это участие определялось, если вновь цитировать саудовского журналиста, тем, что он называл «политическим посланием государства и его руководства обществу».

Решение о предоставлении женщинам избирательных прав было обнародовано 25 сентября 2011 г. предшественником нынешнего монарха Абдаллой бен Абдель Азизом на открытии пятой сессии Консультативного совета В конце августа 2015 г. в поддержку участия женщин в избирательной кампании высказался и король Сальман бен Абдель Азиз. В его заявлении подчеркивалось, что «саудовская женщина вместе с мужчиной играет ведущую роль в созидании и развитии отечества». Эта роль, отмечал далее правящий монарх, «требует вхождения женщин в круг тех, кто принимает решение в сфере деятельности муниципальных советов, опираясь на положения шариата и учитывая специфическое место женщины в обществе» В созидании и учитывая специфическое место женщины в обществе»

«Политическое послание государства» не ограничивалось лишь этим обстоятельством. Ему предшествовали целенаправленные (но всегда медленные и, если использовать саудовскую риторику, «последовательно-спокойные» шаги, нацеленные на расширение сферы женской эмансипации. Речь шла о появлении прецедента получения женщиной поста заместителя министра образования (занимающегося учебным процессом в женских школах) и о введении ее в государственную табель о рангах праве получать удостоверения личности, быть ректорами «университетов для женщин», избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат и общественных

организаций⁵¹. В нынешнем составе саудовского Консультативного совета (число членов которого составляет 150 чел.) присутствует «женская парламентская фракция», состоящая из 30 депутатов, назначенных в национальный протопарламент предшественником ныне правящего монарха. Оценивая женское присутствие в Консультативном совете, активистка движения за гендерное равенство подчеркивала, что это обстоятельство «содействовало изменению пессимистического взгляда на судьбу [саудовской] женщины и доказало ее способность действовать на благо общества» ⁵².

Термин «политическое послание государства», относящийся к расширению сферы участия саудовских женщин в экономической, общественной и политической жизни, означает, что только власти принадлежит абсолютная прерогатива (что, впрочем, относится и к иным реформационным изменениям в Саудовской Аравии) действий на поприще трансформации общества. Эта трансформация замедлена и не предполагает сколько-либо «революционных» потрясений, определяясь лежащими в ее основе принципами консервативного «охранительства», определяемыми как «последовательность» либо «спокойствие». Движение по пути «дарования» гендерного равенства — одно из проявлений развивающего процесса.

Первые школы для девочек, подчиненные Генеральному управлению женских школ под руководством верховного муфтия, возникли в Саудовской Аравии только в 1960 г. Лишь в 2002 г. женское образование было изъято из-под юрисдикции религиозного истеблишмента и подчинено Министерству образования. Однако для того, чтобы это произошло, должна была случиться трагедия: пожар, вспыхнувший 11 марта 2002 г. в одной из женских школ Мекки, привел к гибели 15 девочек. Это случилось потому, что они пытались покинуть здание без необходимой для выхода на улицу одежды, а охрана школы, состоявшая из сотрудников Лиги поощрения добродетели и осуждения греха, запретила им это сделать, не допустив туда и пожарную команду, что нарушило бы принцип «смешения» мужчин и женщин в общественном месте 53.

Время, прошедшее с тех пор, во многом изменило положение саудовских женщин. Возникли «женские» университеты или «женские» факультеты университетов с их специализацией, связанной, в первую очередь, с точными и прикладными науками. Женщины получили право работать в сфере меди-

цинского обслуживания, образования, торговли, заниматься предпринимательской деятельностью⁵⁴, большую часть ежегодно отправляемых за государственный счет (либо уезжающих самостоятельно) групп студентов в заграничные высшие учебные заведения (преимущественно американские) составляют девушки⁵⁵. При этом все эти начинания (включая и введение женщин в Консультативный совет, как и предоставление им права участия в муниципальных избирательных кампаниях) обосновывались властью, черпавшейся из религиозных традиций либо из биографии основателя современного саудовского государства Ибн Сауда⁵⁶.

Вместе с тем преобразования власти создавали внутреннюю опору ее начинаний, вызывая к жизни (хотя еще и остающийся численно незначительным для «консервативного общества») слой образованных женщин. Эти женщины выступают безусловными поборницами дальнейшего движения по пути расширения прав женщин. Однако муниципальная избирательная кампания 2015 г. продемонстрировала существенные примеры того, что саудовское общество (и прежде всего его женская часть) все еще далеко от того, чтобы принять принцип женского равноправия.

В большинстве саудовских провинций (за относительным исключением крупных городов, прежде всего Эр-Рияда) регистрация женщин для участия в будущем голосовании первоначально не достигла желаемого уровня. По словам официального представителя ЦИК Джадиа аль-Кахтани, сказанным в начале сентября 2015 г., «если в первый день регистрации в Эр-Рияде зарегистрировалось 45 избирательниц, то во всех провинциях и районах королевства общая численность зарегистрированных избирательниц к концу первого этапа кампании составила несколько сотен человек» 57. Естественно, что на этом уровне доля женщин, выдвинувших свои кандидатуры на посты депутатов муниципальных советов, составляет единицы. При этом поборницы расширения общественно-политических прав женщин более оптимистично смотрели на развитие избирательной кампании. Все же и их оптимизм имел пределы: «Необходимы еще большие усилия, направленные на то, чтобы убедить женщин пойти на избирательные участки. – подчеркивала одна из них. - Необходимо также учитывать демографические и социальные условия, существующие в каждой провинции и в каждом регионе, тем более что в среде женщин отсутствует

культура выборов, как для нее характерно и незнание Закона о выборах в муниципальные советы» 58.

20 женщин, победивших в ходе муниципальной избирательной кампании 2015 г.. - незначительная доля. Тем не менее, публикуя отчет об итогах голосования, газета «Аль-Хайят» писала: «В обществе, обычно квалифицируемом как "традиционное", произошел "прорыв". Он стал итогом победы в долгой войне, развязанной против женского участия в выборах в социальных сетях, а также с кафедр некоторых мечетей». Результаты муниципальных выборов продемонстрировали, что «сложная задача женского равноправия может быть решена»⁵⁹. Важно и другое обстоятельство: эти женщины победили отнюдь не только благодаря голосам избирательниц, но и благодаря голосам избирателей-мужчин. А для «традиционного общества» это действительно «прорыв» в будущее. Более того, сама возможность этой (пока еще скромной) победы появилась, вне сомнения, и благодаря «омоложению» участников избирательной кампании. - возрастная структура саудовского общества меняется, а ее изменение меняет и умонастроения национального социума.

_

¹ См.: Карту региональных избирательных комиссий на сайте Центральной избирательной комиссии выборов 2015 г. – http://www.intekhab.gov.sa/Arabic/GeneralCommittee/Pages/default.aspx.

² Низам аль-балядийят ва аль-кура ас-садыр би аль-марсум аль-малякий аль-карим ракм мим/5 фи 21.2.1397 X. (Закон о муниципальных и сельских административных образованиях, опубликованный благородным королевским указом № М/5 21.2.1397 г. X.). Эр-Рияд, 2005.

³ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990 – 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 33–34.

⁴ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований). Низам аль-маджалис аль-балядийя (Закон о муниципальных советах). Ст. 2. –

http://www.intekhab.gov.sa/Arabic/RulesAndSystems/Documents/Baldya System.pdf.

⁵ Там же. Ст. 3.

⁶ Здесь и далее: Там же. Ст. 6-9.

http://www.intekhab.gov.sa/Arabic/GeneralCommittee/Pages/default.aspx.

⁷ Там же. Ст. 7–8.

⁸ Там же. Ст. 9–11.

⁹ Согласно Инструкции о выборах членов муниципальных советов 2015 г., это положение (30 депутатов) относилось только к муниципальным советам Эр-Рияда, Мекки, Медины, Джидды и Восточной провинции. – Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Лаиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований. Инструкция о выборах членов муниципальных советов). 2015. Ст. 10. – http://www.intekhab.gov.sa/Arabic/RulesAndSystems/Documents/Majale sMembers.pdf.

¹⁰ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Низам альмаджалис аль-балядийя. Ст. 12.

¹¹ Там же. Ст. 13.

¹² Там же. Ст. 17.

¹³ Там же. Ст. 18-19.

¹⁴ Там же. Ст. 23.

¹⁵ Там же. Ст. 24.

¹⁶ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Лаиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований. Инструкция о выборах членов муниципальных советов). Эр-Рияд, 2005.

¹⁷ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Лаиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя. 2015. Ст. 2–5.

¹⁸ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Аада Аль-Ляджна аль-амма ли аль-интихабат аль-балядийя. Ад-Даура ас-салиса 1436 Х. (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований. Члены Центральной избирательной комиссии. Третий созыв, 1436 г.Х.). –

¹⁹ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Лаиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя. 2015. Ст. 6.

²⁰ Карта региональных избирательных комиссий на сайте Центральной избирательной комиссии выборов 2015 г.

²¹ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Лаиха интихаб аада аль-маджалис аль-балядийя. 2015. Ст. 41.

²² Там же. Ст. 7.

²³ Там же. Ст. 17–18.

²⁴ Там же. Ст. 20.

²⁵ Там же. Ст. 40.

- ³⁸ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2013. С. 20–24.
- ³⁹ Здесь и далее: Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Му-карана байн ад-даурат аль-интихабийя (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований. Сравнение итогов избирательных кампаний). –

http://www.intekhab.gov.sa/Arabic/Pages/statistics.aspx.

- ⁴⁰ Здесь и далее: Аль-Интихабат аль-балядийя: Аль-Хафджи тусаджиль ааля нисба ли ан-нахибин фи ас-саат аль-уля (Центральная избирательная комиссия: в Эль-Хафджи зарегистрирована самая высокая доля избирателей в первые часы голосования) // Аль-Хайят, 12 декабря 2015. http://www.alhayat.com/Articles/12729769.
- ⁴¹ Аль-Маръа ас-саудийя тантасыр фи уля мушаракатиха би альинтихабат аль-балядийя (Саудовская женщина побеждает в ходе своего первого участия в муниципальных выборах) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 декабря 2015. – http://aawsat.com/home/article/519061.
- ⁴² Аль-Интихабат ас-саудийя: аль-маръа тусдых би саутиха маа арриджаль фи маракиз аль-иктираа (Саудовские выборы: голос женщин соперничает с голосом мужчин на участках для голосования) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 декабря 2015. http://aawsat.com/home/article/518556.

²⁶ Там же. Ст. 42.

²⁷ Там же. Ст. 43.

²⁸ Там же. Ст. 48-56.

²⁹ Визара аш-шуун аль-балядийя ва аль-каравийя. Ляиха аль-хамлят аль-интихабийя (Министерство по делам муниципальных и сельских административных образований. Инструкция о проведении избирательных кампаний). 2015. Ст. 2–4.

³⁰ Там же. Ст. 5–8.

³¹ Там же. Ст. 11-12.

³² Там же. Ст. 14–16.

³³ Там же. Ст. 17.

³⁴ Там же. Ст. 21–23, 25.

³⁵ Там же. Ст. 27.

³⁶ Там же. Ст. 30–33.

³⁷ Там же. Ст. 34.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Ан-Ниса фи аль-маджалис аль-балядийя муджадданан би таъайин баад аль-интихаб (В муниципальные советы после выборов были также назначены женщины) // Аль-Хайят, 31 декабря 2015. – http://www.alhayat.com/Articles/13127888.

⁴⁵ *Ар-Рашид А.Р.* Ас-Саудийят мурашшихат ва нахибат (Саудовки избирают и выдвигают свои кандидатуры) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 28 августа 2015. – http://aawsat.com/home/article/439761.

⁴⁶ *Ар-Рашид А.Р.* Альф имраъа фи интихабат саудийя (Тысяча женщин на саудовских выборах) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 декабря 2015. –

http://aawsat.com/home/article/509436.

⁴⁷ Би карарейн тарихийейн аль-малик яхджуз макъад аль-маръа би Аш-Шура ва юдхилюха мунафиса аля аль-маджалис аль-балядийя (Двумя историческими указами король резервирует женщине место в Консультативном совете и вводит ее в круг соперников на муниципальных выборах) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 сентября 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issueno=11990.

⁴⁸ Хадим Аль-Харамейн ядъум духуль аль-маръа ас-саудийя фи аль-интихабат аль-балядийя (Служитель Двух Святынь поддерживает участие саудовской женщины в муниципальных выборах) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 августа 2015. –

http://aawsat.com/home/article/438756.

⁴⁹ См., в частности, статью главного редактора «Аш-Шарк Аль-Аусат»: *Ад-Досри С*. Ас-Саудийя татагайяр ... би худу (Саудовская Аравия меняется ... спокойно) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 декабря 2015. – http://aawsat.com/node/526891.

⁵⁰ См. об этом: Нура Аль-Фаиз: Нудрик мутаталлабат аль-мархаля ва хаджм аль-масъулийя ва тумухат аль-кияда (Нура Аль-Фаиз: Мы понимаем требования этапа, объем ответственности и устремления руководства) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 февраля 2009. –

http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=507109&issueno=11037.

⁵¹ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990 – 2006 г.). С. 179–236.

⁵² Слова д-ра Мейсы Аль-Хикми, профессора эр-риядского Университета им. короля Сауда. – Цит. по: Аль-Маръа ас-саудийя ва васба аль-интихабат аль-балядийя (Саудовская женщина и итоги муниципальных выборов) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 декабря 2015. – http://aawsat.com/node/522926.

⁵³ Здесь и далее см. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть и религия // Политическая наука, 2013, № 2. С. 100-125.

⁵⁴ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990 – 2006 г.). С. 179–204.

⁵⁵ По данным Министерства образования, в 2015 г. общее количество саудовских студентов, обучающихся в зарубежных высших учебных

заведениях, составляло 152 327 чел., среди них 35 тыс. – девушки. По сравнению с 2010 г. их число выросло на 60%. – Аль-Ибтиъас аль-хариджий: аль-унас ятаджавазна аз-зукур би 12 би аль-миа (Обучение за границей: женщины преобладают над мужчинами на 12%) // Аль-Хайят, 27 декабря 2015. –

http://www.alhayat.com/Articles/13041670.

⁵⁶ См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг. С. 17–18.

⁵⁷ Тафауль хазир хауль тарших ан-ниса фи аль-интихабат альбалядийя (Осторожный оптимизм в связи с участием женщин в муниципальных выборах). 5 сентября 2015. – http://studies.alarabiya.net.

⁵⁸ Интиха аль-хамлят аль-интихабийя аль-балядийя ва аль-джумъа яум ас-самт аль-интихабий (Завершение агитационных кампаний по выборам в муниципальные советы, пятница – день тишины) // Аль-Хайят, 11 декабря 2015. – http://www.alhayat.com/Articles/12708347.

⁵⁹ Саада байн ас-саудийят би мушаракатихинна аль-уля фи альинтихабат аль-балядийя тарашшухан ва интихабан (Счастье саудовок в связи с их первым участием в качестве избирателей и кандидатов на муниципальных выборах) // Аль-Хайят, 12 декабря 2015. – http://www.alhayat.com/Articles/12734707.

Д.А.Марьясис

ИЗРАИЛЬСКАЯ СИСТЕМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА

Со времени обретения независимости в 1948 г. Израилю удалось пройти непростой путь от общества со слабым уровнем индустриализации до государства, являющегося членом клуба мировых лидеров — Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Свое место на глобальном рынке страна нашла в качестве центра новых технологий. Здесь открыли свои научно-исследовательские центры, а также активно покупают различные местные стартапы крупнейшие мировые хайтек-гиганты: Intel, IBM, Apple, Microsoft, Google, Tata, Deutsche Telecom и др. Всего в Израиле действуют более 70 международных концернов и более 200 их научно-исследовательских центров.

Ядром израильской инновационной экономики стали малые инновационные компании. За 10 лет — с 2004 по 2013 г. — их было создано более 7000, из которых по состоянию на конец этого периода работали 4145. Соотносительно с численностью населения Израиль обладает в мире наибольшим количеством стартапов — приблизительно 1 стартап на 1970 человек. Сфера их деятельности охватывает весь спектр высоких технологий: программное обеспечение, электронику, био- и интернет технологии, полупроводники, альтернативные источники энергии и др.

Важнейшее условие для возникновения такого рода компаний — эффективный процесс коммерциализации технологий. Рассмотрению того, как сформировалась успешно действующая система их трансфера и как она функционирует, посвящена данная статья.

Уже в первые годы существования государства израильские ученые и исследователи задумались о том, как выстроить инфраструктуру внедрения научных разработок в практику. Другими словами, оценили возможности университетов и НИИ

решать не только фундаментальные задачи, но и создавать прикладные решения, причем не разово, а на постоянной основе. Соответственно, для максимально эффективного использования существовавшего потенциала понадобилось создать такую систему, которая, с одной стороны, сохраняла бы исследователей внутри университета или НИИ, с другой - стимулировала их к подобной деятельности, а с третьей - приносила бы прибыль, что немаловажно в условиях недофинансирования науки со стороны государства и промышленности. Первым опытом формирования подобной структуры было создание уже в 1952 г. Хайфским политехническим институтом (Технионом) Фонда по НИОКР. Однако именно с открытием в 1959 г. Институтом им. Х. Вейцмана компании Yeda по коммерциализации технологий, разработанных сотрудниками института, связывают появление той модели технологического трансфера, которая до сих пор является базовой для современных университетов и НИИ Израиля. Ее успешность стала очевидной уже в скором времени, и в 1964 г. Еврейский университет в Иерусалиме создает подобную организацию для коммерциализации своих разработок - Yissum. В последующие годы такие же процессы происходили в других вузах и научноисследовательских центрах страны.

Государство уделило серьезное внимание единой политике в сфере научно-технического комплекса (НТК) и систематизации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок во второй половине 1960-х гг. С этой целью в 1968 г. премьер-министром Израиля была сформирована специальная комиссия, которую возглавил известный ученый и будущий президент страны Эфраим Качальский (Кацир). Ею было выработано несколько рекомендаций, в числе которых предлагалось создать Ведомство главного ученого (ВГУ) в рамках Министерства промышленности и торговли с целью координации государственных программ содействия НИОКР в частном секторе. До этого бюджетные средства направлялись только на развитие государственных институтов НТК. Эта рекомендация была выполнена: в 1969 г. ВГУ приступило к работе, в результате чего в последующие годы объем промышленных НИОКР значительно вырос. Так, в период с 1969 по 1987 гг. расходы на них повышались в среднем на 14% в год, а экспорт продукции сектора высоких технологий увеличился с 422 млн долл. до 3.3 млрд (в ценах 1987 г.).

В середине 1980-х гг. началась кардинальная перестройка экономической системы Израиля, большую роль в которой сыграл вступивший в силу 1 января 1985 г. Закон поощрения промышленных НИОКР.В соответствии с его нормами усилилась роль частных компаний и конкурентный подход к коммерциализации научных разработок. ВГУ был закреплен в качестве основного государственного органа поддержки частной инициативы в области высоких технологий, основной задачей которого было инициировать программы содействия развитию соответствующего бизнеса.

В начале 1990-х ВГУ инициировало ряд различных программ, основной задачей которых было создание инструментов государственной поддержки коммерциализации технологий. С определенными изменениями они существуют и в настоящее время¹.

С определенной долей упрощения можно представить эту систему как двухчастную, состоящую из организации господдержки процесса трансфера разработок из науки в промышленность и технологического трансфера, функционирующего во всех университетах страны, а также в отраслевых организациях, занимающихся научными исследованиями.

Государственная поддержка НИОКР осуществляется благодаря Ведомству главного ученого и его подразделениям в 12 основных министерствах страны, в рамках деятельности которых предполагается научно-техническая составляющая, а именно: сельского хозяйства и развития деревни; коммуникаций и защиты тыла; обороны; образования; защиты окружающей среды; здравоохранения; алии и абсорбции; экономики; национальных инфраструктур, энергетики и водных ресурсов; общественной безопасности; науки, технологии и космоса; транспорта и дорожной безопасности².

Основная задача главных ученых — формировать программы научно-технического развития и способствовать их реализации в формате министерства. Другими словами, речь идет о том, чтобы связывать фундаментальные исследования с прикладными. Главный ученый работает в так называемой «серой зоне» стратегических исследований. Под ней подразумеваются изыскания в тех областях, которые пока не получили широкого распространения, но имеют большой потенциал. Задача главного ученого — выявить наиболее перспективные проекты, что требует большого профессионализма и в будущем

может принести значительный доход. По словам профессора Д. Мендловича³, каждый вложенный в израильскую «серую зону» доллар приносит приблизительно от 15 до 30 долл. дохода, что говорит о высокой эффективности работы главных ученых страны. Основным инструментом практической деятельности ВГУ является система грантов на НИОКР, которая находится полностью в зоне его ответственности.

Государственное финансирование НИОКР распределяется между министерствами неравномерно. По имеющимся у автора данным⁴, наибольшие инвестиции получает Министерство экономики Израиля. Представляется, что это является отражением политики государства, направленной на коммерциализацию технологий. Если главные ученые других министерств видят коммерческий потенциал того или иного проекта, они передают его в ведение главного ученого Министерства экономики, которое и занимается его дальнейшей разработкой. Поэтому ВГУ данного ведомства — наиболее известное из всех 12 и является центральным звеном государственной системы НИОКР. Собственно, даже аббревиатура ВГУ в абсолютном большинстве случаев употребляется именно применительно к нему.

Еще одним структурным элементом в научной сфере Израиля является Комиссия по планированию и бюджету Совета по высшему образованию⁵. В целом ее деятельность направлена на координацию финансовых вопросов между университетами и государственными органами. Однако Комиссия участвует в деятельности форума ТЕЛЕМ, в который входит ряд министерств и ведомств, координирующих свои действия по формированию и развитию инновационной инфраструктуры в стране. а также в финансировании некоторых управляемых ВГУ проектов, реализуемых вузами. Таким образом, она имеет непосредственное отношение к формированию устойчивых связей между наукой и прикладными промышленными НИОКР, хотя как отдельная задача такой аспект в деятельности Комиссии не прописан. И это достаточно показательно, что структура, занимающаяся, в принципе, сугубо вопросами высшего образования, уделяет значительное внимание вопросам создания инновационной системы.

Исследовательские центры вузов, являясь на протяжении десятилетий интегральной частью НТК Израиля, рассматриваются многими специалистами как наиболее перспективные ис-

точники успешных продуктов сектора высоких технологий страны. А с точки зрения концепции тройной инновационной спирали*, именно инновационная деятельность университетов при совмещении с коммерциализацией технологий дает новую парадигму роста экономики в целом. То есть в рамках этой концепции Израиль достаточно эффективно развивается по инновационной модели, поскольку «предпринимательское поведение» структур высшего образования далеко не везде является таковым.

Суть процесса коммерциализации ноу-хау в израильских вузах заключается в следующем: создается компания (иногда несколько), куда автор предоставляет информацию о проектах. Специалисты проводят оценку научной состоятельности и коммерческого потенциала разработки, лицензируют ее, а затем создают бизнес-модель и схему продвижения будущего продукта. Под него открывается коммерческая структура с представителем деловых кругов, куда компания вкладывает свою интеллектуальную собственность, а бизнес-партнер — инвестиции (рис. 1). Новое предприятие выходит на рынок, и в случае успеха продукции компания платит роялти создателям.

Первоначальный капитал для технологического трансфера предоставляют как филантропические организации (например, специально созданные общества друзей соответствующих научно-исследовательских организаций или другие фонды, дающие гранты на подобную деятельность), так и промышленные и инвестиционные компании. Так как в основном речь идет о проектах на самой начальной стадии, то есть на уровне идеи и первичного ее воплощения, то финансовые затраты на такой трансфер в основном не велики.

Схема, безусловно, может несколько варьироваться, но ее следует считать универсальной для коммерциализации инноваций израильских вузов. Отличительной особенностью со-

^{*} Эта концепция была разработана Генри Ицковицем. Её основная идея состоит в том, что три базовых института строения инновационной экономики – промышленность, государство и структуры высшего образования – действуют одновременно, постоянно пересекаясь как бы в рамках одной спирали с гибкими границами. Подробнее об этом см.: Etzkowitz H. The Triple Helix. University-Industry-Government Innovation in Action. Routledge, New York, 2008.

зданных в университетах компаний технологического трансфера является то, что они состоят как из ученых, так и специалистов из разных сфер бизнеса (финансы, маркетинг, юриспруденция, стратегическое планирование).

Gazit E. Academic Excellence and Knowledge Transfer: Tel-Aviv University and Ramot. Presentation for The Chief Scientists' Forum meeting in Moscow. Slide 7. Moscow 14.09.2010.

Рис. 1. Процесс трансфера технологий

Такая система позволяет решить несколько важных проблем. С одной стороны, разработчикам не надо думать о том, как найти деньги и что вообще делать с изобретением, к тому же сама возможность получения значительного дохода от созданной технологии способствует интенсификации исследований. С другой, – инвесторы экономят на временных и финансовых издержках, сопряженных с непростым процессом отбора проектов для инвестирования. Таким образом, одновременно стимулируются и исследовательская работа, и предпринимательская активность игроков на рынке высоких технологий Израиля. Среди наиболее успешных проектов, прошедших через университетские компании трансфера технологий, назвать: помидоры черри, лекарство Копаксон (ставшее в итоге мировым бестселлером израильского фармацевтического гиганта Teva), флеш-память, ER сканнер штрих-кодов и др. Вот лишь некоторые статистические показатели: каждый год израильские компании трансфера технологий получают более 1 млрд долл. в качестве роялти; ежегодно лицензируются порядка 150 технологий, созданных в израильских академических и исследовательских центрах; каждый год в Израиле в среднем создаются 15 новых компаний, в основе которых лежат технологии и изобретения, полученные в процессе деятельности академических институтов; более того, компании технологического трансфера Института им. Вейцмана и Еврейского университета в Иерусалиме входят в десятку лидирующих компаний такого рода на мировом уровне по объёму получаемых ими доходов⁶.

При этом эксперты отрасли отмечают и определенные проблемы процесса трансфера технологий:

- коммерциализация не всегда вносит позитивные изменения в исследовательскую деятельность университетов из-за стремления к прикладным работам в ущерб фундаментальным;
- из-за патентной защиты ограничено распространение полученных результатов;
- ввиду необходимости получения дополнительной поддержки повышается зависимость науки от государства;
- возникает риск соблюдения свободы исследовательской деятельности;
- возможны конфликты интересов и обязательств как на институциональном, так и на личном уровне 7 .

Все эти проблемы решаются и в самих университетах, и на государственном уровне, особенно в части обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности. В любом случае наиболее правильным было бы ограничить давление последнего, а также рынка на деятельность компаний, занимающихся технологическим трансфером. Вряд ли это стоит делать законодательным путем. Скорее всего, речь должна идти о наработке определенной практики взаимодействия этих структур с внешней средой, которая будет основана на ответственном подходе их представителей к самой сути процесса коммерциализации университетских разработок.

К настоящему моменту в Израиле существует 17 компаний трансфера технологий. С 2004 г. по инициативе Американо-израильской комиссии по науке и технологиям большинство из них объединены в зонтичную структуру Israel Technology Transfer Network, занимающуюся лоббированием их интересов в различных государственных структурах страны, а также спо-

собствующую продвижению их портфельных технологий за пределами страны⁸. Несколько особняком стоит центр трансфера технологий Rotem, созданный еще в начале 1980-х гг. Его отличие от других подобных компаний состоит в том, что он изначально не зависим и не привязан ни к вузам, ни к НИИ и самостоятельно ищет научные разработки для последующей их коммерциализации по всей стране⁹.

Государство на системном уровне начинает изучать этот феномен, признавая его значительный вклад в развитие инновационной экономики Израиля. Свидетельством этому является решение Центрального статистического бюро организовать статистические исследования, специальные касающиеся трансфера технологий. Первое было проведено в 2010 г. и охватывало только университетские структуры за период 2008-2009 гг. Во второе уже были вовлечены все действующие трансферные компании (2010-2011 гг.). Третье прошло в 2014 г. и было посвящено деятельности этих компаний в 2012-2013 гг. 10. В целом наблюдается позитивная динамика по количеству поданных этими компаниями заявок на получение патентов и защиту прав интеллектуальной собственности как в Израиле, так и за его пределами, наблюдается и рост их доходов. 2012 г., правда, выглядит лучше, чем 2013 Γ^{11} . Однако это скорее временная тенденция, связанная с общим замедлением темпов экономического роста страны, чем признак начала спада в развитии системы трансфера технологий Израиля.

Для полноценного анализа динамики ее развития и прогнозирования будущих трендов пока не хватает статистического материала, поскольку подобные исследования стали проводиться совсем недавно. Представляется, что все же постепенно значение данной системы для страны будет только увеличиваться.

Отдельно стоит отметить, что успехи Израиля в коммерциализации технологий уже заслужили мировое признание. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) в своей брошюре Technology Transfer in Countries in Transition: Policy and Recommendations посвятила изучению израильского опыта технологического трансфера Израиля целую главу с говорящим названием Best Practice Examples: Technology Transfer in Israel 12.

Россия, которая стремится построить у себя экономику инноваций, сталкивается на этом пути с рядом проблем, одной

из которых как раз является отсутствие в нашей стране эффективной системы технологического трансфера из академии в промышленность. Представляется, что успешно справиться с этой задачей поможет, в частности, скрупулёзный анализ опыта в данной сфере различных стран мира. Как кажется, израильский опыт может быть одним из наиболее интересных для изучения экспертным сообществом нашей страны. Данная статья является лишь первым шагом в этом направлении.

¹ Подробнее о развитии экономики инноваций Израиля в целом и системы государственной поддержки этого процесса, в частности, см.: Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: ИВ РАН, 2015.

² http://www.science.co.il/ChiefSci.asp

³ Мендлович Д. Доклад на Форуме главных ученых Израиля в РФ. М., 14.09.2010.

⁴ Марьясис Д.А. Институт «главных ученых» и опыт Израиля в трансфере технологий. ИБВ, www.iimes.ru, 05.10.2010.

⁵ Подробнее о деятельности этих структур см.:http://che.org.il/

⁶ Приведено по: Lipsitz M. Technology Transfer: The engine driving Israel's startup industry.

http://blog.ourcrowd.com/index.php/2013/11/27/technology-transfer-the-engine-driving-israels-startup-industry/27.11.2013.

⁷ Messer-Yaron H., Niv Y. Responsible Technology Transfer by Starving Universities//Privatization of Higher Education. Proceedings of International Conference. S. Neaman Institute. Haifa, 2008.P.231–232.

⁸ Подробнее об ITTN см.: http://www.ittn.org.il/index.php

⁹ Подробнее о компании «Rotem» см.: http://www.rotemi.co.il/

¹⁰Seker Chevrot Mischor Yeda Be Israel 2012–2013. Hodaa Le Tikshoret. (ивр.) ЦСБ Израиля, 30.07.2014.

¹¹Там же.

¹²Technology Transfer in Countries in Transition: Policy and Recommendations. World Intellectual Property Organization. 21.08.2012. http://www.wipo.int/export/sites/www/dcea/en/pdf/Technology_Transfer_in_Countries_in_Transition_FINAL-21.08.2012.pdf

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОАЭ В 2000-е ГОДЫ

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) – федеративное государство, которое в 2000-е гг. начало проводить политику, направленную на постепенную демократизацию существующей политической системы. На этот процесс оказали воздействие два фактора – федерация укрепила свое внутреннее единство, каждый из субъектов федерации занял определенную нишу и осознал все выгоды совместного развития, демонстрировавшего несомненные успехи в социально-экономической области и внешней политике. Кроме того, произошла смена политических элит как на федеральном уровне, так и в отдельных эмиратах.

Новое поколение руководителей

В ноябре 2004 г. произошла смена власти в Абу-Даби. После смерти эмира Зайеда Аль Нахайяна — создателя государства и его бессменного президента, пост эмира Абу-Даби занял его сын —Халифа бен Зайед Аль Нахайян. Он был сразу же избран президентом ОАЭ.

Халифа бен Зайед Аль Нахайян родился в 1948 г. в г. Аль Айн и получил образование в местной школе. С 18 лет он начал работать в административном аппарате Абу-Даби, сначала как представитель правителя в восточной провинции Абу-Даби, а затем как глава одного из департаментов в Аль Айн. В 21 год он стал наследником престола Абу-Даби и главой департамента по обороне, занимаясь созданием вооруженных сил эмирата, которые в дальнейшем составили ядро вооруженных сил ОАЭ. В 1971 г. он получил пост премьер-министра, а также министра обороны и финансов в правительстве Абу-Даби. После создания федерации Халифа бен Зайед стал заместителем премьер-министра во втором кабинете министров, сформированном в декабре 1973 г. В 1974 г. он возглавил Ис-

полнительный совет Абу-Даби, заменивший кабинет министров. В мае 1976 г., когда были объединены вооруженные силы эмиратов в единую армию, он был назначен заместителем главнокомандующего вооруженными силами ОАЭ¹.

В начале января 2006 г. во втором по значимости эмирате ОАЭ Дубае также произошла смена власти. Эмиром стал Мухаммед бен Рашид Аль Мактум после смерти его старшего брата Мактума бен Рашида Аль Мактума.

Мухаммед бен Рашид Аль Мактум родился в 1949 г. Он сын Рашида бен Сайида Аль Мактума, правившего Дубаем с 1958 по 1990 гг. и занимавшего посты вице-президента и премьер-министра ОАЭ с момента образования федерации. Мухаммед бен Рашид закончил среднюю школу в Дубае, а затем учился в колледже в Кембридже, где изучал иностранные языки, после чего продолжил образование в одном из военных колледжей Великобритании. По возвращении домой в 1968 г. он получил пост главы департамента полиции и общественной безопасности Дубая. После создания федерации он стал ее первым министром обороны. Таким образом, будущие правители двух основных эмиратов ОАЭ — Халифа бен Зайед Аль Нахайян и Мухаммед бен Рашид имели длительный опыт совместной работы в военной области.

В 1995 г. Мухаммед бен Рашид был назначен наследником престола своим братом Мактумом, который сменил их отца в 1990 г. С того времени он стал заниматься вопросами экономического развития Дубая. Благодаря его деятельности Дубай превратился в туристический, торговый и финансовый центр с развитой инфраструктурой, и использующий передовые информационные технологии. Став правителем Дубая, он получил пост премьер-министра ОАЭ, а также был избран вицепрезидентом страны².

Были назначены и новые наследники престола: в Абу-Даби им стал Мухаммед бен Зайед Аль Нахайян — сводный брат эмира Халифы, а в Дубае — Хамдан бен Мухаммед Аль Мактум — старший сын эмира Мухаммеда.

В октябре 2010 г. произошла смена власти в одном из небольших эмиратов Рас-Эль-Хейме. Она была связана с определенными проблемами, для решения которых потребовалось вмешательство федеральных органов власти.

27 октября 2010 г. скончался эмир этого эмирата Сакр бен Мухаммед Аль Касим, который долгое время им правил. Его

сменил наследник престола Сауд бен Сакр, назначенный на этот пост в 2003 г., когда его отец отстранил с этой должности его старшего брата Халеда бен Сакра. Последний пытался доказать свое право на пост наследника престола, проводя пропагандистские кампании за рубежом и у себя в стране, хотя федеральное правительство выступало с заявлениями о том, что его отстранение носило легитимный характер и не может быть оспорено. Для того, чтобы обеспечить безопасность при вступлении на трон эмира Сауда бен Сакра, дом Халеда бен Сакра был окружен силами безопасности ОАЭ³. Проблема передачи власти была решена.

Проведение реформ

Новое поколение руководителей инициировало проведение реформ. Прежде всего они коснулись усовершенствования работы правительства в двух эмиратах, выполнявших роль несущей конструкции федеративного государства. В Абу-Даби был обновлен кабинет министров, а в Дубае в январе 2010 г. были созданы пять комитетов, которые должны были улучшить работу Исполнительного комитета, выполнявшего роль Совета министров. Его возглавил наследник престола Хамдан бен Мухаммед.

Федеральные органы власти способствовали тому, чтобы во всех эмиратах были созданы условия для их поступательного развития. Одной из главных задач ОАЭ было укрепление федерации и обеспечение ее безопасности и стабильности. Для этого необходимо было совершенствовать работу федеральных органов власти. Несмотря на модернизационные процессы, происходящие в ОАЭ, там сосуществуют современные и традиционные формы управления. В этой стране не отказываются от традиций советоваться с народом, быть доступными для своих граждан, регулярно проводить встречи с представителями различных слоев местного общества. Руководители ОАЭ считают эти традиционные формы управления очень эффективными.

В декабре 2006 г. было объявлено о том, что половина мест в Федеральном национальном совете (ФНС) — органе представительной власти, состоявшем из 40 депутатов, будет избираться. Остальные депутаты назначались властями всех семи эмиратов, входящих в состав ОАЭ. ФНС — один из пяти федеральных органов власти, созданных в соответствии с кон-

ституцией ОАЭ и начавших свою деятельность 2 декабря 1972 г. Его основная функция — обсуждение законов, а также предложений и планов, вносимых на обсуждение федеральными министерствами и учреждениями. Он имеет право вызывать министров федерального правительства для предоставления отчетов о работе возглавляемых ими министерств. ФНС должен также рассматривать до их ратификации все международные договоры и соглашения. В 2008 г. срок каждой парламентской сессии был увеличен с 2 до 4 лет⁴.

В выборах принимали участие не все граждане страны, а только те, кто был внесен в списки избирателей, которые составлялись в каждом из эмиратов в соответствии с тем числом депутатских мест, которыми он располагал. Избирательная комиссия одобрила список из 6595 человек, из них 1162 женщины (менее 20 % от общего списка). Число кандидатов составило 452, из них 65 женщин. Только одна женщина смогла одержать победу, а семь женщин были назначены.

Для Объединенных Арабских Эмиратов проведение выборов может рассматриваться как новый этап в их истории. Эта страна гордится своим стабильным внутриполитическим положением, своим уникальным опытом создания федеративного государства, которое успешно развивается на протяжении уже более тридцати лет. Введение элементов демократизации политической системы вызвано прежде всего общими тенденциями, которые наметились в государствах региона Персидского залива.

ОАЭ является членом региональной организации — Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). Государства-члены этой организации проводят реформы в экономической, социальной и политической сферах.

Кандидаты выдвигали свои кандидатуры на индивидуальной основе. В ОАЭ, как и в соседних государствах, создание партий не предусмотрено конституцией. Общественные организации, легально действующие в стране в соответствии с конституцией (ст. 33 третьей главы основного закона федерации), не стали прообразом партий, как это произошло в некоторых соседних странах. В выборах в качестве наблюдателя участвовала Ассоциация Дубая по продвижению женщин. Эта ассоциация была создана в 2006 г. Ее возглавила шейха Маналь бинт Мухаммед бен Рашид — супруга шейха Мансура бен Зайеда Аль Нахайяна — министра по делам президентства. Эта организация была создана для того, чтобы оказать поддержку

кандидатам-женщинам, которые были выдвинуты на выборах в Дубае. Показательно, что она стала единственной ассоциацией, которая официально участвовала в избирательной кампании и оказывала содействие своим кандидатам. Ассоциация считала свой задачей активизацию политического участия эмиратских женщин, создание возможностей для них стать полноправным партнером в принятии политических решений.

Повторные выборы прошли 24 сентября 2011 г. Число выборщиков было увеличено. В избирательные списки было внесено 129 274 чел., 46 % из них — женщины, а 35 % — лица от 21 до 30 лет. Число кандидатов составило 468, 85 из них — женщины. Победила вновь только одна женщина⁵. Активность избирателей была очень низкой. Федеральный национальный совет обладает ограниченными полномочиями, и его роль в жизни страны не велика, хотя изменения, вносимые в порядок его формирования, должны были повысить его эффективность.

Модернизация, начатая в стране новым поколением руководителей, хотя и носила ограниченный характер, тем не менее способствовала процессу женской эмансипации. Увеличилось число женщин, которые занимали руководящие посты. В конце 2007 г. в новом кабинете министров ОАЭ было 4 женщиныминистра. Женщины составляли 20 % в дипломатическом корпусе страны. В 2008 г. две женщины были назначены послами. В 2008 г. были внесены изменения в федеральный закон, регулирующий назначения в органы правосудия, что позволило женщине стать судьей в Абу-Даби⁶.

Реструктуризация правительства, начатая в 2006 г., привела к нововведениям в области информации, которой стали уделять большее внимание. Было ликвидировано Министерство информации и культуры и создан Национальный медиа совет (НМС), который должен был дать толчок развитию новых информационных технологий и повышению уровня информационного обеспечения, а также включению медиа-сферы ОАЭ в глобальное информационное пространство. Бывшие департаменты министерства, занимавшиеся прессой и публикациями, международными новостями, и Эмиратское агентство новостей стали подчиняться НМС. Одной из главных задач НМС стала выдача лицензий на публикацию газет, журналов, периодики и книг в свободных экономических зонах. В 2008 г. структура НМС была усовершенствована. В этот период Эмиратское агентство новостей значительно расширило свой штат корреспондентов за границей до 25 и увеличило число корреспон-

дентских пунктов в арабских странах и в крупнейших городах мира, таких как Лондон, Париж, Брюссель, Женева, Москва, Вашингтон, Нью-Йорк, Тегеран, Исламабад, Нью-Дели, Стамбул и Канберра⁷. Оно развивало сотрудничество с агентствами новостей в других странах и применяло новые технологии для освещения всех событий, происходящих в стране. ОАЭ превратились в региональный центр по печатанию, изданию и рекламе.

ОАЭ в этот период поставили перед собой задачу стать региональным центром культуры и искусства. В 2005 г. возникло Управление по культуре и наследию Абу-Даби, а в 2008 г. было создано Управление по культуре и искусству в Дубае. Они занимались сохранением культурного наследия страны, реставрацией традиционных кварталов, созданием музеев и библиотек. Среди проектов наиболее амбициозным был проект по созданию музея Лувр — Абу-Даби. На него должно быть потрачено 400 млн евро. Музей должен платить Лувру за использование его названия и за аренду картин, которые будут экспонироваться в Абу-Даби от шести месяцев до двух лет⁸.

Культурным центром ОАЭ стал и эмират Шарджа. Правитель эмирата доктор Султан бен Мухаммед Аль Касими уделял большое внимание развитию науки и культуры. В Шардже были созданы музей исламского искусства, Европейского ориентального искусства (на основе личной коллекции эмира), музей природы и музей машин. Эмир Шарджи известен своими широкими взглядами. Он выделил площадь на строительство в 2008 г. на территории Шарджи первой в стране православной церкви. В 2011 г. он пожертвовал деньги на реставрацию христианского монастыря Арцых на территории Армении.

ОАЭ в период «арабской весны»

В ОАЭ не было отмечено массовых антиправительственных выступлений, как в ряде соседних стран. Правительство федерации умело сочетает современные и традиционные методы управления, проводит постепенные реформы и уделяет большое внимание социальной сфере. Власти ОАЭ объясняют стабильность своих режимов тем, что они используют традиционные методы проведения консультаций с представителями племен и широкими слоями общественности. Лидеры всех эмиратов, вошедших в состав федерации, выступали против создания поли-

тических партий и других институтов либеральной демократии, так как, по их мнению, это ухудшит состояние в обществе, вызовет соперничество между племенами за обретение политического влияния и радикализирует деятельность исламистских организаций. Протестные движения в арабских странах, тем не менее, повлияли на обстановку в ОАЭ. В марте 2011 г. в правительство была подана петиция, подписанная 160 интеллектуалами. Они предлагали провести реформу Федерального национального совета (аналога парламента), превратив его в полностью избираемый орган с теми же полномочиями, что и европейские парламенты. Власти отреагировали на это обращение, увеличив ассигнования на инфраструктурные проекты в бедных северных эмиратах. Были также приняты другие меры, призванные улучшить условия жизни неимущих слоев населения.

Меры властей по стабилизации ситуации в стране

Власть пыталась предотвратить возможные выступления протеста, сочетая меры, направленные на повышение уровня жизни населения, с репрессивными мерами. Для того, чтобы снизить активность среди образованной части общества, были разогнаны избранные советы двух ведущих профессиональных ассоциаций — ассоциации юристов и ассоциации учителей, члены которых были среди тех, кто подписал петицию к правительству. Подобные общественные организации проводили и политическую деятельность, обсуждая на своих встречах насущные политические вопросы. В советы этих организаций правительством были назначены свои представители. В апреле 2011 г. пять активистов, подписавших петицию, призывающую к реформам, были арестованы. Они были помилованы президентом страны и освобождены в ноябре 2011 г. 11

Опасаясь возможного возникновения массовых антиправительственных выступлений, власти в апреле 2012 г. в Дубае закрыли офис Национального института демократии, созданного США для распространения демократии в ОАЭ. В тот же период был закрыт офис немецкой организации по продвижению демократии.

После прихода к власти в Египте президента М. Мурси, представлявшего «Братьев-мусульман», власти ОАЭ опасались усиления группировки «Аль-Ислах», аффилированной с этим

движением. 20 апреля 2012 г. был арестован один из представителей «Аль-Ислах» доктор Султан Аль Касими, принадлежавший к правящей семье Рас-Эль-Хеймы. В течение 2012 г. продолжались аресты активистов, связанных с «Братьямимусульманами». По данным Государственного департамента США, в 2012 г. было арестовано 80 человек, из которых 12 были египтянами¹².

1 августа 2012 г. появилось сообщение о том, что ряд исламистских активистов создал партию «Аль-Умма», что было нарушением законов страны, не разрешающих создание политических объединений. 26 августа 2012 г. в местной газете появилась статья государственного министра по делам Федерального национального совета Анвара Гаргаша, в которой он отметил, что «конечной целью ОАЭ не является создание либеральной плюралистической системы. Такая модель не соответствует нашему историческому и культурному развитию» 13. В то же время власти попытались усилить пропагандистскую работу среди молодежи и расширить свои международные контакты. Они создали два новых министерства — Министерство культуры, молодежи и социального развития и Министерство развития и международного сотрудничества, которое возглавила женщина шейха Любна Аль Касими.

4 марта 2013 г. начался суд над 94 арестованными гражданами ОАЭ, которых обвинили в создании секретной группировки «Братьев-мусульман» и в планировании антиправительственного заговора. 2 июля 2013 г. суд приговорил 68 человек к различным срокам тюремного заключения от 7 до 15 лет. 26 человек были оправданы.19 июня были арестованы еще 30 человек, из них 14 — граждане Египта¹⁴. Суд над ними состоялся в ноябре 2013 г. по обвинению в создании отделения «Братьев-мусульман» в ОАЭ¹⁵.

В августе 2015 г. закончилось расследование дел 41 задержанного по обвинению в создании террористической группировки Al Manara Youth Group, целью которой было построение халифата. Она имела связи с иностранными террористическими группировками¹⁶.

Кроме того, власти продолжили политику либерализации политической системы ОАЭ. С целью активизации участия граждан в принятии политических решений была увеличена численность лиц, принимающих участие в выборах. Во время избирательной кампании, проходившей в ноябре 2015 г., число

избирателей возросло до 224 тыс. ¹⁷ Они избрали парламент, спикером которого впервые в истории парламентаризма в арабских странах стала женщина — доктор Амаль Абдалла аль-Кабиси.

Власти ОАЭ уделяли повышенное внимание развитию экономики. Принимались перспективные планы, которые отличались гибкостью, так как способны были вносить изменения в соответствии с теми процессами, которые происходили в мире. Планы включали в себя различные проекты по развитию инфраструктуры и сектора услуг, что должно было улучшить каждодневную жизнь людей, а также повысить значение ОАЭ в мировой экономике как одного из ведущих мировых экономических центров.

В обстановке обострения ситуации в регионе Ближнего Востока, где возросла террористическая активность и возникла новая террористическая структура — «Исламское государство» (ИГ), с которой начала вести борьбу международная коалиция, в состав которой вошли и ОАЭ, в августе 2014 г. был принят закон о борьбе с терроризмом. Он был призван не допустить создания в стране террористических группировок, которые угрожали бы ее безопасности. Согласно этому закону, все те, кто обвинялся в создании, руководстве или принадлежности к террористической организации, должны быть осуждены и приговорены к смертной казни или же пожизненному заключению.

В середине ноября 2014 г. был опубликован список террористических организаций. Он включил 83 группировки, которые попадают под действия закона по борьбе с терроризмом. Среди них «Братья-мусульмане», «Аль-Каида на Аравийском полуострове», «Исламское государство», «Джабхат ан-нусра», Движение хоуситов и другие¹⁸.

Для противодействия идеологии радикальных террористических организаций в июле 2015 г. власти ОАЭ пошли на принятие еще одного нового закона — по борьбе с дискриминацией и шовинизмом по отношению к отдельным лицам или объединениям. Этот закон рассматривал все действия оскорбительного характера по отношению к различным религиям и их святыням как имеющие преступный характер. Закон был призван противодействовать любым формам дискриминации по религиозным, идеологическим, доктринальным, конфессиональным, расовым или этническим признакам. В соответствии с положениями этого закона запрещалось оскорблять религии, религи-

озные культы, пророков, святых, священные книги, места религиозного поклонения словом или делом, что вело к разделению общества страны. Срок наказаний за перечисленные в законе преступления был очень суровым — смертная казнь или длительные сроки тюремного заключения и значительные штрафы¹⁹.

Мухаммед бен Рашид Аль Мактум — эмир Дубая, вицепрезидент и премьер-министр федерации охарактеризовал этот закон как необходимый для укрепления единства общества, его приверженности принципу равенства всех его членов, без какой-либо дискриминации, что является гарантией его стабильности и процветания²⁰.

Забота о сохранении стабильности и безопасности государства стала главной целью федеральных властей в 2000-е годы. Они стремились реализовать поставленную цель различными путями — законодательными, экономическими и политическими. Принимая новые законы, развивая экономику и проводя политические реформы, власти ОАЭ решали задачу консолидации общества, устранения потенциальных угроз национальной безопасности государства и укрепления его единства.

¹ United Arab Emirates Yearbook 2009. The National Media Council. L,. 2009. P. 34–35.

² Ibid. P. 36–37.

³ Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for US Policy. Congressional Research Service // Report for Congress. 17.10.2013. P. 2.

⁴ The Federal National Council/UAE Embassy in Washington DC. – http://www.use-embassy.org/uae/government/federal-national-council 28.11.2015.

⁵ Ibid.

⁶ United Arab Emirates 2009.P. 235–236.

⁷ Ibid. P. 261–262.

⁸ Ibid. P. 283.

⁹ Katzman K. Op. cit. P. 4.

¹⁰ Ibid. P. 5.

¹¹ BBC News. United Arab Emirates profile. 21 April 2015. – www.bbc.com/news/world-middle-east-1470414.

¹² Katzman K. Op. cit. P. 6.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 7.

¹⁵ BBC News. United Arab Emirates profile.

www.wam.ag/em/news/tmirates/139528395141 html.

¹⁷ Аль-Имарат янтахиб Амаль Аль-Кабиси ли риасат аль-маджлис аль-ватаний аль-иттихадий (Эмираты избирают Амаль Аль-Кабиси спикером Федерального национального совета) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 19.11.2015. – http://aawsat.com/print/500596.

¹⁸ Вазир ад-дахилийя аль-кувейтий ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: дувваль аль-халидж тадрус иттихаз тасниф аль-каваим аль-ирхабийя (Кувейтский министр внутренних дел «Аш-Шарк Аль-Аусат»: Государства Залива изучают возможность классификации террористических списков) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 11.12.2014. —

http://classic.aawsat.com/print.asp?did=797734&issueno=13162.

¹⁹ Канун имаратийя джажида таджрам ат-тамииз ва аль-карахийя бейна аль-афрад ва аль-джамаат (Новый закон ОАЭ считает преступлениями дискриминацию и ненависть между отдельными личностями и группировками) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21.07.2015. – http://aawsat.com/print/411236.

²⁰ Там же.

¹⁶ WAM Emirates News Agency. 02.08.2015. –

СОЛДАТЫ-МУСУЛЬМАНЕ В БРИТАНСКОЙ АРМИИ ИЛИ РЕКРУТЫ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ВЫБОР ИДЕНТИЧНОСТИ МУСУЛЬМАНАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АКТУАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

В 2006 г. во время кампании против движения «Талибан» в Афганистане был убит линейный капрал мусульманин Джаброн Хашми (Jabron Hashmi), солдат британской армии¹. Хашми стал первым британским солдатом-мусульманином. убитым в ходе «войны с терроризмом», начатой странами Запада после терактов «Аль-Каиды» в Нью-Йорке в 2001 г. Его родители переехали в Великобританию из Пакистана в 1994 г., когда сыну было 12. Через 10 лет он вступил в ряды британских вооружённых сил. «Он видел свою миссию в Афганистане как возможность навести мосты между Востоком и Западом. Джаброн был преданным солдатом и ревностным мусульманином, он в равной степени гордился своим исламским вероисповеданием и британским гражданством», - так охарактеризовал своего младшего брата Зишан Хашми, также в прошлом британский военнослужащий². Отдать почести Хашми пришли 400 человек, включая командира его подразделения и мусульманского капеллана (Muslim chaplain) вооружённых сил страны.

Ислам вошёл в жизнь британского общества уже достаточно давно, чтобы к настоящему моменту основная часть мусульман страны так или иначе в него интегрировалась или, по крайней мере, могла считаться интегрировавшейся. Тем не менее до сих пор ещё остаётся немало сфер, где представители исламского сообщества сталкиваются с серьёзными этическими трудностями, нередко заставляющими их делать крайне трудный, а временами и попросту невозможный выбор между двумя идентичностями: религиозной мусульманской и гражданской британской. Пожалуй, нигде подобные этические дилеммы не обнаруживают себя так ярко и явно, как в случае с мусульманами, проходящими службу в британской армии.

Впервые это отчетливо проявилось ещё в колониальных войнах, которые Британская империя вела более столетия назад³. Однако с началом Великобританией (совместно с США и другими странами Запада) уже в XXI в. кампаний в Ираке и Афганистане данная ситуация получила новый контекст.

Какова сегодня, в постколониальном мире со множеством возникших и постоянно меняющихся экстремистских псевдоисламских идеологий террора, роль солдата-мусульманина в армии и обществе такой немусульманской страны Европы, как Великобритания? С какими трудностями приходится сталкиваться таким солдатам из-за своего выбора? Наконец, что иммигрантам и их потомкам дает карьера в таком институте общества, как армия? Ответы на эти и подобные вопросы представляются важными для изучения процессов, последствий и проблем интеграции представителей исламского религиозного меньшинства в британское общество, а также процессов распространения экстремистских идей среди мусульманской молодежи страны.

Дополнительную актуальность такому исследованию в 2015 г. придал миграционный кризис в Европе, когда в страны континента прибыли сотни тысяч мигрантов с Ближнего Востока, спасавшиеся от гражданской войны в Сирии и действий террористической организации «Исламское государство» (ИГ) (запрещено в РФ) на сопредельных территориях. На этом фоне существенно возросло число европейских мусульман, вступающих в армию... исламистов. Анализ этой ситуации также может помочь получить ответы на ряд вопросов. Например, почему государственная армия европейской страны не является привлекательным вариантом для желающих поучаствовать в боевых действиях адептов ислама, и все ли в таком выборе определяют религиозные взгляды?

Если в XIX в. для солдата-мусульманина британской армии на повестке дня обычно стояла только проблема самоопределения, когда за то или иное принятое решение он нёс ответственность лишь перед собой и перед богом, то столетие спустя к ней добавилась проблема соответствия. Соответствия многочисленным и в массе своей радикальным идеологиям, которые на основе ислама (нередко искажавшегося в угоду целям радикалов) в большом количестве были созданы или популяризированы жаждущими власти и влияния экстремистскими проповедниками, провозглашающими служащих в британ-

ской армии солдат-мусульман отступниками от веры даже не за участие последних в какой-либо кампании в мусульманской стране, а всего лишь за сам факт службы. И без того сложную этическую ситуацию совмещения двух лояльностей (или выбора между ними) усугубило чувство страха.

Так, в январе 2008 г. был вынесен обвинительный приговор группе экстремистов, планировавших обезглавить служившего в британской армии мусульманина для «назидания» другим⁴. Очевидно, что в этих условиях такой мощный фактор, как страх, является для многих британских мусульман серьезным доводом против вступления в армию Соединенного Королевства и, напротив, может выступать в качестве стимула для тех, кто хочет страх эксплуатировать, для чего вступает в ряды боевых формирований исламистов. Один из основателей британского Фонда Киллиама и сам в прошлом радикальный исламист Мааджид Наваз в своей статье для «The Wall Street Journal» пишет, что за время существования «Исламского государства» членами группировки стали порядка 1 000 мусульман из Великобритании, и это больше, чем количество британских адептов ислама, записавшихся в резерв Британской армии⁵.

А ведь в случае с мусульманами Великобритании, пожалуй, именно служба в армии является самым показательным свидетельством того, насколько сильно общины хотят функционировать в рамках британского общества и интегрироваться в него. В какой степени они себя с ним ассоциируют, и что именно значит для каждого мусульманина Соединённого Королевства быть британским гражданином. С нашей точки зрения, именно отношение британских адептов ислама к этому институту как ни что другое выявляет разницу между настоящими британскими мусульманами и экстремистами, паразитирующими как на религии, так и на слабостях британского общества.

Но если для одних героями и настоящими мусульманами, британскими мусульманами, являются такие, как Джаброн Хашми, то другие считают таковыми людей вроде экстремиста Мохаммеда Сиддик Хана и его сообщников-смертников. Очевидно, что они тоже видели себя «ревностными мусульманами» и «преданными солдатами» «Аль-Каиды», воюющими против Запада. «Ваши демократически избранные правительства продолжают несправедливо вести себя по отношению к моим людям по всему миру, и ваша поддержка этих правительств

делает вас непосредственно ответственными за это, точно так же, как я напрямую отвечаю за защиту и отмщение моих мусульманских братьев и сестёр — мы находимся в состоянии войны, и я являюсь солдатом», — говорит Сиддик Хан на видеозаписи перед тем, как взорвать себя в центре Лондона в июле 2005 г.⁶

Такие понятия, как «солдат» или «герой», сегодня являются куда менее однозначными с точки зрения мусульманской молодёжи Соединённого Королевства, чем во времена расцвета Британской империи, когда в рядах её вооружённых сил служили десятки тысяч адептов ислама. Более того, смысл этих понятий для разных людей может быть абсолютно противоположным. И все же в условиях, когда количество сторон и идентичностей каждый год растет в геометрической прогрессии, британские мусульмане, в частности, и представители этнорелигиозных меньшинств вообще продолжают среди прочих выбирать и идентичность солдата британских регулярных войск. В 2006 г., когда в Афганистане погиб Джаброн Хашми, в рядах британских вооружённых сил проходили службу 906 мужчин и женщин азиатского происхождения, 320 из которых являлись практикующими мусульманами⁷. Как и в случае с увеличением в 2000-х гг. представительства этнорелигиозных меньшинств в других сферах деятельности британского общества, например, в политических институтах, рост числа солдат-мусульман в армии Великобритании в этот период в значительной степени стал следствием политики правительства новых лейбористов, пришедших к власти в 1997 г., когда представители этнорелигиозных сообществ составляли порядка 1% от числа военнослужащих⁸. За десятилетие данный показатель был увеличен до 9%, правда, в основном за счет граждан стран Содружества. Тем не менее количество солдат-мусульман также стабильно растет в этот период.

Сравнительная статистика по количеству солдатмусульман в британской армии в новейшее время ведется Министерством обороны (MoD) Соединённого Королевства только с 2007 г., когда из 190 670 военнослужащих 360 (или 0,2% от общего числа) указали в качестве своей религии ислам. Подобно тому, как с каждым годом растут сами мусульманские общины Великобритании, непрерывно увеличивалось и число солдат-мусульман в армии. Особенно заметным этот процесс был в 2009—2010 гг., когда ряды военных пополнили сразу 210 адептов ислама, доведя их общее число до 600^9 . К 2012 г. численность солдат-мусульман достигла 650 человек. Этот показатель, согласно статистике, пока остаётся максимальным в новейшей истории: в последующие годы он начал снижаться и в 2014 г. равнялся 600^{10} . На протяжении этого времени мусульмане имеют наибольшее представительство в сухопутных войсках — порядка 0.5% (270-550 человек в 2007-2012 гг.). В авиации и на флоте их численность остаётся стабильной и в целом не превышает значений в 50 и 40 человек соответственно (0.1%). При этом довольно сложно судить о принадлежности солдат-мусульман к тому или иному течению ислама (сунниты, шииты и т. д.), поскольку подобная статистика нигде не ведется.

Что касается статистики гендерной, то подсчёт числа мусульманок, служащих в британских вооружённых силах, также затруднен, поскольку не ведётся ни в одной из официальных инстанций, представляющих армию. Нет этих данных ни в ежегодных отчётах Министерства обороны, ни на официальном сайте армии. На страницах последнего лишь присутствует информация о том, что мусульманкам-солдатам разрешено одеваться в полном соответствии с религиозными предписаниями (хиджаб, закрытые руки и ноги до кистей и ступней в жарких условиях и т.п.), если это не противоречит условиям конкретной миссии (например, когда необходимо носить шлем). В конце 2000-х гг. широкую огласку получил случай мусульманки Рабии Сиддики (Rabia Siddique), подавшей в суд иск с жалобой на расовую и религиозную дискриминацию со стороны армейского начальства 11. В 2005 г. Сиддики, являясь военным юристом и не имея достаточной подготовки для непосредственного участия в боевых действиях, внесла ошутимый (если не решающий) вклад в освобождение из плена экстремистов двух британских солдат в ходе операции в иракской Басре, т. к. оказалась единственным в подразделении человеком, знавшим арабский, что и использовала в переговорах об освобождении солдат. Тем не менее награду за проявленную отвагу получил только напарник Сиддики по операции, коренной британецнемусульманин, в то время как её заслуги не были отмечены никаким образом.

В целом, исходя из общей численности женщин в британских вооружённых силах (порядка 16 тыс. — приблизительно 10% от всего контингента) и прежде всего из количества сол-

дат-мусульман, можно предположить, что на протяжении последнего десятилетия число мусульманок в войсках составляло от 10 до 40 человек. В любом случае присутствие в британской армии мусульманок можно считать важным показателем изменений менталитета, наблюдающихся в среде молодых представителей исламского сообщества Соединённого Королевства. Это же подтверждают и опросы общественного мнения. Так, согласно результатам опроса аналитического центра Demos, которые приводит издание «Гардиан», больше половины опрошенных британских мусульман в возрасте от 16 до 24 лет не согласились с утверждением, что «дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — присматривать за домом и семьей» 12. В это же время половина респондентов в возрасте 55 лет и старше согласилась с этой формулировкой.

Большой интерес при изучении всех аспектов службы солдат-мусульман в британской армии представляет институт мусульманских капелланов, поскольку он является важным или даже, вероятно, фундаментальным элементом всей системы интеграции исповедующих ислам британцев в вооруженные силы страны 13. Первый такой капеллан был принят на должность в войска Соединённого Королевства в ноябре 2005 г. одновременно с тремя своими коллегами, которые были призваны оказать религиозную поддержку буддистам, сикхам и индуистам. И также впервые в истории Великобритании. На тот момент, согласно данным Би-Би-Си, численность представителей указанных конфессий в британской армии была следующей: мусульмане - 305 человек, индуисты - 230, буддисты - 220, сикхи - 9014. Одной из целей такого шага было побудить представителей нехристианских конфессий присоединяться к вооруженным силам. До этого в армии работали только христианские капелланы (300 для 183 тыс. солдат в 2005 г.) и один капеллан для 65 солдат, исповедовавших иудаизм.

Первым мусульманским капелланом в армии Соединённого Королевства в возрасте 29 лет стал имам Асим Хафиз, приписанный к Веллингтонским казармам в Лондоне. В 1999 г. Хафиз закончил исламский колледж в Ланкашире и среди прочего работал с заключенными тюрьмы в Уандсворде. Имам так прокомментировал свое вступление в должность: «То, что в вооруженных силах проходят службу 305 мусульман, означает, что они хотят вносить свой вклад в эту сферу жизни общества так же, как и в другие» 15.

Следующим важным моментом в современной истории участия британских мусульман в деятельности вооруженных сил Соединённого Королевства стало создание при участии имама Хафиза в 2009 г. Ассоциации мусульман-военнослужащих (Armed Forces Muslim Association, AFMA), которая объединила как действующих, так и бывших солдат-мусульман в стремлении сделать службу в армии и последующую жизнь максимально комфортной для адептов ислама. Вполне возможно, что, в том числе, и с деятельностью АҒМА было связано достаточно резкое (для конкретной категории, конечно) увеличение числа солдат-мусульман в 2009-2010 гг., о котором мы говорили ранее. Инициативу поддержал Мусульманский совет Великобритании. Одними из целей ассоциации были формирование заинтересованности у британских мусульман в службе в рядах вооруженных сил и организация более тесного взаимодействия между британской армией и мусульманским сообществом страны. Первым армейским куратором организации стал генерал сэр Дэвид Ричардс, занимавший в то время пост начальника Генерального штаба¹⁶.

Ассоциация также проводит или поддерживает различные мероприятия для бывших и действующих солдат-мусульман. Например, в Соединенном Королевстве регулярно проходит Конференция военнослужащих-мусульман (Armed Forces Muslim Conference) - религиозное мероприятие, призванное собрать вместе максимальное число проходящих службу в британской армии мусульман для обсуждения вопросов религии и культуры и совместного решения любых проблем, с которыми они могут сталкиваться. Для многих мусульман такие встречи являются единственной возможностью пообщаться и помолиться с солдатами-единоверцами. «Являясь единственным мусульманином в своей бригаде, я лишен возможности социализироваться среди других военнослужащих-мусульман. Довольно сложно собрать столь многих из нас вместе для совместной молитвы, что важно для формирования связей в религиозном контексте», - сказал в рамках шестой такой конференции в 2012 г. младший капрал Момоду Сонко, проходивший службу в Германии и побывавший в Ираке в 2008 г¹⁷.

Что касается причин, по которым представители исламского сообщества Великобритании выбирают такой путь, то можно с большой долей уверенности предполагать, что позицию большинства британских мусульман, проходящих службу в во-

оруженных силах страны, отражают слова пехотинца Пти Шехаба Эль-Дина Ахмеда Эль-Миниави (Pte Shehab El-Din Ahmed El-Miniawi), участвовавшего в афганской кампании в составе 2-го батальона парашютно-десантного полка, дислоцированного в провинции Гильменд: «Те, с кем мы воюем, не простые мусульмане, мы боремся против экстремистов. Экстремистский фон присутствует в каждой культуре и в каждой религии. Я считаю, что это должно искореняться. Вот почему я здесь, чтобы на деле участвовать в этой войне» 18. Эль-Миниави считает, что его вера была преимуществом при патрулировании, поскольку местные жители с гораздо большей охотой сотрудничали, когда узнавали, что он мусульманин.

Таким образом, служба в армии и участие в антитеррористических кампаниях позволяют британским мусульманам вносить деятельный вклад в борьбу с очищением ислама от искажающих его экстремистских идей и течений. В то время как значительная часть живущих в Европе мусульман в лучшем случае ограничивается заявлениями, осуждающими действия исламистов, и ничего не предпринимает на практике. Опятьтаки основной аргумент, который адепты ислама выдвигали против службы мусульман в армиях немусульманских стран — участие в боевых действиях против единоверцев, — существенно растерял свою силу в последние годы на фоне действий таких террористических образований, как «Исламское государство», неоднократно убивавших других мусульман во имя своих сомнительных целей. И в том числе, даже заложников, принявших ислам сунитского толка 19.

В то же время в противовес тем, кто, подобно Эль-Миниави, ищет свое место в западном немусульманском обществе через службу в армии, куда большее количество не определившихся со своей идентичностью мусульман из Великобритании и других стран Европы выбирает другие вооруженные силы — экстремистские боевые формирования вроде тех, что действуют под знаменами «Исламского государства» и различных джихадистских группировок на территории Сирии и Ирака. Так, число иностранных наемников в рядах ИГ в 2014 году достигало 15 тыс., большую часть из которых составляли именно выходцы из государств Старого Света²⁰. Это обстоятельство свидетельствует не только и не столько о том, что они плохо знают религию, адептами которой себя считают, сколько о том, что не хотят прикладывать серьёзных усилий,

чтобы интегрироваться в то немусульманское общество, в котором родились, желая переформатировать это общество под себя любыми, в том числе насильственными, методами. Те же, кто идет служить в армию, принимают не только свои права в рамках западного общества (которыми активно пользуются и исламисты), но и обязанности (от которых исламисты категорически отказываются, часто в грубой форме).

Впрочем, у процесса вербовки в формирования исламистов есть и другая составляющая, причем весьма специфическая. Журнал «The Economist» отмечает, что для тех, кто уезжал воевать за ИГ и подобные движения в 2012-2015 гг., значительно более характерны проблемы с психическим здоровьем, криминальная деятельность и отсутствие чётких религиозных убеждений, чем для тех, кто присоединялся к исламистам ранее, в период после терактов в Нью-Йорке в 2001 г. Так, пара 22-летних рекрутов джихадистов из Бирмингема перед тем, как покинуть Великобританию и примкнуть к ИГ, купила «в дорогу» издание под названием «Коран для чайников» (The Koran for Dummies). Интернет позволяет вербовщикам экстремистов легко вступать в контакт с такими личностями или получать информацию о них тем или иным способом. Среди прочего, например, заметим, что по информации авторов «The Economist», «Аль-Каида» пыталась взломать базу данных о психическом здоровье граждан США, чтобы отобрать там потенциальных рекрутов21.

Необходимо отметить, что существенное снижение численности мусульман в рядах вооруженных сил Великобритании совпало с краткосрочным и достаточно нетипичным для новейшей истории страны периодом, когда армия меньше всего была задействована в каких-либо военных операциях или кампаниях. Так, перед началом 2014 г. многие в Великобритании всерьез надеялись, что этот год станет окончанием столетнего периода, в течение которого британские вооруженные силы (а в их числе, соответственно, и солдаты-мусульмане) постоянно были задействованы в каком-либо военном конфликте. операциях или боевых действиях. Такую надежду давал объявленный уход войск Соединённого Королевства из Афганистана, запланированный на конец года. Об этом в своей статье «British forces' century of unbroken warfare set to end with Afghanistan exit» рассуждают журналисты газеты «Гардиан» Ewen MacAskill и Ian Cobain: «После того, как в августе 1914 года Великобритания объявила войну Германии, не проходило и года, чтобы её силы не принимали участие в каком-либо конфликте. Последние 100 лет вобрали в себя две мировые войны, масштабные конфликты в Корее и Ираке, точечные и ограниченные операции в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии. Также были карательные операции в защиту империи, операции холодной войны, поддержка действий США после 11 сентября 2001 г. и проблемы в Ирландии. Ни одна другая страна, даже с сопоставимыми милитаристскими традициями, не участвовала в боевых действиях в течение столь долгого времени» 22.

Уход из Афганистана прошел по графику — в конце октября 2014 г. британский флаг был спущен на военной базе Кэмп Бастион в провинции Гильменд, одно время являвшейся самой крупной военной базой Соединённого Королевства за всю историю. По итогам афганской кампании Джаброн Хашми оказался единственным солдатом-мусульманином в британской армии, убитым на территории Афганистана. Однако сам по себе вывод войск из Афганистана отнюдь не гарантировал какоелибо затишье для вооруженных сил Соединённого Королевства. В 2015—2016 гг. страна вновь участвует в военных действиях — на этот раз против «Исламского государства» на территории Ирака, а затем Сирии. В этот период мусульман в рядах вооруженных сил страны осталось 530 (октябрь 2015 г.)²³. Зишан Хашми, ссылаясь на данные СМИ, и вовсе приводит цифру в 480 человек.

Что касается британских исламистов, то для них наличие солдат-мусульман в вооруженных силах Соединенного Королевства — это прежде всего повод распространить свои взгляды и деятельность среди тех своих сограждан, которые еще не определились со своим отношением к данному явлению и не знают, к кому лучше прислушаться, чтобы сформировать свою точку зрения по данному вопросу. Однако нередко экстремисты выбирают для этого неприемлемые, с точки зрения западного общества, меры. Так, в 2008 г. один из жителей Бирмингема был признан виновным в подготовке похищения солдатамусульманина с целью его последующего обезглавливания. Тогда замысел не был реализован, но был воплощен позднее по другому сценарию, когда в июне 2013 г. от рук двух исламистов в Лондоне всё-таки погиб британский солдат Ли Ригби, на этот раз не мусульманин. Это убийство очертило новую линию

фронта, которая пролегла между британскими вооруженными силами и исламистами уже непосредственно внутри страны, то есть фактически в тылу. В то же время больше всего в этой ситуации пострадали обычные мусульмане, на которых обрушился гнев широкой общественности, плохо различающей адептов ислама и последователей идеологий, его искажающих.

Важно отметить, что многие мусульмане, служащие в вооруженных силах или прошедшие через них ранее, сразу же заявили о своей полной поддержке британской армии, не колеблясь выбрав таким образом сторону в этом противостоянии. Так, например, бывший офицер и мусульманин Афзал Амин опубликовал в газете «Гардиан» статью под заголовком «Атака в Вулвиче: экстремистам не разделить наши вооруженные силы». В ней он написал следующее: «Как британский мусульманин и бывший армейский офицер я знаю, что эта варварская атака только сильнее сплотит всех военных. Британские вооруженные силы являются одним из последних понастоящему великих институтов нашей страны. Шокирует, что молодой и безоружный солдат в своей стране может подвергнуться нападению и быть убит. Я разговаривал с бывшими коллегами из армии, ветеранами, лидерами сообщества, политиками - и все мы едины в противостоянии этому трусливому убийству. В то время как в Вулвиче творилось это зверство. более 600 мусульман находятся в Афганистане, Мали, Сомали и других местах, внося свой вклад в нашу коллективную безопасность. Эта атака не связана ни с ними, ни с вооруженными силами вообще, которые помогли стольким мусульманам в Ираке и Афганистане - двух странах, в которых главными бенефициарами военного вмешательства были мирные мусульмане и их правительства... Разглагольствования одного из нападавших в попытке оправдать это преступление не должны приниматься за чистую монету... это не имеет отношения к положениям ислама. ...Я уверен, что единство сообщества и членов вооруженных сил только укрепится, и мы как страна продолжим вызывающе и героически выступать против всех форм экстремизма и ненависти»²⁴.

Действительно, произошедшее в Вулвиче никак не сказалось на положении солдат-мусульман в британской армии или на отношении к ним общества. Наоборот, эта ситуация дала возможность солдатам-мусульманам послать обществу Соединенного Королевства в целом и своим единоверцам, в частно-

сти, четкое сообщение о неприемлемости подобных действий, и они этой возможностью воспользовались, продемонстрировав множеству колеблющихся и ищущих себя членов мусульманских общин, что есть путь, который уважается и принимается обществом и позволяет не идти против своих религиозных убеждений.

И все же до сих пор актуальной и одной из главных проблем является то, что значительная часть мусульман страны и считающих себя таковыми последователей псевдоисламских учений, испытывающих проблемы с поиском собственной идентичности, прислушивается к тому, что говорят исламисты и присматривается к тому, что они делают. Это, в свою очередь, является одной из причин непонимания и даже агрессивной реакции представителей исламских общин Соединённого Королевства на участие британской армии в антитеррористических операциях в Ираке, Афганистане или Сирии, и на то, что службу в вооруженных силах страны проходят их единоверцы, участвующие в боевых действиях на территории государств, считающихся мусульманскими. Эту ситуацию в 2014 г. прокомментировал, в частности, первый мусульманский капеллан Асим Хафиз: «Без сомнения, в мусульманском сообществе (Великобритании-авт.) существует заблуждение относительного того, что это – война против ислама. Военные там пытаются оказывать поддержку Афганистану и афганскому народу. Они не борются против религии или культуры. То, что они присоединились к вооруженным силам, не означает, что они потеряли свою душу или веру. В армии я встретил много мусульман, которые были очень набожными»²⁵.

Кроме того, Хафиз отмечает, что солдаты-мусульмане преимущественно обращались к нему не с просьбами разрешить их сомнения относительно миссии в Афганистане и участия в других операциях, а за советом по отправлению религиозных практик во время прохождения службы. Так, одним из самых популярных был вопрос о том, должны ли они поститься во время прохождения базового курса подготовки, включающего в себя восьмимильные кроссы. Имам считает, что с тех пор, как он приступил в 2005 г. к обязанностям капеллана, армия стала более привлекательным работодателем для мусульман: «Армия учитывает все потребности, которые могут быть у мусульман: пост во время Рамадана, молитва пять раз в день, посещение мечети для участия в пятничной проповеди» 26.

В рамках своих поездок в Афганистан он неоднократно встречался с местными религиозными лидерами и обсуждал проблему использования экстремистами веры в качестве стимула для достижения сомнительных целей, находя понимание. Кроме того, своей деятельностью имам способствовал улучшению взаимопонимания между британскими военными и местными солдатами. Так, 16 ноября 2010 г. во время одной из командировок в Афганистан он, совместно с имамом одного из подразделений Афганской национальной армии, произнес по случаю праздника Ид-аль-Адха проповедь перед многонациональной общиной в количестве 600 человек.

Необходимо отметить, что противостояние двух этих подходов в настоящее время является не заочным, но вполне открытым, поскольку как солдаты-мусульмане, так и представители исламистов обращаются с критикой непосредственно друг к другу через медиапространство. В частности, радикальный клерик и основатель ряда запрещенных в Соединённом Королевстве экстремистских организаций (таких, как Islam4UK и Muslims Against Crusades) Анджем Чоудари, связанный с одним из исполнителей убийства в Вуличе Майклом Адеболаджо. следующим образом комментировал в 2013 г. роль британской армии в антитеррористических операциях по всему миру: «Я виню во всём Кэмерона за его внешнюю политику, направленную против ислама и мусульман! Если британский режим посылает людей убивать мусульман в Ираке и Афганистане, это не может не вызвать нестабильность здесь, в Великобритании - пора выводить (войска-авт.)! Внешняя политика Великобритании является причиной нестабильности в мусульманских государствах и причиной отсутствия безопасности здесь. Вулвич – это первый звонок. Сколько ещё людей должно погибнуть, прежде чем Кэмерон и Обама осознают катастрофические последствия того, как они обращаются с мусульманами у себя дома и за рубежом? История засвидетельствует, что самыми большими террористами нашего времени являются США и их союзники. Кэмерон должен вывести все войска из мусульманских стран, прекратить поддержку пиратского государства Израиль и тиранов в мусульманских странах»²⁷.

Ответ на подобные взгляды и заявления прозвучал еще раньше, в 2010 г., когда британское правительство запретило очередную организацию Чоудари (Islam4UK). На защиту выбора адептов ислама, которые предпочли вступить в ряды во-

оруженных сил Великобритании, встал британский капрал пакистанского происхождения Мохсин Мугал, считающий, что исламисты пытаются популяризировать ошибочную точку зрения в условиях, когда большинство британских мусульман ценит работу, которую делает армия: «Я могу только осудить взгляды этой и подобных групп. Я – служащий в армии мусульманин, и я просто делаю свою работу. Не солдаты решают, в какую страну отправиться или какую операцию выполнять - это дело политиков. Неправильно атаковать нас за эти решения. У армии много ролей, мы не только участвуем в войнах. На прошлой неделе солдаты помогали получить пищу людям. пострадавшим от снегопадов. Эти люди (исламисты – авт.) должны учитывать такое. Меньшинство, негативно относящееся к британским вооруженным силам, обычно представляют мусульмане второго и третьего поколений. Настало время для них начать относиться к этой стране как к своей. Их мирная жизнь в этой стране во многом обеспечивается армией. защищающей их»²⁸.

Интересно, что в случае с Мохсином Мугалом, сыгравшим важную роль в организации Ассоциации мусульманвоеннослужащих, можно говорить о своего рода военной династии и преемственности наследия и ценностей мусульман, служивших в армии Британской империи. Его дед воевал за союзников во Второй мировой войне и несколько лет провел в японском лагере для военнопленных. Младший брат Мугала также присоединился к вооруженным силам Соединенного Королевства.

Хотя практически невозможно подсчитать количество сторонников каждого из этих подходов среди членов мусульманского сообщества страны, куда более заметным и представительным вплоть до недавнего времени в медиапространстве выглядело исламистское лобби во главе с такими одиозными радикальными клериками, как Анжем Чоудари или Абу Хамза аль-Масри. Но после экстрадиции последнего в США и судебного преследования первого за связь с ИГ ситуация начала меняться. Впрочем, сегодня в таких конфликтах, как гражданская война в Сирии, многих молодых людей, считающих себя мусульманами, привлекает возможность быстро прославиться и вместо арестованных лидеров или традиционных богословов, нередко даже не говорящих по-английски, самим стать авторитетами для сверстников и примерами для подражания, ка-

ким до ликвидации еще совсем недавно был, например, Джихади Джон (Jihadi John). Подобные случаи, когда на видео террористов один из них опознаётся британскими спецслужбами или общественностью как гражданин страны, в последние годы происходят регулярно.

Не помогают имиджу британского солдата-мусульманина и борьбе с распространением различных радикальных идей среди молодых мусульман Соединенного Королевства и заявления британского премьер-министра Дэвида Кэмерона о том. что правительство страны так или иначе рассчитывает на действия порядка 70 тысяч умеренных исламистов-повстанцев в Сирии, стремящихся не только сместить Башара Асада, но и противостоящих «Исламскому государству» 29. Среди таких «умеренных» есть и те, кто, подобно боевикам «Исламского государства», не брезгует использовать самые жестокие методы борьбы с противниками, в том числе публичные казни с отрубанием голов. Данные СМИ и британских спецслужб свидетельствуют, что в рядах повстанцев в Сирии находятся сотни граждан Великобритании (среди которых есть и коренные британцы-немусульмане, принявшие ислам или то, что они считают таковым).

Если британское правительство публично выражает поддержку таким формированиям в их борьбе с «Исламским государством», то какова тогда разница между боевиком условного «Исламского фронта» и солдатом-мусульманином регулярной британской армии, участвующем в военной операции в Сирии или Ираке? И почему последний должен выбрать формальную службу, а не куда более фривольную партизанскую деятельность в рядах «умеренных повстанцев», к тому же позволяющую быстрее прославиться? Примечательно также, что среди таковых немало британцев, принявших ислам непосредственно перед вступлением в действующие на территории Сирии исламистские движения, в то время как ничего неизвестно о том, чтобы такие вновь обращенные пополняли ряды вооруженных сил Великобритании.

И все же в правительстве страны серьезно относятся к потенциалу использования солдат-мусульман в пропагандистских мероприятиях, направленных против радикализации. Так, например, в августе 2013 г., вскоре после убийства Ли Ригби, власти озвучили планы пригласить действующих и бывших военнослужащих-мусульман в школы для выступлений перед

учащимися с целью предотвращения разрастания исламофобии и увеличения количества преступлений с религиозной подоплёкой, накрывших страну после случившегося в Вулвиче. Да и голоса тех мусульман, кому служба в армии позволила «найти себя» и определиться со своей идентичностью, постепенно становятся все громче. Одним из них стал Аднан Сарвар, британец пакистанского происхождения, выросший в городе Бернли на севере Англии. Сарвар проходил службу на Кипре, в Кувейте, Ираке, Катаре и Соединённом Королевстве. О том, почему он решил пойти в британскую армию и как сумел совместить сразу три идентичности — британца, мусульманина и солдата, Сарвар в 2014 г. выпустил книгу под названием «Британский солдат-мусульманин» (British Muslim Soldier).

Книга (впрочем, скорее эссе) представляет собой любопытный источник информации об одном из важнейших аспектов новейшей истории Великобритании, позволяя взглянуть на ситуацию и ключевые проблемы глазами непосредственного участника событий. Вот, в частности, что пишет Сарвар о мотивах принятого им решения пойти в армию: «Я поклялся защищать эту страну даже после того, как ребята в школе пинали мою голову и кричали «паки»... Я не думал слишком много об идентичности, потому что она оставила металлический привкус у меня во рту. Вокруг было много разговоров о том, как плох Запад, эти белые люди с их алкоголем и женщинами. В школе они говорили, что если нам не нравится все это, нам лучше вернуться туда, откуда приехали. Да, я здесь, потому что здесь лучше, чем там, откуда я прибыл... И я подумал о том, что значит быть пакистанским мальчиком без образования в Бернли. Это не значило ничего - я не значил ничего. И я сказал сержанту-рекрутеру, что хочу быть британским солдатом, потому что это кое-что значит. В Бернли солдаты были теми, кого уважали. Каждый год об этом мне напоминал День памяти (Remembrance Sunday). Так что армия - первое, что пришло мне в голову, когда я решил перестать цепляться за свои пакистанские корни и самостоятельно выбрать, кем мне быть, стать мужчиной»³⁰.

И хотя в данном фрагменте на первый план выходит этническая, а не религиозная идентичность, в подавляющем большинстве случаев для британцев с пакистанскими корнями проблемы, связанные с одной, неотделимы от сложностей, порождаемых второй. И в этом смысле между ними можно поставить

знак равенства. В этом отношении армия еще с XIX в. была для небританцев одним из самых надежных способов проявить себя и так или иначе вписаться в общество. И сегодня, когда даже, например, учеба в университете вовсе не является для британских мусульман гарантией нормальной социализации во многом из-за крайне высокой активности в вузах вербовщиков исламистов, такой способ, как армия, становится еще более актуальным.

Тем не менее количество солдат-мусульман в вооруженных силах страны и число британцев, присоединяющихся к различным исламистским движениям по всему миру, остаются не просто сопоставимыми, а с устойчивым перевесом в пользу последних. Новейшая история Великобритании показывает, что одних лишь мер, призванных препятствовать распространению радикальных идей в исламском сообществе страны, недостаточно, чтобы изменить эту тенденцию и сделать армию более привлекательным вариантом для большинства британских мусульман. Дальнейшее улучшение имиджа солдата-мусульманина и увеличение привлекательности службы в вооруженных силах страны вкупе с отсутствием двусмысленных комментариев членов правительства о поддержке действий формирований исламистского толка, очевидно, могут сыграть позитивную роль в этом процессе.

¹ Britten N., Petre J. Proud to be Muslim, a soldier and British [Электронный ресурс] // The Telegraph, 4 July 2006. URL:

http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1523001/Proud-to-be-Muslima-soldier-and-British.html_(дата обращения: 17.01.2016).

² Цит по: Ibid.

³ Подробнее см.: Плещунов Ф.О. Абдаллах Киллиам: у истоков британского ислама // Восток (Orients). 2012, № 4. С. 103–113.

⁴ См. Orr J. Guilty pleas over soldier beheading plot [Электронный ресурс] // The Guardian, 29 January 2008. URL:

http://www.guardian.co.uk/uk/2008/jan/29/terrorism.world?INTCMP=SR СН (дата обращения: 17.01.2016).

⁵ Nawaz M. How to Beat Islamic State [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal, 11 December 2015. URL:

http://www.wsj.com/articles/how-to-beat-islamic-state-1449850833 (дата обращения: 17.01.2016).

⁶ Цит. по: 'We are at war... I am a soldier' [Электронный ресурс] // The Guardian, 2 September 2005. URL:

http://www.guardian.co.uk/politics/2005/sep/02/uk.july72 (дата обращения: 17.01.2016).

⁷ Britten N., Petre J. Proud to be Muslim, a soldier and British [Электронный ресурс] // The Telegraph, 4 July 2006. URL:

http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1523001/Proud-to-be-Muslima-soldier-and-British.html_(дата обращения: 17.01.2016).

⁸ Vulliamy E. Military Migrants: Fighting for Your Country by Vron Ware – review [Электронный ресурс] // URL:

http://www.theguardian.com/books/2012/nov/25/military-migrants-vronware-review (дата обращения: 17.01.2016).

⁹ UK Defence Statistics, April 2012. Chapter 2. Personnel. Table 2.12 Strength of UK Regular Forces by Service and religion, at 1 April each year. Defence Analytical Services Agency [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/280569/all-chapters.pdf (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁰ UK Defence Statistics (Tri-Service), September 2014 [Электронный ресурс] // URL:

https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/357724/tri_service_personnel_bulletin_2.01.2014.pdf (дата обращения: 17.01.2016).

¹¹ Davies B. My war against Army sexists was WORSE than being held hostage and nearly executed in Iraq [Электронный ресурс] // The Daily Mail. URL: http://www.dailymail.co.uk/femail/article-1026352/My-war-Army-sexists-WORSE-held-hostage-nearly-executed-Iraq.html (дата обращения: 17.01.2016).

¹² Gani A. Younger generation of British Muslims showing shift in attitude to gender roles [Электронный ресурс] // The Guardian, 13 July 2015. URL:

http://www.theguardian.com/world/2015/jul/13/british-muslims-gender-roles-attitude-shift (дата обращения: 17.01.2016).

¹³ В настоящем исследовании под термином «мусульманский капеллан» и иными его вариациями понимается адаптированное значение слова «капеллан» как клерика, совмещающего религиозную деятельность с какой-либо светской должностью. В данном случае с должностью в вооруженных силах.

¹⁴ Striving for "truly British" armed forces [Электронный ресурс] // BBC News, 17 November 2005. URL:

http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4440360.stm (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁶ Ware V. British Muslim soldiers [Электронный ресурс] // Military Migrants. URL:

http://www.dailymail.co.uk/home/search.html?s=&authornamef=Barbara +Davies+for+the+Daily+Mailhttp://militarymigrants.org/2013/03/britishmuslim-soldiers/# edn2 (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁷ Muslim troops gather for religious conference [Электронный ресурс] // Ministry of Defence, 7 September 2012. URL:

https://www.gov.uk/government/news/muslim-troops-gather-for-religious-conference (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁸ Taneja P. UK's Muslim soldiers 'fighting extremists not Muslims' [Электронный ресурс] // BBC Asian Network, 21 February 2011. URL: http://www.bbc.com/news/uk-12504162 (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁹ Malik S. Isis video appears to show hostage Peter Kassig has been killed [Электронный ресурс] // The Guardian, 16 November 2014. URL: http://www.theguardian.com/world/2014/nov/16/isis-beheads-peter-kassig-reports (дата обращения: 17.01.2016).

²⁰ S. B. Where Islamic State gets its money [Электронный ресурс] // The Economist, 4 January 2015. URL:

http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2015/01/economist-explains?fsrc=scn/tw/te/bl/ee/whereislamicstategetsitsmoney (дата обращения: 07.01.2015).

²¹ Cm. The battle of ideas // The Economist, 15 August 2015.

²² MacAskill E., Cobain I. British forces' century of unbroken warfare set to end with Afghanistan exit [Электронный ресурс] // The Guardian, 11 February 2014. URL:

http://www.theguardian.com/uk-news/2014/feb/11/british-forces-century-warfare-end (дата обращения: 17.01.2016).

²³ UK Armed Forces Biannual Diversity Statistics, October 2015 [Электронный ресурс] // URL:

https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/480289/Diversity_Statistics_1October15-a.pdf (дата обращения: 17.01.2016).

²⁴ Цит. по: Amin A. Woolwich attack: extremists will not divide our armed forces [Электронный ресурс] // The Guardian, 24 May 2013. URL: http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/24/woolwich-suspect-truce-face-british-muslims (дата обращения: 17.01.2016).

²⁵ Taneja P. Army imam says British Muslims can be good soldiers [Электронный ресурс] // BBC Asian Network, 13 January 2014. URL: http://www.bbc.com/news/uk-25680656 (дата обращения: 17.01.2016).

¹⁵ Ibid.

²⁷ Цит. по: Плещунов Ф.О. Теракт в Вулвиче – кому выгодно? К вопросу о взаимном интересе исламистов, ультраправых и британских спецслужб [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 28.05.2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=17554 (дата обращения: 17.01.2016).

²⁸ British Muslim soldier: Islamists should treat UK as their own country [Электронный ресурс] // Evening Standart, 13 January 2010. URL: http://www.standard.co.uk/news/british-muslim-soldier-islamists-should-treat-uk-as-their-own-country-6792282.html (дата обращения: 17.01.2016).

²⁹ "Умеренный джихадист": британец, воюющий с Асадом и с ИГ [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. 21.12.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151221_british_jihadi st (дата обращения: 17.01.2016).

³⁰ Sarwar A. British Muslim Soldier. Vintage Digital, 2014.

ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ «ПРОЕКТЫ» В КОНСТИТУЦИОННОМ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ АРАБСКИХ СТРАН

События 2011 г. в арабских странах (о которых уже много написано) поставили на повестку дня, в числе прочих вопросов (регионального и глобального развития) вопрос о конституционной реформе, модернизации политического процесса, избирательного права и избирательных процедур, в частности.

Спустя пять лет после этих событий уже очевидно, что при наличии общих моментов каждая арабская страна, пережившая революционные потрясения, начала политическое движение в соответствии с собственной исторической логикой. В Египте раньше остальных стран начался процесс быстрого восстановления конституционных институтов, гарантом которого выступила армия, не сумевшая, однако, найти новые формы конструкции сложного египетского общества и пошедшая по пути укрепления своих позиций (о чем свидетельствуют статьи новой конституции 2014 года) и обеспечения внутриполитической безопасности.

В Тунисе в результате сложного политического компромисса между различными общественными группами, прежде всего светскими и исламскими партиями, демократические тенденции смогли найти свое отражение в национальном законодательстве и новой конституции, однако обезопасить себя от угроз и действий террористов страна не смогла². В итоге 4 июля 2014 г. власти Туниса снова ввели в стране чрезвычайное положение (отмененное до этого только в марте 2014 г.), предполагающее усиление позиций полиции и военных.

На ситуацию в Тунисе серьезно влияют процессы, происходящие в Ливии, где восстановление государственных институтов по натовскому сценарию пробуксовывает. Общество продолжает оставаться разобщенным и не может прийти к согласию относительно будущего политического устройства, хотя в стране была создана Конституционная ассамблея для разра-

ботки Основного закона и в 2014 г. избран Совет представителей. В Ливии по-прежнему продолжаются боевые действия: отряды бывшего генерала ливийской армии Халифа Хафтара (которого сравнивают с египетским генералом ас-Сиси) сражаются с другими вооруженными группировками (ливийских «Братьев-мусульман», ополченцев отдельных племен, джихадистов аль-Каиды и др.), общая численность которых, по некоторым данным, превышает полторы тысячи. Весной 2015 г. Х.Хафтару, назначенному Советом представителей верховным главнокомандующим страны, удалось освободить от исламистов значительную часть восточных провинций. Триполи попрежнему находится под контролем исламистских группировок, объединившихся в коалицию «Рассвет Ливии».

В Сирии еще в 2012 г. прошел референдум о принятии новой конституции, были проведены президентские выборы на альтернативной основе (впервые с 1963 г.). Предложенный сирийским президентом национальный диалог, в котором могли участвовать различные политические силы, представлялся достаточно позитивным шагом, однако внешний фактор продолжал серьезно дестабилизировать внутреннюю ситуацию. До настоящего времени в Сирии продолжается борьба с террористическими группировками, представленными «Исламским государством» (запрещено в РФ) и другими структурами, активно поддерживаемыми извне.

Алжиру и Марокко, несмотря на проходившие в 2011 г. массовые митинги и демонстрации, удалось избежать государственных потрясений отчасти благодаря быстрым действиям правящей элиты, инициировавшей конституционные реформы и начавшей либерализацию политических институтов.

В этой связи встает вопрос о действенности новых государственных структур в «постреволюционных» арабских странах и результативности начавшихся в 2011 г. политических трансформаций, влияющих на динамику внутрирегиональной ситуации, которую, как отмечает Л. Корольков, «ведущим мировым державам приходится в большей степени, чем обычно, учитывать и прислушиваться к местным центрам силы» [Корольков, 2015]. Ведь для формирования устойчивой региональной системы необходимо прежде всего формирование жизнеспособных государств с прочными институтами, способными разрешать внутренние противоречия и противостоять как внутренним, так и внешним вызовам и угрозам.

Одним из итогов арабских революций стало формирование новой правовой базы, призванной, как предполагалось, закрепить итоги «арабского пробуждения» и обозначить новые направления в развитии арабского общества в экономической, социальной и политической сферах. Именно на это и была направлена конституционная реформа, проводившаяся в период с 2012–2014 гг.

Правовая система любой страны находится в тесном взаимодействии и взаимовлиянии со многими общественными явлениями, которые эту систему формируют. Среди факторов, оказывающих заметное влияние на правовые основы общества, первостепенное значение имеет и историческая преемственность, для которой характерно определенное соотношение в разрушении старых элементов и восприятии новых, а также восприятие не столько формы отдельных элементов, сколько их сущностного содержания. Для Египта такой исторической традицией стала армия, влияние которой на политическую жизнь всегда было довольно ощутимо. Казалось, армия ушла в тень после избрания нового президента М.Мурси и принятия «исламистской» конституции, которая отправила армию в казармы, однако следующий Основной закон вернул военным их традиционные функции в политической жизни страны. Конституция 2014 г., посвящая армии целый раздел, не просто расширяет полномочия военных, но делает их ведомство фактически автономным институтом. Так, армия теперь будет иметь собственный бюджет, не подконтрольный гражданским властям. В соответствии со статьей 204 Основного закона создается Военная юстиция, осуществляющая судопроизводство исключительно по преступлениям, относящимся к вооруженным силам. Однако эта статья предполагает, что судебному преследованию могут быть подвергнуты и гражданские лица, если их действия представляют прямую угрозу военным учреждениям и их деятельности. Более того, в новой конституции провозглашается, что вооруженные силы страны имеют свой Высший совет, деятельность и полномочия которого будут регулироваться специальным законом. Это означает, что данная структура вооруженных сил становится конституционным органом (впервые в конституционном праве арабских стран) и, в соответствии с законом, будет иметь определенные полномочия, связанные не только с вооруженными силами, но и с политическим процессом⁴.

Что касается статей, конституционно закрепляющих ислам, которые вызвали наибольшее возмущение египтян в предыдущей конституции, то следует отметить, что статья о шариате как основном источнике законодательства вернулась в документ в том виде, в котором она была в конституции 1971 года. Однако появилась еще одна статья (ст.3), которая выводит изпод юрисдикции шариата в вопросах личного статуса христианские и иудейские общины, предоставляя им право решать спорные вопросы в соответствии со своими законами.

Обозначая очень большой круг прав и свобод граждан, конституция Египта, как и раньше, не закрепляет приоритет норм международного права (хотя преамбула гарантирует соответствие системы прав и свобод граждан Всеобщей декларации прав человека), а также не закрепляет фундаментального права человека — права на жизнь. Это означает, что у Египта не будет никаких юридических обязательств по этим вопросам в рамках международного права. Интересно, что основным источником законодательства провозглашается принцип «шуры» — главный принцип мусульманского права, который рассматривается как базовый элемент исламской демократии (предполагающий, что правитель должен консультироваться по всем вопросам, связанным с управлением государством, с наиболее выдающимися членами уммы).

Аналогичную традицию подтвердил и политический процесс в Сирии, где армия также продолжает оставаться весомым политическим фактором, а президент страны и правящая партия, несмотря на ее отказ от монополии в политической жизни, продолжают доминировать в политической системе страны. Новая конституция Сирии 2012 г. официально закрепила многопартийную систему, изменила порядок избрания президента, исключила все статьи, в той или иной степени относящиеся к понятию социалистического государства. При этом конституция по-прежнему предоставляет президенту довольно значительные полномочия в различных областях.

Конституция Туниса 2014 г., закрепив итоги национального диалога, также не потеряла своих исторических достижений и традиционных ценностей. Повлиять на законодательную базу исламским кругам так и не удалось: Тунис остался верен своим секулярным традициям, шариат не стал источником законодательства. Более того, Тунис еще раз подтвердил свою роль флагмана в отношении защиты и реализации прав женщин во

всех областях, подняв их на конституционный уровень. Государство гарантирует защиту, поддержку и дальнейшее развитие «достигнутых женщинами прав», равное представительство в избираемых органах власти (ст. 45 Конституции), а также «принимает все необходимые меры» с тем, чтобы исключить насилие в отношении женщин.

По конституции Тунис становится одним из немногих арабских государств, которое закрепляет приоритет международных договоров, одобренных и ратифицированных Палатой депутатов, над внутренним законодательством (ст. 19). Впервые появилась статья о политических партиях, в соответствии с которой гарантируется свобода образовывать политические партии, союзы и ассоциации. При этом нет никакого запрета на деятельность партии по конфессиональному принципу, отмечается лишь, что партии в своих уставах и деятельности «должны соблюдать конституцию и законы, отвергать насилие», а их финансовая деятельность должна быть прозрачной.

Ключевой вопрос, стоявший на повестке конституционной реформы в Тунисе, — система правления и соотношение исполнительной и законодательной власти, а именно — принципиальный выбор между парламентской и президентской формами правления (в арабском мире всего две парламентские республики: Ливан и Ирак). Это было самым трудным вопросом конституционных дебатов, т.к. наметились четкие разногласия между политическими силами: исламская «ан-Нахда» выступала за парламентскую систему правления и ограничение исполнительной власти в пользу законодательной; большинство светских партий поддерживали президентскую форму правления. Вопрос этот был решен в пользу смешанной республики, когда исполнительная власть делится между избираемым президентом и премьер-министром, назначаемым парламентом.

Положения новой конституции Туниса позволяют сделать вывод о том, что страна, которая в течение многих десятилетий представляла собой суперпрезидентскую республику, начала реальную трансформацию своей политической системы с существенным перераспределением полномочий в пользу законодательной власти и правительства. При этом правовой статус личности непосредственно не связан с конституционным закреплением курса государства на внедрение в повсе-

дневную жизнь исламских норм, напротив, конституция расширяет юридические рамки для реализации в полном объеме демократических прав и свобод граждан.

В Алжире в 2011 г. исламисты не смогли выступить в качестве координирующей силы антиправительственных выступлений. Связано это было с тем, что с приходом к власти А. Бутефлики в стране, с одной стороны, проводилась целенаправленная политика дискредитации исламистского движения, с другой - умеренных исламистов допустили к парламентским выборам, отобрав у них инструменты нелегальной политики, не позволяя им апеллировать к тем же лозунгам, которыми пользовались исламисты в Тунисе и Египте. Рамки многопартийной системы страны очень четко были очерчены конституцией 1996 го $да^5$, принятие которой стало важным этапом на пути реализации новой концепции политической системы страны. Наряду с определением поля деятельности политических сил общества и государственных институтов была легализована основная установка руководства страны - создание государственного механизма, способного противостоять и активно противодействовать возможным попыткам его дестабилизации. Реализации этой цели служило и создаваемое правовое пространство политической системы, в частности, избирательное законодательство страны, которое неоднократно модифицировалось и преследовало цель не допустить в парламент представителей от радикальных исламских партий.

Новая конституция Марокко была принята в июле 2011 г. и должна была, по словам короля, укрепить основы «конституционной, демократической, парламентской и социальной монархии». Быстрое и безболезненное проведение конституционной реформы в Марокко стало возможным, в том числе, и потому, что в самом основном законе страны уже был заложен механизм конституционной трансформации (в отличие, например, от Сирии, где политическая система страны не дает возможность властям ее демонтировать, а президент стоит, по сути, перед необходимостью упразднения собственной формы правления). Марокко с момента достижения политической независимости в 1956 г. пошло по пути эволюционной трансформации монархии, в ходе которой вырабатывалась юридическая основа, позволяющая соблюдать баланс властей, а само королевство приблизилось к государствам с парламентской формой правления, хотя и с особой специфической властью главы

государства. Важную роль в этом процессе сыграла историческая традиция парламентской борьбы различных политических и этнических сил.

Часть законодательных полномочий короля в результате конституционной реформы была передана главе правительства, однако монарх сохранил за собой «незыблемые» полномочия, которые не могут быть подвержены в дальнейшем каким-либо изменениям. В соответствии с новым Основным законом страна впервые закрепляет приоритет норм международного права над внутренним законодательством и существенно расширяет права и свободы подданных, а также конституционный статус политических партий, профсоюзов, организаций и групп гражданского общества за счет введения ряда статей по каждой из этих категорий. Важным изменением стало и то, что на должность премьер-министра король теперь должен назначать представителя победившей партии, одновременно усиливается парламентский контроль за деятельностью правительства.

Таким образом, несмотря на различие политического процесса в отдельных арабских странах, характерной особенностью новых основных законов, принятых после событий 2011 г., является расширение системы прав и свобод граждан как в социально-экономической, так и политической областях (конституция Туниса, например, гарантирует оппозиции представительство в парламенте). Впервые были закреплены новые виды прав, такие, например, как право на воду. На конституционный уровень была поднята борьба с коррупцией, государства провозглашают приверженность борьбе с терроризмом. Другая характерная черта новых конституций — перераспределение полномочий в пользу законодательного органа власти и повышение статуса судебной власти.

Такого рода конституционные положения были призваны подчеркнуть курс арабских стран на дальнейшую либерализацию общественно-политического процесса. Однако стабильность демократического перехода связана не только с принятием либеральной конституции, но и, как отмечает А.Н. Медушевский, «с созданием системы гарантий от возврата назад (к предшествующей авторитарной модели)», что предполагает прежде всего «создание и постоянное воспроизведение на основании конституции того социального консенсуса, которого не было до ее принятия»⁶.

Основной закон государства – документ длительного действия, поэтому он должен отражать не буквальные итоги, а неизменные политические принципы и механизмы осуществления государственной власти, являясь плодом усилий всего общества, символом общенационального согласия. А это означает, что процедура принятия основного закона должна быть неоспоримой, к началу конституционного процесса все политические проблемы должны быть решены, а общество должно прийти к определенному консенсусу. Проблема заключается в том, что такого консенсуса нет в арабском обществе, которое во многом продолжает оставаться традиционным: «оно не структурировано в социальном плане, мозаично, несет в себе черты клановости, этнических, конфессиональных, племенных связей»⁷. А это означает, что пришедшая к власти правящая элита, представляющая светские или исламские круги, вынуждена будет самыми различными методами укреплять свои позиции.

Специфика избирательного права стран арабского региона исторически заключалась в том, что оно было призвано обеспечить главенство лидера государства в системе органов государственной власти, а институты народного представительства были предназначены только для осуществления контролируемой сверху процедуры принятия законов. Правящие элиты посредством избирательных законов, законов о СМИ, о политических партиях и объединениях обеспечивали незыблемость политической монополии единственной партии, подконтрольной главе государства. Поэтому несмотря на существование в арабских странах множества политических партий, механизм управления сохранял преимущественно однопартийный характер, поскольку центральные и местные государственные органы власти и управления контролировались правящими партиями. В конкретных условиях развития арабского общества такие принципы обеспечивали государственные максимальную устойчивость режимов, консолидацию вокруг них пропрезидентских сил и бесперебойную работу механизмов принятия политических решений. Так, в Тунисе, например, многопартийная система существовала уже с 1987 г., однако доминирующее положение в стране принадлежало Демократическому конституционному объединению (ДКО), возглавляемому самим президентом.

Новые избирательные законы, принятые после 2011 г., так же, как и конституции, стали гораздо демократичнее предыду-

щих, однако механизм реализации волеизъявления народа во многом сохранил прежние традиции.

Избирательный закон Египта, принятый накануне парламентских выборов 2011 г., ввел крайне низкий избирательный барьер — 0,5%, что имело целью дробление политических коалиций, сформировавшихся к этому времени, крупнейшими из которых были Демократический альянс Египта (ДАЕ), возглавляемый политическим крылом ассоциации «Братья-мусульмане» — Партией свободы и справедливости (ПСС) и Исламский альянс, возглавляемый салафитской партией «ан-Нур». После этого многие партии стали выходить из коалиций и создавать собственные предвыборные блоки. Кроме того, внутри крупных коалиций, претендовавших на победу, обострилась борьба за формирование предвыборных списков.

В соответствии с египетским законом о президентских выборах 2014 г. все решения Избирательной комиссии до и после голосования считаются окончательными и не могут быть обжалованы. Таким образом, кандидат на президентский пост, который мог быть дисквалифицирован комиссией, не имел возможности оспорить это в судебном порядке, равно как и нарушение процедуры голосования. Итоги выборов (даже если они сфальсифицированы) также не подлежат судебной оценке (при этом ст. 97 новой конституции Египта гарантирует право «всем гражданам на судебное разбирательство» и запрещает осуществлять «любые действия или принимать административные решения вне судебного надзора»).

Критике со стороны общественности подверглось еще одно положение египетского избирательного закона, которое предусматривает, что избирательная кампания начинается за 30 дней и заканчивается за 2 дня до дня голосования. А это означает, что для агитации и пропаганды своих политических взглядов и программ (включая печатание листовок и плакатов, сбор средств, организацию встреч, выступления в СМИ и проведение другой предвыборной деятельности, предусмотренной законодательно), а также для мобилизации сторонников у кандидатов было очень мало времени. Все мероприятия, проводимые ранее указанного срока, египетские власти могли быстро пресекать в соответствии с законом о массовых мероприятиях и собраниях.

Более того, команды кандидатов теперь не могли следить за ходом всего голосования, т.к. в соответствии с законом

имели доступ только к основным избирательным участкам (ранее команды кандидатов могли получить копии результатов голосования со всех избирательных участков).

Основные изменения нового избирательного закона Алжира, принятого накануне парламентских выборов 2012 г., касались тех гарантий, которые были предоставлены избирателям на всех этапах избирательной кампании, включая обеспечение избирательных участков прозрачными урнами для голосования и наблюдение за ходом избирательных операций. Новшеством стало создание двух комиссий, которые должны были выполнять функции наблюдателей на выборах. Между тем единой независимой избирательной комиссии в Алжире нет, а Министерство внутренних дел по-прежнему несет основную ответственность за организацию и проведение избирательного процесса, при этом министр внутренних дел (в силу тех или иных чрезвычайных обстоятельств) может, например, уполномочить губернаторов продлить или сократить часы голосования в отдельных районах. Политические партии Алжира регистрируются также в Министерстве внутренних дел.

Избирательный закон Туниса 2014 г. предусматривает, что избирательный список, который получает менее 3% голосов и не попадает в парламент, должен вернуть государству полностью всю полученную от него сумму на избирательную кампанию, что, естественно, является затруднительным для мелких партий.

Сирийский парламент 16 марта 2014 г. одобрил проект постановления о всеобщих президентских выборах в стране, придав ему форму государственного закона, согласно которому сирийские беженцы и представители внешней сирийской оппозиции фактически лишились права голоса. По новому сирийскому закону избиратели должны иметь действующий (непросроченный) национальный паспорт, в нем обязательно должна стоять отметка одного из официальных сирийских пограничных пунктов о легальном пересечении границы, а также штамп сирийского дипломатического представительства в стране, где в настоящий момент находится гражданин Сирии. В условиях непрекращающихся боевых действий в Сирии подавляющее большинство бежавших из страны пересекало границу без всяких необходимых отметок в документах, минуя любые КПП. Таким образом, почти пяти миллионам сирийцев, находящимся в специальных лагерях беженцев в соседних государствах (прежде всего в Турции, Ираке, Иордании), согласно новому закону, было отказано в праве принять участие в выборах главы сирийского государства.

Выборы в Сирии проходили под контролем Высшего судебного комитета по выборам (ВСКВ), кандидатуры которого, после их одобрения сирийским парламентом, утверждались президентом страны. Активную роль в Сирии в избирательном процессе по-прежнему играют органы исполнительной власти. Так, статьи избирательного закона разрешают министру внутренних дел и министру по делам местной администрации передавать определенное число сотрудников своих министерств для работы под руководством избирательных комиссий на весь период избирательной кампании.

Избирательный закон, принятый в Ливии в январе 2012 г., интересен не только своим специфическим содержанием, но прежде всего тем, что документ подобного рода впервые был разработан в стране, где несколько десятилетий существовала особая форма правления — «джамахирийское народовластие», а статус главы государства был деинституциализирован. Ливийские граждане впервые должны были участвовать в выборах представительного и законодательного органа государственной власти, который характеризовался «Зеленой книгой» как «фальсификация демократии», поскольку демократия, согласно «Третьей мировой теории», означала «власть самого народа, а не власть тех, кто выступает от его имени» 8.

Существенной проблемой было то, что Ливия к моменту принятия Избирательного закона не приняла (и даже не разработала) закон о политических партиях, которые должны были участвовать в избирательном процессе (ливийский Закон 1972 года объявлял формирование политических партий «уголовным преступлением»).

Особенность принятого избирательного закона заключалась в том, что довольно большой группе граждан было запрещено участвовать в избирательном процессе. Более того, закон предъявлял очень жесткие требования к кандидатам в депутаты, также перечисляя большую категорию граждан (в основном тех, кто занимал какие-либо позиции в джамахирийских структурах — народных конгрессах), кто не мог больше баллотироваться в депутаты. При этом закон не устанавливал требований для кандидатов продемонстрировать минимальный

уровень поддержки населения, равно как отсутствовали критерии для формирования избирательных округов, процедуры голосования, судебного контроля и т.д. Была очевидна направленность ливийского законодателя очертить довольно жесткие рамки будущего политического пространства, в котором вряд ли возможно сосуществование различных политических течений и взглядов, этноконфессиональных и клановых интересов, выразителями которых выступают различные группы ливийского общества.

При всем многообразии политического процесса в постреволюционных арабских странах большую роль в нем сыграли выборы (как парламентские, так и президентские), которые проводились в период 2011—2015 гг. на основе новых избирательных законов, принятых, в свою очередь, на основе новых конституций.

Выборы являются барометром политической жизни. В процессе их проведения сталкиваются интересы различных политических сил, различные взгляды и платформы, выразителями которых являются партии и иные политические объединения. Кроме этого, выборы легитимизируют власть и могут в той или иной степени осуществлять селекционную функцию, которая включает в себя механизмы альтернативного отбора и замены одних политических деятелей другими, определение наиболее привлекательных политических программ. А это, в свою очередь, может привести к существенной корреляции внутриполитического или внешнеполитического курса того или иного государства. Практика арабских стран показала, что конечные результаты выборов могут серьезно обострить внутреннюю обвызвать системный кризис государственноправовых институтов. Итоги отдельных выборов в арабских странах были неожиданны (в т.ч. и для мирового сообщества). они продемонстрировали не только волю народа, но и избирательную специфику.

Несмотря на образование большого числа новых политических партий, основная борьба на выборах в арабских странах развернулась между исламскими и светскими силами, зачастую при равной их поддержке со стороны населения, что еще раз подтвердило отсутствие в обществе консенсуса относительно путей дальнейшего развития. А политический процесс 2011—2015 гг. продемонстрировал хрупкость установившегося постреволюционного баланса сил и пределы политиче-

ской консолидации общества, которая может быть нарушена по любому поводу.

Итоги первых послереволюционных выборов в Египте в конце 2011 г. показали, что большинство избирателей высказалось в пользу религиозного традиционализма, связывая именно с этой идеологией понятия социальной справедливости, национального достоинства, а также надежды на лучшую жизнь. По итогам выборов убедительную победу одержала Партия свободы и справедливости (ПСС), получив в парламенте 230 из 498 мест; ее лидер стал спикером парламента. Салафитская партия «ан-Нур» (Свет) заняла второе место, обеспечив себе в общей сложности 120 мандатов. В целом исламские партии завоевали 3/4 парламентских мест, и именно они должны были определять дальнейший путь развития страны и создавать ее законы, включая новую конституцию.

Триумф исламистов на выборах, позволивший им поставить под свой контроль законодательную власть (хотя и явился индикатором послереволюционных настроений простых египтян), мало что изменил в общей расстановке политических сил. Реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках армии, которая начала принимать меры к тому, чтобы адаптироваться к новой ситуации. Тем более, что временные рамки переходного периода и последовательность демократических процедур не были четко определены.

К середине 2012 г. стало очевидно, что конституционный процесс зашел в тупик и дискуссии вокруг состава Конституционной ассамблеи полностью раскололи египетское общество. В этих условиях временный орган государственной власти — Высший совет вооруженных сил — обратился к судебным рычагам, переведя политическую борьбу в юридическое поле: Административный суд Каира принял решение о роспуске комитета, который должен был разработать конституцию, на том основании, что его состав не отражает социально-политического разнообразия египетского общества.

В результате по итогам президентских выборов, состоявшихся в мае 2012 г., страна получила президента, но без конституционных полномочий. Уже тогда стало понятно, что контролируя законодательную и исполнительную власть, исламисты и конституцию напишут под себя. Было ясно, что страна вступает в полосу юридической неразберихи и фактического двоевластия, где право на законодательную инициативу будут оспаривать между собой (при отсутствии конституции) две власти: Высший совет вооруженных сил (внеконституционный орган), еще не сложивший с себя полномочий, и новый президент (полномочия которого и пытались определить военные). Напряженные отношения между военными и исламистами усиливались: второй тур президентских выборов состоялся только после того, как Высший конституционный суд постановил, что парламент, в котором ведущей силой были исламисты, должен быть немедленно распущен, при этом до выборов нового парламента военные оставляли за собой законодательную власть. Действия военных вызвали новый всплеск массовых протестов с обвинениями армии в «мягком перевороте» против «революции», в попытках затянуть переходный период.

Все дальнейшие действия главы государства М.Мурси по укреплению своей власти стали вызывать стойкую неприязнь у большинства населения. Со временем это вызвало раскол и в самом движении «Братьев-мусульман». Принятие в декабре 2012 г. новой конституции дало толчок новой волне массовых протестов в Египте, которые назвали «второй революцией», ставшей итогом длительного идеологического раскола египетского общества.

Новый президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси был избран в мае 2014 г. на основе нового избирательного закона, который ставил кандидатов на президентский пост в довольно жесткие рамки. Создаваемая юридическая база серьезно ограничила возможности выдвижения кандидатов и процедуру оспаривания результатов голосования и фактически давала шанс победить на выборах только одному кандидату.

Парламентские выборы 2015 года подтвердили тенденцию на укрепление в Египте вертикали власти. Первый и второй туры выборов в Палату представителей проходили при довольно низкой явке избирателей — порядка 26%, что говорит о потере египтянами интереса к избирательному процессу (и политике в целом), а также об отсутствии в избирательной гонке оппозиции. Никаких неожиданностей эти выборы не принесли: с большим отрывом от других политических партий победу одержал пропрезидентский блок «С любовью к Египту».

На выборах в Учредительное собрание Туниса (в октябре 2011 г.) победу одержала исламская партия «ан-Нахда», занявшая 89 мест из 217. При этом ее программа предусматривала построение демократического общества с парламентской

формой правления, многопартийностью, открытой рыночной экономикой и полным соблюдением гражданских прав, но при сохранении традиционных исламских ценностей. Светским партиям не удалось создать единый предвыборный блок, и они перешли в оппозицию, а уже в декабре 2011 г. начались демонстрации и выступления против угрозы фундаментализма. Выбрав исламскую партию как альтернативу коррумпированному светскому режиму, тунисцы ждали от нее экономического чуда, но оно так и не произошло.

В течение 2012 г. активизировали свою деятельность радикальные группировки: исламисты атаковали посольство США; в деревне Седжнан салафиты провозгласили «исламский эмират». Им оппонировали светские круги: в конце 2012 г. часть депутатов тунисского парламента подписала коллективную петицию с требованием распустить движение «ан-Нахда».

В январе 2013 г. произошло политическое убийство: был убит Генеральный секретарь Демократической патриотической партии, который находился в оппозиции к исламистскому правительству и активно выступал за светское развитие Туниса. Его убийство стало сигналом к массовым акциям протеста, направленным уже против тех, кого привела к власти революция. Масштабные выступления закончились роспуском правительства, сформированного исламистами.

Парламентские выборы прошли в Тунисе 26 октября 2014 г. Основными соперниками на них, несмотря на множество политических партий, выступили старые конкуренты в лице исламской партии «ан-Нахда» и светской партии Призыв Туниса, одержавшей на этот раз победу. Светская партия получила 86 мест в парламенте, «ан-Нахда» — 69, третье место занял Либеральный патриотический блок, получив 16 мест. Бывшие союзники «ан-Нахды» по коалиции растворились в числе более мелких партий, поделивших оставшиеся места.

Президентом Туниса стал победивший на выборах лидер партии Призыв Туниса Беджи Каид ас-Себси.

В Ливии первые выборы прошли в июле 2012 г., победу на них, в отличие от Туниса, сразу одержала широкая коалиция либералов и центристов (Альянс национальных сил), при этом исламисты продолжали свое объединение и усиливали влияние в обществе. Они призвали парламент страны принять закон, запрещающий бывшим крупным чиновникам Каддафи занимать государственные посты, а в 2013 г. добились

от парламента введения шариата в качестве основы законодательства. В дальнейшем Конгресс разделился на два лагеря: секуляристов и сторонников исламского пути развития. Поиск консенсуса между ними осложнялся многими факторами: с одной стороны, остатки клана Каддафи не переставали предпринимать попытки посеять еще большую разобщенность между ливийскими племенами, с другой, — приняв помощь сил НАТО, новый ливийский режим де-факто обрек себя на высокую степень зависимости от стран Запада в вопросах как внешней, так и внутренней политики (в первую очередь в нефтяном вопросе).

Данные противоречия отражались и на процессе формирования Конституционной ассамблеи, выборы в которую состоялись в феврале 2014 г. Из 60 членов Конституционной ассамблеи были избраны только 47, при этом правительство не смогло обеспечить надлежащий уровень безопасности на избирательных участках и объявило о своей отставке.

25 июня 2014 г. в Ливии состоялись выборы в Совет представителей, который должен был заменить Всеобщий национальный конгресс, избрать новое правительство и одобрить конституцию. Большинство мест в новом органе власти также заняли представители светских партий, исламисты получили только 30 мест. Не желая сдавать завоеванных позиций, исламисты захватили ливийскую столицу — Триполи и создали альтернативное правительство, в результате чего избранные парламентарии были вынуждены бежать из столицы в город Тобрук (на расстоянии 1,6 тыс. км в востоку от Триполи). Таким образом, в стране возникло двоевластие: с одной стороны — избранный парламент и премьер-министр Абдалла Абдуррахман ат-Тани, с другой — утративший легитимность Всеобщий национальный конгресс и избранный им премьер-министр Амр аль-Хаси.

На парламентских выборах в Сирии, состоявшихся после принятия новой конституции в 2012 г. и впервые проходивших на многопартийной основе, победу, как и прежде, одержала правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), заняв 134 места из 250 в Палате представителей. Президентские выборы, состоявшиеся в июне 2014 г., также принесли победу действующему главе государства — Башару Асаду, набравшему более 88% голосов избирателей. Выборы эти, однако, не содействовали мирному разрешению конфлик-

та на фоне ухудшающегося социально-экономического и политического положения страны.

Парламентские выборы в Алжире, проходившие в мае 2012 г., также не принесли никаких неожиданностей: они подтвердили политическую тенденцию, начавшуюся после принятия новой конституции 1996 г.: альянс проправительственных партий обеспечивал себе большинство мест в законодательном органе власти. В выборах 2012 г. смогли принять участие 17 новых политических партий, образованных и зарегистрированных в течение 2011 г. По итогам голосования победу завоевал Фронт национального освобождения (ФНО), завоевавший 221 место в 462-местной нижней палате парламента; второе место заняло Национально-демократическое объединение (НДО), получившее 70 мест; исламистский альянс Зеленый Алжир получил только 47 мест. Лидеры этого альянса позиционируют себя как «системную оппозицию», но при этом президентскую программу в целом поддерживают. Результаты голосования еще раз подтвердили, что Алжир перешагнул через «исламистскую угрозу» и выбрал свой путь развития, отдав предпочтение правящей коалиции.

В апреле 2014 г. на новый четырехлетний срок был переизбран действующий глава государства Абдельазиз Бутефлика, набравший более 81% голосов избирателей.

Парламентские выборы, состоявшиеся в соседнем с Алжиром Марокко в ноябре 2011 г., напротив, принесли победу исламской Партии справедливости и развития (ПСР), занявшей 107 мест в Палате представителей. Председатель ПСР Абд аль-Илах бен Киран был назначен королем Мухаммедом VI премьер-министром Марокко. Партия получила в сформированном после выборов правительстве более трети портфелей, включая ключевые посты министров иностранных дел, внутренних дел и юстиции. При этом важно отметить, что программа ПСР в целом не носит исламистского характера. Целью партии было объявлено увеличение роста валового внутреннего продукта, проведение приватизации и снижение государственного вмешательства в экономику, понижение максимального уровня налогообложения с 30 до 25% 11 и др. социально-экономические меры.

В парламенте этой партии придется блокироваться с другими группировками, прежде всего с традиционной партией Истикляль, которая совместно со светскими партиями в состоянии

не допустить принятия каких-либо законов, способствующих исламизации общественно-политической жизни страны.

Таким образом, одним из итогов арабских революций стало формирование новой правовой базы, призванной, как предполагалось, закрепить итоги «арабского пробуждения» и обозначить новые направления в развитии арабского общества в экономической, социальной и политической сферах. Однако конституционная реформа оказалась затруднена из-за отсутствия в арабских традиционных политических системах социального консенсуса, а последовавшие за ней выборы носили далеко не однозначный характер и выявили четкое противостояние между светскими и исламскими силами. Внутриполитическая стабильность не гарантирована принятием нового законодательства: соотнесение новых конституционных норм и существующей социальной реальности может растянуться на довольно длительный срок в условиях разобщенности традиционного арабского общества.

Можно констатировать, что кроме шиито-суннитского противостояния и серьезных политических противоречий в суннитском лагере, идеологическое развитие современного арабского мира в отношении государственно-правового и политического развития определяет также внутренняя борьба двух проектов фундаменталистского (исламистского) и демократического (либерального). Проблема заключается в том, что в идеологическом пространстве ислама одновременно сосуществуют религиозно-традиционные нормы с представлениями реформаторскими и модернистскими, отражающими современные запросы самых различных социальных сил. Эта борьба двух тенденций ярко отразилась в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран и процессе становления новых государственных институтов. Там, где еще в 1990-е гг. в рамках государственно-правовой системы был найден политический консенсус между этими идеологическими оппонентами (Алжир и Марокко), удалось избежать политических потрясений 2011 года. В тех странах, где такого консенсуса нет, процесс стабилизации политической ситуации затягивается, и все усилия мирового сообщества не приводят к ощутимым позитивным результатам. Ярким примером может служить Ирак, где с момента принятия конституции и формирования «демократических» органов власти прошло ровно десять лет, однако иракская конституционная модель так и не доказала

свою жизнеспособность и не дала ответ на ключевой вопрос об устойчивости режимов такого рода.

_

³ Корольков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1 // http://www.intertrends.ru/fortieth/Korol%27kov.pdf

- ⁴ В соответствии со статьей 234 Министр обороны может быть назначен только с одобрения Высшего совета вооруженных сил в течение двух президентских сроков (т.е. 8 лет) с момента вступления конституции в силу. Это означает, что данная структура уже принимает реальное участие не только в политической жизни, но и в государственном строительстве.
- ⁵ Конституция Алжира 1996 года запрещала создавать политические партии на религиозной, языковой, расовой, гендерной, корпоративной или региональной основе. Кроме того, политические партии не могли прибегать к пропаганде, затрагивая «основные свободы и ценности алжирского народа, национальное единство, безопасность и территориальную целостность, независимость страны и суверенитет народа, а также демократический и республиканский характер государства». Ни одна партия не может прибегать к насилию или принудительным акциям для достижения политических целей. Кроме того, конституция сформировала образ «демократического» Алжира, строящего правовое государство.

⁶ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С.9.

 $http://www.perspectivy.info/history/mezhdu_demokratijej_i_islamizmom_politicheskoje_razvitije_arabskogo_mira_2009-03-30.htm$

⁸ Каддафи М. Зеленая книга. – М.: Международные отношения, 1989. – С.21.

¹ См., например, фундаментальную работу, изданную Институтом востоковедения РАН в 2012 г. с участием ведущих российских ученых и экспертов, включая Е.М.Примакова: Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред-ры В.В.Наумкин, В.В.Попов, В.А.Кузнецов / ИВ РАН, Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.

² В марте 2015 г. террористы захватили заложников в музее Бардо, в июне – расстреляли иностранных туристов в курортном городе Сус.

⁷ Долгов Б.В. Между демократией и исламизмом: политическое развитие арабского мира / Перспективы //

⁹ Анализ данного закона см.: Сапронова М.А. Избирательный закон Ливии: от прямой демократии «Революции 1 сентября» к представительной демократии «Революции 17 февраля» // http://www.iimes.ru/?p=14233#more-14233

¹⁰ После свержения М. Каддафи власть перешла к Переходному национальному совету (ПНС), который должен был сложить свои полномочия в июне 2012 г. после выборов в Учредительное собрание Ливии, получившее название Всеобщий национальный конгресс (ВНК).

¹¹ Подцероб А.Б. Марокко под властью исламистов // http://www.iimes.ru/02.02.2012.

ТУРЦИЯ И ИРАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

События на Ближнем Востоке, которые давно превратились в постоянный фактор, определяющий повестку дня мирового сообщества, регулярно создают новые вызовы для турецко-иранских отношений, исторически представляющих собой сложный комплекс совпадающих и конкурирующих интересов. В этом смысле вторая половина 2015 — начало 2016 гг. отличались особой динамикой изменений, которые затрагивают международное положение Турции и Ирана и неизбежно находят свое отражение в сфере двусторонних отношений междуними.

В этом смысле первым по времени и эпохальным по своему значению событием стало достижение соглашения по иранской ядерной программе между «шестеркой» международных посредников и Ираном. Результатом соглашения, подписанного в июле 2015 г., должна стать постепенная отмена международных санкций, ограничивавших возможности развития отношений с Исламской Республикой Иран. «Реинтеграция» Ирана с мировым рынком способна в значительной степени изменить региональный и глобальный геополитический и геоэкономический баланс.

Турция, не входившая в состав «шестерки», тем не менее всегда выступала за продолжение переговорного процесса и даже предоставила свою территорию для проведения одной из встреч «шестерки» с Ираном, которая состоялась в 2011 г. в Стамбуле. Анкара не поддерживала ужесточение режима санкций в отношении Ирана и в период временного членства Турции в Совете Безопасности ООН в 2010 г. даже проголосовала против соответствующей резолюции. Можно вспомнить и о попытках турецкого руководства более активно участвовать

^{*} Российский институт стратегических исследований (Москва)

в решении проблемы, в частности, о совместной декларации, подписанной Ираном, Турцией и Бразилией в 2010 г. Без сомнения, позиция Турции в иранском вопросе определялась не только задачами развития турецко-иранских отношений, но также служила для Анкары эффективным способом привлечь к себе внимание мирового сообщества и повысить свой международный вес.

Официальная Анкара выразила поддержку соглашению, достигнутому между «шестеркой» и Ираном в июле 2015 г., отметив его «жизненно важное значение с точки зрения мира, безопасности и стабильности в регионе». Объявление о начале реализации ядерного соглашения, сделанное в Вене 16 января 2016 г., также вызвало позитивный отклик в Турции. В Анкаре назвали это событие символом достижений дипломатии и заявили, что ожидают полного выполнения Совместного комплексного плана действий в условиях прозрачности и под контролем МАГАТЭ. Премьер-министр Турции А. Давутоглу заявил об уверенности в том, что «отмена санкций придаст серьезный импульс развитию турецко-иранских отношений».

Вместе с тем очевидно, что урегулирование иранской ядерной проблемы ставит перед Турцией задачу анализа потенциальных изменений расстановки сил в регионе, которые неизбежно повлечет за собой подписанное соглашение. В этой связи экспертное сообщество Турции отреагировало на договоренности между «шестеркой» и Ираном, а также на ряд новых тенденций и факторов во внешней политике Ирана серией публикаций, комментариев и прогнозов. Анализ турецких оценок представляет интерес для понимания перспективных направлений развития внешней политики Анкары, отношений между Ираном и Турцией, а также общей ситуации на Ближнем Востоке.

По оценкам турецкой стороны, значение соглашения не ограничивается решением иранской ядерной проблемы, но оно способно оказать влияние на будущее системы международных отношений в целом. «Восстановление отношений с Ираном — важное достижение мировой дипломатии, и оно скоро окажет свой эффект как на региональную, так и на международную политику», — отметил турецкий политолог М. Айдын. 7

Признавая, что подписание соглашения отвечает интересам обеих сторон (международного сообщества и Ирана), ту-

рецкие аналитики выразили мнение о том, что в долгосрочной перспективе выигравшей стороной все же окажется Тегеран. Выход из изоляции, отмена санкций и начало сотрудничества с Западом позволят Ирану усилить свое влияние в региональных вопросах и получить новую роль на международной арене. «Благодаря ядерной сделке мы можем стать свидетелями появления в регионе «нового Ирана», — написал известный турецкий журналист С. Кохен. — Это повлияет на баланс сил в регионе, который является сферой пристального внимания Турции». 9

Турецкий исследовательский центр БИЛЬГЕСАМ отметил. что американская администрация Б. Обамы рассматривает соглашение в качестве успеха своей внешней политики. Уже давно стало очевидно, что без взаимодействия с Ираном урегулировать ситуацию в Сирии. Ираке. Ливане и Йемене не удастся. В этой связи Вашингтон рассчитывает на то, что сближение с Западом сделает политику Тегерана на Ближнем Востоке более «гибкой» и более соответствующей интересам западных стран. Однако турецкие эксперты считают подобные ожидания нереалистичными. Они предполагают, что Иран использует открывшиеся перед ним возможности для расширения своей сферы влияния в регионе и усиления поддержки шиитов в Сирии, Ираке, Ливане и Йемене. 10 По мнению турецкого политолога Т. Огузлу, следует ожидать, что вскоре Вашингтон активизирует усилия по урегулированию ситуации в упомянутых странах, чтобы добиться отвечающих его интересам решений прежде, чем Иран успеет изменить региональный баланс сил в свою пользу. 11

По мнению турецких аналитиков, ядерная сделка с Тегераном будет иметь долгосрочные последствия для мировой экономики, поскольку Иран оставался единственным масштабным рынком, который не был доступен для крупных зарубежных инвесторов. После отмены ограничений на торговлю нефтью и газом, экономика Ирана сможет показать рост на уровне 8% в год. Высказываются предположения, что основным локомотивом роста иранской экономики станет не нефтяная, а газовая сфера, которая даст мощный импульс развитию сталелитейной и алюминиевой промышленности. К 2020 г. Иран может стать пятым по величине газовым рынком после США, ЕС, России и Китая. 12 В то же время некоторые турецкие эксперты полагают, что не стоит ждать быстрого возрождения

экономической мощи Ирана с учетом низких мировых цен на нефть и необходимости структурных реформ во многих отраслях иранской промышленности. При этом возможности Тегерана по наращиванию торгово-экономического сотрудничества со странами региона в значительной степени ограничены напряженностью, царящей на Ближнем Востоке в последние годы. ¹³

Темой, вызывающей особое внимание турецких аналитиков, являются перспективы развития отношений между Анкарой и Тегераном в новых геополитических условиях.

Весной 2015 г. эксперты вашингтонского Фонда защиты демократии М. Тахироглу и Б. Бен Талебу опубликовали исследование, посвященное отношениям между Турцией и Ираном. 14 Авторы отмечают, что современные турецко-иранские отношения, в которых тесно переплетаются элементы сотрудничества и соперничества, в строгом смысле не попадают ни в категорию дружбы, ни в категорию вражды. По мнению исследователей. Турция и Иран балансируют между этими двумя точками, «часто позволяя связующим их конструкциям гнуться, но никогда не допуская, чтобы они сломались». По этой причине для характеристики отношений между двумя странами авторы предлагают термин "frenemies" (производное от двух английских слов: friends - друзья и enemies - враги). Исследователи подчеркивают, что на протяжении новейшей истории своих отношений Турция и Иран проявляют стремление и способность ограничивать свое соперничество с целью избегать открытых конфликтов и тщательно создают сферы сотрудничества. 15

Очевидно, что развитие турецко-иранских отношений в новых геополитических реалиях будет происходить в рамках традиционной парадигмы поиска оптимального баланса между конкуренцией и сотрудничеством. Подтверждением этому служит тот факт, что, несмотря на глубокие разногласия по ряду острых региональных проблем (Сирия, Ирак, Йемен), Анкара и Тегеран сумели в последние годы усилить двустороннее сотрудничество в политической и экономической сфере.

Важным достижением на этом пути стало создание турецко-иранского Совета сотрудничества высокого уровня (ССВУ), работа которого предполагает совместные заседания кабинетов министров двух стран под председательством глав государств. Первое заседание турецко-иранского ССВУ состоялось в июне 2014 г. в Анкаре, второе — в апреле 2015 г. в Тегеране. В ходе апрельской встречи стороны подписали восемь соглашений о сотрудничестве в различных сферах и обсудили широкий круг вопросов двусторонних отношений и международной повестки дня. Президент Турции Р.Т. Эрдоган, выступая на пресс-конференции по итогам ССВУ, заявил о намерении Анкары углублять связи с Ираном, в том числе в сфере культурного и религиозного туризма. Еще одним вопросом, которому турецкий президент уделил особое внимание, был переход к частичному осуществлению взаимных расчетов в национальных валютах, необходимый для снижения зависимости от доллара и евро. 16

Реакция экспертного сообщества Турции на перспективы изменения геополитического положения Ирана после отмены санкций также свидетельствует о верности приведенных выше оценок характера турецко-иранских отношений. Несмотря на то, что восприятие в Турции отмены санкций в целом было позитивным, многие комментарии и анализы свидетельствовали о том, что поиск баланса между «дружбой и враждой» с Ираном остается актуальной задачей. Некоторые статьи выходили под заголовками в форме вопросов: «Иран — партнер или соперник?», «Снятие санкций с Ирана — это возможность или угроза для Турции?» и др.

Исходя из оценок турецких экспертов, можно выделить три направления влияния ядерной сделки на турецко-иранские отношения: безопасность, экономика и политика.

С точки зрения безопасности соглашение с Ираном снимает угрозу «ядерной гонки» на Ближнем Востоке, к которой Турции пришлось бы в итоге подключаться, чтобы сохранить статус важной региональной силы. В то же время некоторые турецкие исследователи склонны негативно оценивать влияние «ядерной сделки» с Ираном на сферу безопасности. В частности, эксперт центра БИЛЬГЕСАМ Б. Унал пишет, что «в результате соглашения Тегерану удалось добиться международного признания своей ядерной программы, которая носит сомнительный характер. Если в будущем Тегеран все же получит ядерные боеголовки, баланс сил между Турцией и Ираном очевидным образом изменится в пользу Ирана». Турецкий эксперт отмечает, что способность ядерного щита НАТО и радара в Малатье защитить Турцию от этой угрозы носит неопределенный характер. По мнению Унала, западные союзники Анкары не проявили достаточно внимания к ее озабоченностям

в сфере безопасности в ходе сирийского кризиса, и это вызывает вопросы о том, насколько Турция может полагаться на НАТО в сфере безопасности.

Турция относится к тем странам, которые получат значительные экономические выгоды в результате снятия с Ирана санкций, сдерживавших развитие экономического сотрудничества между двумя странами. Заинтересованная в этом сотрудничестве Анкара искала различные «лазейки», позволявшие ей действовать в обход антииранских санкций, в частности расплачивалась золотом за импортируемый из Ирана природный газ. По сообщению журнала «Форин Полиси», за период с марта 2012 г. по июль 2013 г. объем этих «золотых платежей» составил 13 млрд долларов. 18

Отмена санкций снимет препятствия для импорта энергоресурсов из Ирана и для реализации одного из проектов транзита иранского газа в Европу через турецкую территорию. Возможно подключение иранского газа к проекту создания Трансанатолийского газопровода (ТАНАП), который на данном этапе предполагает транспортировку азербайджанского газа в Грецию и Италию. Вместе с тем реализация любого трубопроводного проекта с участием Турции и Ирана будет непростой задачей, поскольку потребует времени на согласование всех вопросов и привлечения значительных инвестиций.

Прогнозируемое снижение мировых цен на энергоресурсы после выхода Ирана на мировой рынок позитивно отразится на экономике Турции, зависимой от импорта углеводородного сырья, приведет к сокращению дефицита платежного баланса и снижению инфляции.

Отмена санкций позволит Турции и Ирану увеличить объем своего торгового оборота (цель довести его до 30 млрд долларов была заявлена уже давно). Рекордным для торгово-экономических отношений между двумя странами стал 2012 г., когда их торговый оборот приблизился к 22 млрд долларов. ¹⁹ Однако в 2013 г. этот показатель опустился ниже 15 млрд долларов по причине негативного воздействия санкций и общих тенденций мировой экономики. В 2014 г. падение продолжилось, турецко-иранский торговый оборот сократился до 13,7 млрд долларов. ²¹ По итогам 2015 г. объем торговли между Турцией и Ираном, по официальным данным турецкой стороны, снова составил 13,7 млрд долларов. ²² Несмотря на спад в объеме торговли, в 2015 г. Иран входил в десятку крупнейших торго-

вых партнеров Турции (8-е место по импорту и 10-е место по экспорту). По прогнозу председателя управляющего комитета турецко-иранского Делового совета Б. Айгюля, отмена санкций позволит двум странам с легкостью достичь запланированного объема торговли в 30 млрд долларов в течение двух-трех лет, если государство окажет поддержку компаниям, выходящим на иранский рынок.²³

Турция ожидает расширения связей между предпринимателями двух стран, активизации инвестиционного сотрудничества, рассчитывает на рост присутствия своих подрядных и инженерных компаний на иранском рынке. Предполагается, что новые возможности сотрудничества возникнут в ряде отраслей, в первую очередь таких, как пищевая промышленность, фармацевтика, производство запчастей и комплектующих для автомобилей, сектор услуг.

В то же время турецкие аналитики понимают, что у многих крупных международных игроков есть желание выйти на иранский рынок после отмены санкций, поэтому в прогнозах отмечается, что Турция должна быть готова к конкурентной борьбе.

В политической сфере турецкие эксперты вполне обоснованно прогнозируют рост конкуренции за региональное влияние между Турцией и Ираном. Каждая из двух стран претендует на региональное лидерство, стремится играть значимую роль в решении конфликтов на Ближнем Востоке и предлагает собственную модель развития в качестве образца для других исламских стран. Выход Тегерана из изоляции приведет к изменению условий, в которых эта конкуренция велась долгие годы. В качестве угрозы позициям Турции на Ближнем Востоке рассматривается возможность совместных действий Ирана с США, Россией и Китаем. Прогнозируемая турками активизация поддержки шиитских сил со стороны вышедшего из изоляции и усилившего свои экономические позиции Ирана значительно сузит спектр возможностей Анкары в Сирии, Ираке и Йемене.

В долгосрочной перспективе сближение Ирана с Западом может привести к тому, что Тегеран предпримет попытку стать конкурентом Анкары в ее геостратегической роли, которую она играет для западного мира на Ближнем Востоке. В этом смысле позиции Турции укрепляют такие ее преимущества, как членство в НАТО и тесные связи с Европой. Вместе с тем упоминавшийся выше Б. Унал рекомендует ту-

рецкому правительству рассмотреть варианты нормализации отношений с руководством Египта, Израиля и Ирака, ²⁷ чтобы нивелировать угрозу нарушения баланса между Турцией и Ираном на Ближнем Востоке.

Эксперт турецкого исследовательского центра ЭДАМ А. Касым Хан отмечает, что конкуренция между Турцией и Ираном неизбежна, но она будет носить характер «управляемой напряженности». Эксперт также выразил мнение, что решение вопроса о том, «обострять или не обострять» напряженность в отношениях с Ираном, будет зависеть от турецкого руководства. Вовлеченность Анкары в сирийский конфликт, антииранская позиция в иракских событиях, открытая поддержка Саудовской Аравии в саудовско-иранском конфликте не способствуют развитию отношений с Ираном.²⁸

Турецкие аналитики отмечают, что с самого начала переговоров по иранской ядерной проблеме основные региональные противники Ирана - Саудовская Аравия и Израиль прилагали усилия для того, чтобы воспрепятствовать возращению Тегерана на мировую арену и росту его регионального влияния. Борьба за региональное влияние в конечном итоге вылилась в начало опосредованных войн (прокси-войн) между шиитским блоком во главе с Ираном и суннитским блоком во главе с Саудовской Аравией в Ираке, Сирии и Йемене. По мнению турецкого политолога М. Айдына. Исламская военная коалиция с участием 34 стран во главе с Саудовской Аравией (о формировании которой было объявлено в декабре 2015 г. под предлогом борьбы с терроризмом) является ничем иным как суннитским фронтом против Ирана. Создание коалиции свидетельствует о том, что многие суннитские страны воспринимают Тегеран в качестве угрозы.²⁹

Официальная Анкара заняла просаудовскую позицию в ирано-саудовском конфликте начала 2016 г., произошедшем после казни в Саудовской Аравии известного шиитского проповедника Нимр ан-Нимра. Президент Р.Т. Эрдоган заявил, что смертная казнь является вопросом национального законодательства Саудовской Аравии. Эрдоган подчеркнул, что в Саудовской Аравии было одновременно казнено 47 человек, из которых только один был шиитом, а остальные суннитами, и выразил непонимание реакции мирового сообщества, которое в свое время не обратило внимания на казнь более тысячи человек в Египте. 30

МИД Турции в заявлении, названном «О событиях между Саудовской Аравией и Ираном», не отреагировал на казнь ан-Нимра, но только осудил нападения на саудовские дипломатические миссии в Иране. Вслед за этим в турецкий МИД был вызван посол Ирана, где ему заявили протест в связи с комментариями в иранской прессе, в которых утверждалось наличие связи между визитом в Саудовскую Аравию президента Р.Т. Эрдогана и казнью шиитского проповедника. 22

Очевидно, что, по крайней мере, в ближайшей перспективе вовлеченность в суннитско-шиитские противоречия останется негативным фактором отношений между Анкарой и Тегераном.

В то же время экспертное сообщество Турции выражало не столь однозначные мнения относительно ирано-саудовского конфликта. Например, известный турецкий журналист С. Кохен в одной из своих публикаций в газете «Миллиет» указывал на то, что внутриконфессиональное противостояние на Ближнем Востоке вызвано борьбой за региональное влияние между Тегераном и Эр-Риядом. С. Кохен задавался вопросом о том, какой логикой руководствовался Эр-Рияд, казнив шиитского проповедника в тот момент, когда между Ираном и Саудовской Аравией наметилась тенденция к нормализации отношений (признаком этого он считает совместное участие представителей Тегерана и Эр-Рияда в переговорах по Сирии в декабре 2015 г.). 33

Эксперт турецкого исследовательского центра УСАК О.Б. Динчер отмечал, что Иран и Саудовская Аравия всегда «находились на противоположных полюсах» как с религиозной, так и с политической точек зрения. По мнению турецкого аналитика, ни одна из двух стран не имеет конструктивного подхода к ситуации на Ближнем Востоке. Что касается конфликтов в Сирии и Йемене, то они являются следствием «подрывной и эгоистичной политики» Ирана и Саудовской Аравии. В то же время Иран использует развитие отношений с западными странами для укрепления своего регионального влияния, и это удается ему намного успешнее, чем другим странам. В этом смысле «проактивная» политика Ирана подталкивает его региональных соперников к ошибкам, вызывающим критику на Западе. 34

Еще одним направлением, привлекающим внимание турецких аналитиков, являются перспективы развития отношений между Тегераном и Москвой в новых условиях. Эксперт турецкого исследовательского центра ОРСАМ Б. Синкая отметил,

что сближение Ирана и России является одним из самых примечательных факторов нового геополитического пейзажа, возникшего на Ближнем Востоке после «арабской весны». В последние годы отношения между двумя странами достигли уровня «стратегического партнерства», которое позволило России войти в число важнейших игроков в регионе. Сближение показало, что региональные интересы Ирана и России являются взаимодополняющими. Тегеран стремится избегать таких действий на Кавказе и в Центральной Азии, которые могли бы вызвать озабоченность России, а также действует совместно с Москвой в вопросах ограничения американского или турецкого влияния на Ближнем Востоке. Самым ярким подтверждением этого служит политика двух стран в Сирии. Что касается экономического измерения отношений двух стран, то, по мнению турецкого эксперта, участие российского президента В.В. Путина в Форуме стран-экспортеров газа, прошедшем в Тегеране в ноябре 2015 г., показало, что хотя Россия и Иран являются конкурентами на мировом газовом рынке, эта конкуренция не наносит ущерба стратегическому характеру их отношений. 35

В целом турецкие эксперты полагают, что после заключения ядерной сделки Иран продолжит сближение с Россией, которое будет строиться на основе стратегических интересов в сфере энергетики и добычи нефти, а также с учетом общих задач по обеспечению безопасности в Каспийском регионе и схожих подходов к сирийскому кризису.

Подводя итоги всему изложенному выше, можно выделить некоторые особенности современных турецко-иранских отношений и подхода Анкары к перспективам их развития. Турция заинтересована в расширении сотрудничества с Ираном в различных сферах двусторонних отношений и рассчитывает, что отмена антииранских санкций позволит ей укрепить свои экономические связи с Тегераном, в том числе в вопросе транзита энергоносителей на европейские рынки. Вместе с тем Анкара серьезно опасается резкого роста регионального влияния Ирана после выхода последнего из изоляции. По этой причине турецкое руководство пытается принимать «превентивные меры», в частности укрепляет связи с традиционным региональным противником Ирана — Саудовской Аравией, надеясь создать «противовес» политическим амбициям Тегерана на Ближнем Востоке. Подтверждением данного предположения служат по-

следние события в турецко-саудовских отношениях, в том числе достигнутые в январе 2016 г. договоренности двух стран о создании Совета сотрудничества высокого уровня и масштабных саудовских инвестициях в турецкую экономику (до 20 млрд. долларов).

В то же время не вызывает сомнений, что сохранит свою актуальность традиционная парадигма развития турецкоиранских отношений — сдерживание накала конкуренции в интересах сохранения взаимодействия по вопросам, представляющим общий интерес. Это не означает, что в отношениях между Анкарой и Тегераном не будет возникать трений и даже кризисов, — конфликтный потенциал существует и он достаточно высок. Однако с большой вероятностью можно утверждать, что руководство двух стран будет и дальше прилагать усилия для сохранения «позитивных сфер» развития двусторонних отношений и применять гибкий подход для поддержания диалога даже в условиях обострения региональных противоречий.

_

¹ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 125, 9 Haziran 2010, BM Güvenlik Konseyinde İran'a İlave Yaptırımlar Konusunda Yapılan Oylama Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

² Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 101, 17 Mayıs 2010, İran'ın Nükleer Programına İlişkin Mutabakat Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

³ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 205, 14 Temmuz 2015, P5+1 ile İran Arasında İran'ın Nükleer Programına İlişkin Kapsamlı Ortak Eylem Planı Üzerinde Sağlanan Anlaşma Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

⁴ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 19, 17 Ocak 2016, P5+1 Ve AB İle İran Arasında İran'ın Nükleer Programına İlişkin Kapsamlı Ortak Eylem Planı'nın Uygulanması Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

⁵ Selin Girit. İran'a yaptırımların kalkması: Türkiye için fırsat mı tehdit mi? / BBC Türkçe. 19.01.2016 //

http://www.bbc.com/turkce/ekonomi/2016/01/160118_iran_turkiye

⁶ Sami Kohen. İran'la nükleer anlaşmanın anlamı / Milliyet Gazetesi. 15.07.2015 // http://www.milliyet.com.tr/iran-la-nukleer-anlasmanin-anla mi/dunya/ydetay/2087917/default.htm

⁷ MUSTAFA AYDIN. The Iran question / Hurriyet Daily News. 28.01.2016 //

http://www.hurriyetdailynews.com/the-iran-

question.aspx?pageID=238&nID=94428&NewsCatID=468

8 Sami Kohen. İran'la nükleer anlaşmanın anlamı / Milliyet Gazetesi. 15.07.2015 //

http://www.milliyet.com.tr/iran-la-nukleer-anlasmanin-anlami/dunya/ydetay/2087917/default.htm

9 Ibid

¹⁰ Cm.: Bekir ÜNAL. İran Nükleer Anlaşması ve Türkiye'ye Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1232. 15 Temmuz 2015. – s. 7; Tarık OĞUZLU. İran Nükleer Anlaşması'nın Yeni Orta Doğu'ya Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1243. 24 Ağustos 2015. – s. 2.

¹¹ Tarık OĞUZLU. İran Nükleer Anlaşması'nın Yeni Orta Doğu'ya Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1243. 24 Ağustos 2015. –

s. 2.

Bekir ÜNAL. İran Nükleer Anlaşması ve Türkiye'ye Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1232. 15 Temmuz 2015. – s. 8.

¹³ MUSTAFA AYDIN. The Iran question / Hurriyet Daily News. 28.01.2016 //

http://www.hurriyetdailynews.com/the-iran-

question.aspx?pageID=238&nID=94428&NewsCatID=468

Merve Tahiroglu, Behnam Ben Talebu. Turkey and Iran: the Best of Frenemies // Turkish Policy Quarterly. Spring 2015.

¹⁵ Ibid, p. 124.

Türkiye Cumhurbaşkanı Recep Tayip Erdoğan'ın İran Cumhurbaşkanı Ruhani ile Ortak Basın Toplantısında Yaptığı Konuşma. 07.04.2015 // http://www.tccb.gov.tr/

¹⁷ Bekir ÜNAL. İran Nükleer Anlaşması ve Türkiye'ye Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1232. 15 Temmuz 2015. – s. 9.

¹⁸ Jonathan Schanzer, Mark Dubowitz. Iran's Turkish Gold Rush // http://foreignpolicy.com/2013/12/26/irans-turkish-gold-rush/

¹⁹ Türkiye İstatistik Kurumu. Dış Ticaret İstatistikleri // http://www.tuik.gov.tr/

²⁰ Ibid

21 Ibid

²² Ibid

²³ 'TÜRKİYE VE İRAN 30 MİLYAR DOLARLIK 2. BAHARA KOŞAR' / Milliyet Gazetesi. 18.01.2016 // http://www.milliyet.com.tr/turkiye-ve-iran-30-milyar/ekonomi/detay/2180337/default.htm

²⁴ Bekir ÜNAL. İran Nükleer Anlaşması ve Türkiye'ye Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1232. 15 Temmuz 2015. – s. 9.

/dunya/ydetay/2090782/default.htm

²⁷ Bekir ÜNAL. İran Nükleer Anlaşması ve Türkiye'ye Etkileri / BİLGESAM Analiz. Orta Doğu No: 1232. 15 Temmuz 2015. – s. 10.

²⁸ Selin Girit. İran'a yaptırımların kalkması: Türkiye için fırsat mı tehdit mi? / BBC Türkçe. 19.01.2016 //

http://www.bbc.com/turkce/ekonomi/2016/01/160118_iran_turkiye

²⁹ MUSTAFA AYDIN. The Iran question / Hurriyet Daily News. 28.01.2016 //

http://www.hurriyetdailynews.com/the-iran-

question.aspx?pageID=238&nID=94428&NewsCatID=468

30 Erdoğan: Suudi Arabistan'ın iç hukuk meselesi. Hürriyet Gazetesi. 06 Ocak 2016 //

http://www.hurriyet.com.tr/erdogan-suudi-arabistanin-ic-hukuk-meselesi-40036884

³¹ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 2, 5 Ocak 2016, Suudi Arabistan ile İran Arasındaki Gelişmeler Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

³² Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 5, 7 Ocak 2016, İran'ın Ankara Büyükelçisiyle Yapılan Görüşme Hakkında // http://www.mfa.gov.tr

33 Sami Kohen. Suudi-İran krizi nereye varacak?/ Milliyet Gazetesi. 05.01.2016 //

http://www.milliyet.com.tr/iran-la-nukleer-anlasmanin-anlami/dunya/ydetay/2087917/default.htm

³⁴ Osman Bahadır DİNÇER. İran Rakiplerini Hataya Zorluyor // http://www.usak.org.tr/kose_yazilari_det.php?id=2465&cat=332#.VqdYasY_jmo

³⁵ Bayram Sinkaya. Yeni Ortadoğu Jeopolitiğinde İran-Rusya Ekseni // http://www.orsam.org.tr/tr/yazigoster.aspx?ID=5604

²⁵ Sami Kohen. İran ortak mı, rakip mi? / Milliyet Gazetesi. 22.07.2015 // http://www.milliyet.com.tr/iran-ortak-mi-rakip-mi-

²⁶ Ibid

ТУРЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА 2015 ГОД

1 ноября 2015 года, после признанных несостоявшимися выборов 7 июня, в Турецкой Республике завершился очередной выборный цикл. Четвертый раз подряд Партия справедливости и развития (ПСР) одержала убедительную победу над своими оппонентами, набрав 49,4% голосов, означающих в абсолютном выражении 317 депутатских мест¹. Однако одержанная победа оказалась недостаточно убедительной для того, чтобы можно было решить ключевой замысел партийного руководства, в первую очередь неофициального лидера — президента Р.Т. Эрдогана: подготовить и принять новую, так называемую «гражданскую» Конституцию страны, предусматривающую переходот парламентской к президентской республике.

Принципиальным отличием выборов 2015 года от предыдущих волеизъявлений, в частности, от прошедших в 2007 и 2011 годах, стало то, что впервые за последние годы турецкий избиратель голосовал не за сохранение стабильности и дальнейшее поступательное развитие, а за возвращение привычного «статус-кво», обещанного Партией справедливости и развития в случае, если в очередной раз ей удастся сформировать однопартийное правительство.

Напомним, что именно достигнутые результаты традиционно являлись главным побудительным фактором для голосования за ПСР избирателями, даже испытывающими опасения в отношении курса на дальнейшую постепенную исламизацию страны. Так, социологический опрос 2011 года показал, что 72,8% проголосовавших за ПСР исходили из успехов, достигнутых в экономической сфере, а отнюдь не из-за идеологической близости².

Выборы 2015 года ознаменовались новой тенденцией: турецкий избиратель совершил непростой выбор в пользу ПСР, которая пообещала вернуть страну на траекторию экономического роста и обеспечить утраченную внутриполитическую ста-

бильность. Под последним в первую очередь подразумевалось окончательное решение курдской проблемы, но на это раз не через забуксовавший мирный процесс, а уже силовыми методами. Однако следует отметить, что если бы не слабость и разобщенность оппозиционных движений страны, не сумевших даже повторить результат, достигнутый на парламентских выборах 7 июня 2015 года, то вряд ли одних деклараций ПСР было бы достаточно для продолжения своего доминирования в Меджлисе.

Таким образом, 1 ноября 2015 г. страна прошла важную точку внутриполитического процесса, когда ПСР пусть и решила свою задачу минимум — формирование однопартийного правительства, оставаясь самым влиятельным политическим движением страны, но победа эта была достигнута в первую очередь из-за неубедительности оппозиции, а отнюдь не в силу лояльности избирателей по отношению к «умеренным исламистам». Кроме того, победа накладывает на ПСР повышенный груз ответственности, который может стать критичным на последующих парламентских выборах.

Уместно проанализировать итоги четырех сроков нахождения во власти Партии справедливости и развития для Турецкой Республики по состоянию на конец 2015 года, включая 24 ноября 2015 года, когда турецкими ВВС был сбит российский бомбардировщик Су-24, как точку разлома вдо того момента поступательно развивавшихся отношениях с Российской Федерацией.

Экономика – макроэкономические показатели

Согласно данным, опубликованным Турецким агентством по статистике (TUİK) в 2015 году, ВВП страны, выраженный в текущих ценах, показал рост в 11,7%, достигнув объема в абсолютном выражении в 1,953 трлн турецких лир или 720 млрд долл. США³. В пересчете на цены 1998 года рост составил 4,0%, что дало основания руководству ПСР заявлять о том, что страна продолжает оставаться на траектории роста. Так, премьерминистр А. Давутоглу объявил, что по темпам роста ВВП Турция продолжает традиционно уступать лишь Китаю и Индии, опережая в среднем в два раза все прочие развивающиеся страны. Также А. Давутоглу подчеркнул, что Турция занимает по этому показателю четвертое место в клубе Большой двадцатки⁴. В табличной форме ВВП страны приведен ниже в **Таблице 1**.

Таблица 1 ВВП Турецкой Республики в период с 2002 по 2015 годы

	ВВП в текущих ценах			ВВП с ценах 1998 г.	
Год	млн тур. лир	рост, %	млн долл	млн тур. лир	рост, %
2003	454 781	29,8	304 901	76 338	5,3
2004	559 033	22,9	390 387	83 486	9,4
2005	648 932	16,1	481 497	90 500	8,4
2006	758 391	16,9	526 429	96 738	6,9
2007	843 178	11,2	648 754	101 255	4,7
2008	950 534	12,7	742 094	101 922	0,7
2009	952 559	0,2	616 703	97 003	-4,8
2010	1 098 799	15,4	731 608	105 886	9,2
2011	1 297 713	18,1	773 980	115 175	8,8
2012	1 416 798	9,2	786 283	117 625	2,1
2013	1 567 289	10,6	823 044	122 556	4,2
2014	1 748 168	11,5	799 370	126 258	3,0
2015	1 953 561	11,7	719 967	131 289	4,0

Тем не менее цифра в 4,0% вызвала, как минимум, сдержанные оценки наблюдателей. В частности, руководство Турецкой ассоциации промышленников и предпринимателей (TÜSİAD) отметило, что рост был обусловлен главным образом внутренним спросом, в то время как негативная внешняя и внутренняя конъюнктура привела к тому, что прямые иностранные инвестиции «ограничены», а экспорт в 2015 году внес в ВВП отрицательный вклад 5 .

В целом экспертная среда в Турции встретила годовой четырехпроцентный рост, вписывающийся в Среднесрочную программу развития страны, с некоторым удивлением, имея в виду, что показатель в первом полугодии составил лишь 3,3%, а второе полугодие на бумаге было отмечено «бумом» — 5,7%. Все это происходило на фоне увеличения безработицы, как общей — с 9,9 до 10,3%, так и за пределами сельского хозяйства — с 12,0 до 12,4%. Средний рост сельскохозяйственного производства в Турции в последние годы был около 2% в год, в то время как в 2015 году он составил рекордные 7,6%.

В то же время наибольший вклад в турецкий ВВП внес рост государственных расходов на 6,7%. Рост частного сектора составил 2,7%, потребления домашних хозяйств — на 4,5%, инвестиций — на 3,6%. В экспорте наблюдалось снижение на 0,8%, а в импорте — рост на 0,3%. Объем собранных налогов увеличился на 8,4%.

Не укрылось от внимания обозревателей и падение турецких показателей в пересчете на доллары США на 79,4 млрд долл., что означает не рост, а падение национальной экономики на 9,9%. И то же касается удельного ВВП на душу населения: снижение на 1134 доллара, с 10395 до 9261 долл. США.

Приведенные выше выкладки дали почву для большого объема негативных комментариев экспертного сообщества, охарактеризовавших рост турецкой экономики «как гормональный и некачественный». Данные по составляющим турецкого ВВП приведены ниже в **Таблице 2**⁶.

Таблица 2 Макроэкономические показатели Турецкой Республики и структура ВВП

Показатель	2014 г.	2015 г.
ВВП (млрд долл.)	799,3	719,9
Душевой ВВП (долл.)	10395	9261
Темпы роста ВВП (%)	3,0%	4,0%
Расходы домохозяйств (%)	1,4%	4,5%
Государственные расходы (%), в т.ч.:	4,7%	6,7%
- Зарплата и выплаты (%)	3,7%	2,7%
- Закупка товаров и услуг (%)	5,5%	9,7%
- Инвестиции в машины и оборудование (%)	1,3%	4,8%
- Инвестиции в строительство (%)	-10,7%	8,4%
Частный сектор (%), в т.ч.:	0,3%	2,7%
- Инвестиции в машины и оборудование (%)	-3,9%	4,8%
- Инвестиции в строительство (%)	9,4%	-1,2%
Всего инвестиции (%)	-1,3%	3,6%
Экспорт (%)	7,4%	-0,8%
Импорт (%)	-0,3%	0,3%
Налоги (%)*	2,6%	8,4%

^{*} Доля теневой экономики в Турции по отношению к ВВП составляет рекордные для ОЭСР 28,7%. Следующие за Турцией в списке – Эстония и Мексика (28,1%).

Наиболее же оппозиционно настроенные обозреватели выразились даже более резко. Так, депутат главной оппозиционной Народно-республиканской партии Умут Оран подчеркнул, что национальное Агентство по статистике находится под контролем правительства, а следовательно, не является автономной организацией, осуществляющей свою деятельность независимо. Впрочем, эти высказывания вполне можно отнести к части внутриполитической риторики, зачастую излишне эмоциональной. Мнение же независимых банковских экспертов говорит о том, что рост ВВП в 4% — адекватная оценка, что, тем не менее, не говорит ничего о том, насколько он — «здоровый».

В начале 2016 года скорректирована Среднесрочная экономическая программа Турции на трехлетний период с 2016 по 2018 год⁷. Какие же изменения были внесены по сравнению с предыдущей редакцией? Перечислим некоторые из них, наиболее существенные.

Прогноз на рост ВВП в 2016 году был увеличен с 4% до 4,5%. По сделанным оценкам, в 2017 и 2018 годах он составит 5%. Инфляционные ожидания также повысились: в 2016 году — с 6,5% до 7,5%, в 2017 году — с 5,5% до 6%, в 2018 году — прогноз сохранен на предыдущем уровне в 5%. Невзирая на резкое падение цен на энергоносители, в первую очередь на нефть, внешнеторговый дефицит Турции в рассматриваемый период времени, как ожидается, будет расти: с 55,2 млрд долл. США в 2016 году до 71,8 млрд долл. в 2018 году. Официальная безработица так и будет колебаться на границе между двузначными и однозначными величинами и предположительно в 2018 году составит 9,6%8.

Касательно безработицы, следует отметить существенное различие между официальными статистическими данными и теми, о которых говорят в экспертном сообществе. Так, согласно сведениям Агентства по статистике, безработица в 2015 году составила 10,2%, тогда как независимые эксперты утверждают, что в реальности она достигает 16%9.

В целом же можно констатировать, что по мере приближения важной для страны даты — 100-летнего юбилея провозглашения Турецкой Республики в 2023 году, «праздничные» прогнозы ПСР все больше утрачивают свою реалистичность. Так, уже очевидно, что речь не может идти об увеличении до 2 трлн долл. США ВВП страны (а следовательно, и о двукратном росте душевого показателя), о наращивании экспорта до 500 млрд

долларов, а также о снижении безработицы до 5%. Многие из проектов, очевидно, будут нереализованными. В частности, это касается завершения строительства АЭС «Аккую» в рамках российско-турецкого межправительственного соглашения.

Приняв Среднесрочную программу в нынешней редакции, турецкое руководство, по сути, расписалось в том, что генеральная цель по вхождению Турецкой Республики в десятку крупнейших экономик мира больше не является актуальной. Хотя это признание и не сопровождалось официальными декларациями. Как, скажем, произошло с невыполненным предвыборным обещанием, данным ПСР в 2011 году о том, что за период очередной каденции, то есть к 2015 году душевой ВВП вырастет до 14 тысяч долларов.

Турецкие внешнеэкономические связи и внешняя торговля

Продолжая экономическую тему, уместно обратиться к внешнеэкономическим связям, на которые Турция, позиционировавшая себя в качестве регионального торгового и логистического центра, продолжает делать большую ставку. Из относительных показателей, приведенных выше, понятно, что надежды в 2015 году не оправдались.

Теперь проиллюстрируем ситуацию в абсолютном выражении: данные по внешней торговле Турецкой Республики в период с 2002 по 2015 г. приведены ниже в **Таблице 3**.

Объем турецкого экспорта в 2015 году составил 143,9 млрд долл., продолжив тренд на спад поставок за рубеж, начавшийся в 2013 г. По сравнению с предыдущим 2014 годом результат снизился на 8,7%. Большими темпами экспорт страны снижался только в посткризисном 2009 году — на 22,9%, и тогда ушло два года на то, чтобы вернуться к прежним показателям. Также отметим, что турецкие строительные подрядчики, по праву считающиеся «локомотивом» национального бизнеса, в 2013 году за рубежом получили проектов на общую сумму в 30 млрд долларов. А в 2015 году — только на 19,4 млрд долл. Компенсировать подобное падение турецкое руководство пытается через реализацию различных мегапроектов и «накачивание» местного рынка недвижимости. При этом создается риск того, что «мыльный пузырь», подобно американскому, может попросту лопнуть.

Таблица 3 Внешняя торговля Турецкой Республики в период с 2002 по 2015 гг.

Гол	Экспорт		Имп	орт	Товарооборот
Год	тыс. долл.	рост, %	тыс. долл	т. рост , %	тыс. долл.
2002	36 059 089	15,1	51 553 7	97 24,5	87 612 886
2003	47 252 836	31,0	69 339 69	92 34,5	116 592 528
2004	63 167 153	33,7	97 539 7	66 40,7	160 706 919
2005	73 476 408	16,3	116 774 1	51 19,7	190 250 559
2006	85 534 676	16,4	139 576 1	74 19,5	225 110 850
2007	107 271 750	25,4	170 062 7	15 21,8	277 334 464
2008	132 027 196	23,1	201 963 5	74 18,8	333 990 770
2009	102 142 613	-22,6	140 928 4	21 -30,2	243 071 034
2010	113 883 219	11,5	185 544 3	32 31,7	299 427 551
2011	134 906 869	18,5	240 841 6	76 29,8	375 748 545
2012	152 461 737	13,0	236 545 1	41 -1,8	389 006 877
2013	151 802 637	-0,4	251 661 2	50 6,4	403 463 887
2014	157 610 158	3,8	242 177 1	17 -3,8	399 787 275
2015*	143 850 376	-8,7	207 206 5	09 -14,4	351 056 885

С другой стороны, обращаясь к Среднесрочной программе экономического развития, турецкое руководство предполагает за 2016 год вернуться к уровню 2014 года (около 155 млрд долл.) и далее продолжить динамичный рост до 201,4 млрд долл. в 2018 году. Однако следует заметить, что принципиальным отличием нынешней ситуации от 2008 года является то, что к негативной конъюнктуре в мировой экономике добавилась еще и политическая составляющая, когда ухудшившиеся отношения Турецкой Республики с рядом соседей привели к частичной или даже полной утрате ранее завоеванных позиций. Турция, не реализовав на практике политику «нуля проблем с соседями», напротив, создала вокруг себя новые очаги напряженности.

Достаточно наглядно этот тезис можно проиллюстрировать рисунком из материалов Меджлиса турецких экспортёров (TİM), опубликованным влиятельным изданием «Zaman».

Рис.1. Динамика турецкого экспорта с соседними странами в 2015 году

Результатом активного участия Турецкой Республики в событиях арабской весны стала потеря рынка Ливии (вместе с исчезновением страны с карты мира) и Сирии, утрата позиций в Ираке, натянутые отношения с Египтом, малопредсказуемая ситуация с Ираном и, наконец, закрытие, как минимум, на ближайшую и среднесрочную перспективу наиболее емкого направления для поставок турецкой продукции и услуг — Российской Федерации после того, как истребителем турецких ВВС в небе над Сирией был сбит российский бомбардировщик Су-24.

В настоящее время глубочайший кризис в двусторонних отношениях большинством экспертов характеризуется как неизбежный, обусловленный ростом двусторонних противоречий. Однако в этом кроется некая доля натяжки: вряд ли кто из них даже предполагал, что отсутствие взаимопонимания между двумя странами по сирийскому вопросу может закончиться вы-

стрелом по российскому самолету. Этот конфликт вполне мог и, заметим, к сожалению, может получить дальнейшее развитие.

Какими же рынками экономический блок правительства планирует заместить выпавших важных торгово-экономических партнеров? Из заявлений руководства страны складывается довольно противоречивая картина. Согласно заявлению министра экономики Мустафы Элиташа, сделанному в начале апреля 2016 года, планируется увеличить двустороннюю торговлю с Исламской Республикой Иран с нынешних 14 млрд до 30 млрд долларов¹⁰. Однако уже месяц спустя официальные лица страны, включая главу Промышленной палаты Стамбула ЭрдалаБахчивана, делают заявление о генеральной линии на взаимную турецко-иранскую торговлю в объеме 100 млрд долларов к 2023 году. Подобного рода безответственные заявления официальных лиц заставляют критически относиться к любым декларациям, исходящим с турецкой стороны.

В этой связи имеет смысл расставить все точки над «i»: турецкая и иранская экономика в целом являются не взаимодополняющими, а конкурирующими, за исключением отдельных сегментов потребительского рынка. И, второе, иранская привлечении технологий заинтересована В средств из-за рубежа, причем скорее первого нежели второго. Никак не могущая выбраться из ловушки «средней добавленной стоимости» Турция мало что в этом смысле может предложить Ирану, который в первую очередь делает ставку на сотрудничество с технологически развитыми государствами Европы. Тем более, что турецко-иранские политические отношения не менее, а может быть, даже и более противоречивы, чем разорванное партнерство с Российской Федерацией, что создает перспективу повторения аналогичного сценария уже между Турецкой Республикой и Исламской Республикой Иран.

Усилия руководства Турциии по открытию новых направлений экспорта, латиноамериканского или африканского, скажем, через выделение дополнительных средств под долгосрочное экспортное финансирование и страхование не вызывают сомнений. Однако очевидно, что быстрая переориентация турецкого бизнеса, осевшего в России контрактами и инвестициями, и замещение такого емкого рынка, как российский, — невозможны, тем более регионами, географически отдаленными и испытывающими значительные финансовые трудности (куда как более серьезные, чем просевший из-за низких цен на нефть российский бюджет).

Второй аспект, который имело бы смысл затронуть, говоря о турецких внешнеэкономических связях, — это прямые иностранные инвестиции в экономику страны.

Таблицы 4–5 Прямые иностранные инвестиции в турецкую экономику и отток капитала из Турции в период с 2010 по 2015 год

_	При	ток ПИИ, млн ,	Отток тур.инв.,	
Год	Всего	В недвижи- мость	Прочее	млн долл.
2010	8089	2494	5595	1482
2011	16182	2013	14169	2370
2012	13284	2636	10648	4106
2013	12384	3049	9335	3827
2014	12623	4321	8302	7047
2015	16579	4156	12423	5088
Всего 6 лет	79141	18669	60472	23920

Отрасль	Прямые инвестиции, млн тур. лир		
•	2014	2015	
Промышленность, всего, в т.ч.:	4230	5568	
– пищевая	449	958	
– текстильная	137	420	
– нефть – уголь	101	1809	
– нефтехимия и пластики	83	330	
– электроэнергия	1131	1258	
Услуги, всего, в т.ч.:	4285	6163	
– торговля	1138	515	
– транспорт	594	1524	
– финансы	1470	3525	
Прочее	61	46	
ВСЕГО	8576	11778	

Как можно видеть из приведенных выше Таблиц 4 и 5, прямые иностранные инвестиции в экономику Турции последние пять лет колеблются в диапазоне 12,4—16,6 млрд долларов США¹¹. При оценке этих показателей принципиальными являются следующие обстоятельства.

Прежде всего Турция не входит в число стран — лидеров по популярности у иностранных инвесторов, относительно стабильно находясь во второй — третьей тройке с точки зрения объема привлекаемых средств из-за рубежа. Так, по данным ЦРУ США, по состоянию на 2007 год объем накопленных зарубежных инвестиций в Турции составил около лишь 145 млрд долл., а сама страна по этому показателю стала двадцать первой. К 2013 году, согласно тому же источнику, Турция спустилась на двадцать восьмое место со 194 млрд долларов 12. Таким образом, негативная для Турции динамика и нарастающий отрыв от лидирующей группы — налицо.

И во-вторых, что, вероятно, даже более важно, — это качество «размещения» зарубежных средств. Как продемонстрировано в **Таблице 5**, прямые зарубежные инвестиции практически не идут в технологичное промышленное производство страны, концентрируясь в традиционных для страны пищевой и текстильной отраслях, а также в секторе услуг. Таким образом, вместе с деньгами за пределами внимания зарубежных инвесторов оказываются и возможности трансфера технологий в страну.

Ничуть не отрицая наукоемкости ни пищевой, ни текстильной промышленности, тем не менее, можно констатировать, что переход к так называемой «Индустрии 4.0» в Турецкой Республике продолжает оставаться под вопросом с учетом явно недостаточных собственных инвестиций в НИОКР (1% в Турции по сравнению с 3–4% в развитых странах, включая Японию и Корею). Очевидно, что аргументов о 77-миллионном населении, половина из которого — молодежь, во втором десятилетии двадцать первого века для капитала оказывается больше недостаточно, и страна из охваченного огнем региона нуждается в новой истории успеха.

Что же не нравится инвесторам в «старой» истории? Какие факторы являются давлеющими, при том, что риск прямого ввода турецких сухопутных войск в Сирию если не исчез, то отошел на второй план?

Вот какую последовательность предлагает обозреватель влиятельного издания «Hürriyet Daily News» 13:

- 1. Монетарная политика Центрального банка в связи с предстоящим (на момент публикации состоявшимся) назначением нового главы ведомства вместо ЭрдемаБашчи, которые имел множество трений с президентом страны Р.Т. Эрдоганом, настаивая на невозможности снижения процентной ставки.
- 2. Множественные террористические атаки на турецкие города, вышедшие за традиционные пределы восточных и юговосточных провинций страны, и открытие террористического фронта против гражданского населения. К множественным жертвам среди гражданских лиц, в том числе иностранцев, привели террористические атаки в Стамбуле и Анкаре, ответственность за которые турецким руководством возложена на запрещенную в стране Рабочую партию Курдистана и боевое крыло сирийской курдской Партии демократического союза, так называемые «Отряды народной самообороны».
- 3. Риск прямого государственного вмешательства в деятельность частного бизнеса, особенно после назначения внешних управляющих в ряд компаний, обвиненных в связях и поддержке беглого исламского проповедника Ф. Гюллена, проживающего на протяжении многих лет в США.

Государство в ближайшие годы планирует завершить приватизацию государственных активов. Кроме того, массированная реализация амбициозных инфраструктурных проектов, к примеру, строительства транспортной инфраструктуры (скоростные линии железной дороги, аэропорта и, разумеется, «король» мега-проектов, канал «Стамбул», призванный «зашунтировать» пролив Босфор) найдут своего зарубежного и местного инвестора. Однако эти проекты не повысят производственный потенциал страны, как таковой. Кроме того, высокая долговая нагрузка турецкого частного сектора, выросшая за 10 лет практически в два раза, будет оказывать растущее давление, а повышение страновых рисков в связи с событиями в Сирии будет сужать пространство для маневра при привлечении внешних заимствований.

Тем не менее повторимся, что свою «аудиторию» турецкие мега-стройки найдут, хотя на технологические инвестиции в первую очередь стоит рассчитывать Исламской Республике Иран, когда ей полностью удастся освободиться от груза эко-

номических санкций. Эта постсанкционная страна, обладающая собственными энергоносителями, имеет хорошие шансы обойти Турцию в соревновании за «кошельки» инвесторов.

Внутриполитическая ситуация и курдский вопрос

Как было сказано выше, внутриполитическая ситуация образца 2015 года, несмотря на продолжающееся доминирование Партии справедливости и развития, тем не менее, имеет ряд особенностей.

Прежде всего 2014 год вошел в историю Турецкой Республикиследующими событиями: 10 августа состоялись первые прямые президентские выборы, на которых достаточно предсказуемую победу одержал премьер-министр Р.Т. Эрдоган, набрав 51,79%. Его ближайший преследователь, единый кандидат от оппозиционных Народно-республиканской партии и Партии националистического движения Э. Ихсаноглу набрал 38,44%. Соответствующая поправка в Конституцию страны, изменяющая порядок выборов, была принята в результатевсенародного референдума, состоявшегося 21 октября 2007 года.

Данное событие позволило президенту Р.Т. Эрдогану небезосновательно заявлять о том, что в 2014 году Турция дефакто перестала являться парламентской республикой. По той причине, что статус президента, избранного народом напрямую, априори выше, чем у премьера, выбираемого партией победительницей парламентских выборов. Собственно, это и является самым сильным аргументом Р.Т. Эрдогана в пользу необходимости законодательного оформления новой политической реальности с целью устранения возникшего двоевластия между президентом и премьер-министром страны.

Как было сказано выше, в 2015 году Партии справедливости и развития удалось продлить свое доминирование на ближайшие четыре года лишь по итогам двух выборов: 7 июня, признанных несостоявшимися ввиду безуспешных коалиционных переговоров, и 1 ноября, когда удовлетворительный, хотя, заметим, и не наилучший результат для ПСР был все же достигнут.

Сенсацией выборов 7 июня стали результаты прокурдской Партии демократии народов (ПДН), в этот раз рискнувшей и отказавшейся от успешно зарекомендовавшей себя практики

прохождения в Меджлис независимых кандидатов. Партия пошла на выборы под своим именем и не прогадала, преодолев с хорошим запасом десятипроцентный избирательный барьер, набрав 13,1% голосов избирателей. И тот факт, что на повторных выборах ПДН, невзирая наразвернутую против партии и её лидера С. Демирташа агрессивную медиа-кампанию, удержалась на плаву (результат — 10,8%), говорит со всей ясностью о том, что прокурдское движение стало неотъемлемой частью политического ландшафта страны. Кроме того, «курды» и стали, по сути, главным препятствием для Партии справедливости и развития, получившей лишь 256 мест (40,9% голосов), на пути принятия новой, так называемой «гражданской» Конституции страны, первая серьезная попытка подготовить которую предпринималась ещё Меджлисом 24-го созыва (период с 2011 по 2015 г.).

Продемонстрированные после выборов 7 июня со стороны ПСР попытки по формированию коалиционного правительства, в первую очередь с Народно-республиканской партией, следует считать формальной данью протоколу. И здесь также, как и в случае президентских выборов, речь идет о важном прецеденте: впервые в истории страны по итогам выборов не была сформирована коалиция, вследствие чего избиратели были повторно приглашены на избирательные участки 1 ноября.

К ноябрьским выборам ПСР заметно скорректировала свою предвыборную стратегию. Прежде всего от активного участия в кампании отказался формально беспартийный, но сохраняющий статус «духового лидера» партии президент Р.Т. Эрдоган. Практически полностью была сведена на нет риторика относительно необходимости перехода к президентской форме правления как одной из основных задач будущего Меджлиса. Тон выступлений первых лиц партии, ведомой теперь исключительно АхметомДавутоглу, из агрессивного стал примирительным и успокаивающим. Это больше отвечало складывающейся непростой ситуации как в экономике страны, отмеченной заметным падением курса национальной валюты и ростом безработицы, так и в сфере безопасности. Однако партийная риторика из объединительной, нацеленной как на турок, так и на курдское меньшинство, стала резко националистической.

Запущенный в 2009 году принятием плана «Национального единства и братства» процесс мирного урегулирования с Ра-

бочей партией Курдистана, давший стране надежду на возможность решения застарелого национального вопроса, к середине 2015 года окончательно захлебнулся, когда в июле РПК объявила об окончании действующего с марта 2013 года режима прекращения огня. Формальным поводом турецкому руководству длятого, чтобы окончательно поставить точку в мирных инициативах, стала масштабная террористическая атака в городе Суруч 20 июля 2015 года, унесшая жизни 34 человек, вина за которую была возложена на РПК. В свою очередь ПДН, которая к выборам 7 июня подходила в качестве всетурецкого либерального движения, таковым так и не стала по причине свернутого курдского процесса и неспособности или нежелания внятно артикулировать свою позицию по терактам РПК. Как и С. Демирташ не состоялся в качестве всетурецкого лидера, забаррикадировавшись в своей «национальной квартире».

Совокупность изменившейся конъюнктуры и скорректированного Партией справедливости и развития курса привела к тому, что 1 ноября задача-минимум была решена: ПСР получила 317 депутатских мандатов в 550-местном Меджлисе, увеличив по сравнению с 7 июня свой избирательный пул с 40,9% до 49,4%. Это, конечно, не 330 мест, дающих возможность объявить референдум, и не 367 мест, позволяющих принять новую конституцию в парламентских стенах, но все же достаточно убедительная победа, означающая создание и однопартийного правительства.

Статистика потерь в результате свернутого мирного процесса выглядит следующим образом: согласно официальным данным, всего с 7 июня 2015 года по 5 мая 2016 года в результате столкновений и террористических актов погибло 466 военных и правоохранителей и 253 гражданских лица. Около 2,5 тыс. человек было ранено¹⁴. Тем не менее президент страны РеждепТайипЭрдоган в начале 2016 года заявил о том, что в стране «нет курдской проблемы, а есть терроризм». Неспособность прокурдской Партии демократии народов размежеваться с Рабочей партией Курдистана привела к известной маргинализации движения. ПДН, как уже было отмечено выше, так и не сталаобщетурецким движением. Члены ПДН выступают с целым рядом резких заявлений в отношении официальной Анкары и силовых методов решения курдского вопроса.

По состоянию на начало мая 2016 года продолжаются бурные, переходящие в столкновения между фракциями деба-

ты в Меджлисе относительно снятия депутатской неприкосновенности с народных избранников, обвиняемых в пособничестве террористам. Оппозиционные движения в принципе не возражают против инициативы ПСР, однако настаивают на том, чтобы неприкосновенности были лишены все без исключения депутаты, а не выборочные. Сопредседатель ПДН С. Демирташ прямо заявил о том, что если пройдет вариант ПСР, то ни один депутат от его партии не явится для дачи показаний. Уместно привести его цитату: «Парламенты создают не партии, а народ! И если народ захочет, то он создаст больше, чем один парламент /прим.: то есть ещё один парламент/» 15. Думается, что одного этого высказывания достаточно, чтобы оценить градус межфракционного противостояния между умеренными исламистами и прокурдским движением, являющимся верхушкой айсберга настоящей гражданской войны, разразившейся в восточной и юго-восточной части Турции, отголоски которой в виде террористических атак гремят по всей стране.

Антитеррористическая операция силами не только жандармерии, но уже с привлечением регулярных армейских формирований ведется в Джизре, Силопи, Диярбакыре, Суре, Даргечите, Нусайбине и Битлисе¹⁶. Число обезвреженных террористов, согласно изданию «Сабах», в вышеперечисленных городах превысило 200 человек. В целом следует сказать, что среди трех «турецких» партий Меджлиса наблюдается единство в отношении того, что единственным путем решения «курдского вопроса» являются силовые методы.

Оппозиционеры в своей критике сфокусировались на причинах обострения курдского вопроса, обвиняя ПСР в «наивности», когда та пыталась решить вопрос мирным путем, тем самым давая курдам возможность вооружиться и подготовиться к новому витку противостояния, но уже не в горной местной, а в турецких городах. Оппозиция отмечает ужасное состояние, в которое пришли города — центры противостояния. В частности, в своем отчете, опубликованном в марте 2016 года, Народно-республиканская партия (НРП) требует провозгласить г. Джизре регионом бедствия 17. Согласно исследованию, проведенному Университетом «КадырХас», самой главной проблемой страны в 2015 году опрошенными был признан терроризм (39,3%). Для сравнения в 2014 году лишь 13,9% участников опроса назвали «терроризм» основной угрозой 18, а в 2013 — только 4,7% 19. Если же ПСР и удалось устранить ПДН как по-

тенциально опасного игрока в Меджлисе, то и цена этого оказалась весьма высока: значительное большинство населения считает действия правительства по решению проблемы РПК неэффективными; в восточных и юго-восточных провинциях страны нарастают настроения, что «Анкара» не в состоянии их защитить.

По состоянию на момент сдачи данной статьи в печать было объявлено о предстоящем уходе «по собственному желанию» премьер-министра Ахмета Давутоглу и о проведении 22 мая внеочередного съезда ПСР для выборов нового партийного главы, а соответственно, и главы исполнительной власти. После чего президент Р.Т. Эрдоган заявил о том, что дороги назад уже нет и страна находится на пути к президентской республике. Немедленно начали появляться социологические отчеты, свидетельствующие о народной поддержке перехода к президентской республике, согласно которым: во-первых, рейтинг ПСР вырос до 52,8%, а курдская ПДН отброшена за 10-процентный барьер -7,1%, а во-вторых, большинство населения (58,4%) поддерживает переход к президентской форме правления 20 .

Таким образом, следует констатировать, что к маю 2016 года очередная важная развилка в развитии страны была пройдена, а все усилия президента и будущего премьер-министра (вне зависимости от того, кто окажется назначенным на этот пост) будут брошены на принятие новой Конституции страны, фиксирующей де-юре то, что уже можно считать состоявшимся де-факто.

Внешняя политика Турецкой Республики

Рассмотрение данного аспекта уместно начать с того, чем закончился предыдущий раздел, а именно: с отставки премьерминистра Турции Ахмета Давутоглу. Напомним, что именно он — автор монументального труда «Стратегическая глубина», опубликованного в 2001 году, являлся одним из олицетворений современного «новоосманизма». Разумеется, было бы неправильным приписывать АхметДавутоглу единоличное авторство сформулированных в «Стратегической глубине» идей. Но главное заключается в том, что его труд был востребован, а сам он получил возможность практического воплощения изло-

женных в нем идей на практике, став в 2009 году министром иностранных дел, а с 2014 года — премьер-министром страны.

Тезис «ноль проблем с соседями» был взят в качестве основного тезиса турецкого внешнеполитического курса, который должен был строиться на принципах равноудаленности от мировых центров силы и на принципах экономической целесообразности.

Однако по факту можно отметить, что период времени с 2009 года и вплоть до «добровольной» отставки Ахмета Давутоглу с поста премьер-министра стал для турецкой внешней политики одним из самых провальных, возможно, и самым провальным в истории страны. Это привело к дискредитации как «Стратегической глубины», так и лозунга «ноль проблем с соседями». Хотя, справедливости ради, следует отметить, что причинами провала турецкого внешнеполитического курса стала не ошибочная идеология, а как раз отход от неё, утрата нейтрального статуса в международных (включая региональные) вопросах, настойчивые попытки продвижения модели турецкой демократии вкупе с активным участием в событиях «арабской весны» в ущерб своим прямым экономическим интересам.

Сворачивание мирного процесса с Рабочей партией Курдистана вкупе с ошибочной политикой Турции на сирийском направлении привело к тому, что по состоянию на май 2016 года Турция воюет с терроризмом на трех фронтах: первый, внутренний - с РПК, второй - с сирийскими курдами (ПДС и т.н. «Отряды народной самообороны»), а также с «Исламским государством» (ИГ, запрещённой в РФ террористической организацией). В плане отношения к курдам наблюдается опасная для страны изоляция от международных центров силы. Достаточно отметить, что США рассматривают курдов в качестве ударной силы и союзника на земле для борьбы с ИГ. ПДС, не рассматриваясь в качестве террористической организации и крыла РПК, 10 февраля 2015 года открыла представительство Демократической автономии Западного Курдистана (Рожавы) в Москве, а 7 мая 2016 года в Берлине. Таким образом, курдская проблема из внутреннего вопроса превратилась в международный, а её эскалация угрожает территориальной целостности страны как никогда в истории Турецкой Республики.

В этой связи приведем два характерных высказывания, которые были озвучены со стороны ПДН в связи с возможным

снятием с некоторых её членов депутатской неприкосновенности и расследования уголовных дел о содействии терроризму. Первое принадлежит сопредседателю ПДН С. Демирташу: «Они /прим.: ПСР/ все так представляют, как вроде мы боимся за себя. Мы пытаемся воспротивиться не снятию неприкосновенности, мы пытаемся остановить процесс переворота... Народ, если захочет, может создать не один парламент... Никто не может остановить волю народа»²¹.

Депутат ДПН от г. Шанлыурфа Осман Байдемир выразился даже более определенно: «Мы хотели, чтобы парламент в Анкаре был парламентом для всех народов, сколько их есть: курдов, турков, арабов, персов. Мы хотели, чтобы он был парламентом Анатолии, Месопотамии, Курдистана и Турции. Чтобы он был крышей для всех нас. Однако эта дверь для курдов закрылась. До настоящего времени мы хотели жить в том же доме, под той же крышей. Если люди в одном доме вместе жить не могут, для них, по-моему, лучше быть соседями. В настоящее время ситуация напрямую идет к соседству» ²².

Если же абстрагироваться от курдского направления и оценить прочие итоги турецкой внешней политики, можно отметить проваленный процесс мирного урегулирования с Арменией (после памятных попыток в рамках так называемой «футбольной дипломатии») и отсутствие какого-либо прогресса по кипрскому вопросу. Последний, в свою очередь, дает Европе хорошую возможность под благовидным предлогом блокировать усилия Турции по тому, чтобы стать полноценным членом Европейского союза.

В угоду настроениям «арабской улицы» в результате демарша на Давосском экономическом форуме, предпринятого в 2009 году Р.Т. Эрдоганом (в качестве премьер-министра страны) и инцидента с так называемой «Флотилией мира» в 2010 году многолетние добрососедские и в отдельных сферах партнерские отношения с Израилем оказались практически разорванными. Последующие попытки урегулирования, предпринятые под давлением США, вынуждающими Израиль принять условия Турции по урегулированию упомянутого инцидента, так ни к чему и не привели. Даже если стороны и найдут взаимоприемлемую формулу, то доверие к турецкому руководству в ближайшей и среднесрочной перспективе восстановлению не подлежит. Невзирая на крайнюю заинтересованность Турции в том, чтобы обрести в лице Израиля альтернативного

России поставщика природного газа из месторождений Восточного Средиземноморья и стать, в свою очередь, для израильского газа страной-транзитером на пути в Европу.

События 24 ноября 2015 года, когда самолет турецких ВВС сбил в сирийском небе российский бомбардировщик Су-24, стали без преувеличения черной страницей и точкой разлома для российско-турецких отношений. В одночасье долгие годы нарабатываемые связи на уровне руководства двух стран, политиков, бизнеса, ученых и деятелей культуры, а также простых граждан оказались либо замороженными. либо разорванными. Стратегическая ось «север-юг», которая выстраивалась двумя странами на прочном фундаменте взаимных экономических интересов, оказалась заложницей сиюминутной политической конъюнктуры, а выражаясь точнее, ошибочного и опасного турецкого внешнеполитического курса в отношении гражданской войны в Сирии. Следует констатировать, что по состоянию на момент написания данной статьи никаких свидетельств в пользу даже не урегулирования, а начала диалога по разрешению российско-турецкого кризиса не наблюдается. И таковой сложно предвидеть не только в ближайшей, но и в среднесрочной перспективе. По разным оценкам, ежегодные убытки турецкого бизнеса из-за потери России в качестве главного торгово-экономического партнера. согласно Долгосрочной экспортной стратегии страны, составляют от 8 до 12 млрд долл. США.

Обратим внимание на то, что стало привычным тезисом: «Груз накопленных между Российской Федерацией и Турецкой Республикой политических противоречий оказался столь велик, что перевесил четверть вековые достижения в экономической сфере». Таким образом, можно говорить о прямом стоимостном эквиваленте для Турции неверных внешнеполитических решений.

Однако сигналы о серьёзном переосмыслении Турецкой Республикой своей политики на северном (Российская Федерация) и восточном (Китайская Народная Республика) направлениях стали поступать задолго до 24 ноября.

В первом случае (РФ) — законодательное блокирование реализации проекта строительства АЭС «Аккую» (в настоящее время находится в подвешенном состоянии) и отказ от реализации российско-турецкого проекта строительства газопровода «Турецкий Поток».

Во втором случае (КНР) — аннулирование тендера, выигранного китайскими компаниями, на закупку и трансфер технологии производства систем противоракетной обороны.Об аннулировании многомиллиардного тендера турецкое руководство объявило накануне саммита Большой двадцатки, прошедшего в Анталье 15—16 ноября 2015 года, что было воспринято в Турции в качестве «подношения» Соединенным Штатам Америки и выражения лояльности Североатлантическому альянсу.

В ходе упомянутого саммита президент России В.В. Путин сделал заявление о том, что физические лица «некоторых государств Двадцатки» участвуют в финансировании ИГ, впервые на высшем уровне вынося российско-турецкие разногласия в публичную сферу. Именно это заявление ознаменовало прохождение «точки невозврата» в современных отношениях между Россией и Турцией.

Экономические санкции, введенные Российской Федерацией в отношении Турецкой Республики после инцидента 24 ноября, в целом отличаются взвешенностью и адресностью. Помимо объяснимого нежелания рассматривать в нынешних условиях турецкие компании и частные лица в качестве приоритетных торгово-экономических партнеров (в том числе, в вопросе замещения западных компаний, попавших ранее под российские санкции), очевидно, они преследовали следующие цели:

- 1. «Наказать» турецкую экономику за действия руководства страны.
- 2. Способствовать выявлению и формированию группы турецкого бизнеса, лоббирующего нормализацию российскотурецких отношений, разумеется, на основе удовлетворения трех условий российской стороны («извинения», «виновные», «компенсация»).
- 3. Способствовать потере очков действующим руководством Турции, прежде всего президентом Р.Т. Эрдоганом и премьер-министром А. Давутоглу, в глазах собственного населения.

По истечении нескольких месяцев говорить об эффекте антитурецких санкций, безусловно, преждевременно. Разорванные отношения, которые до этого складывались десятилетиями, переживают «посттравматический синдром». Однако

свернутый политический диалог и снижение темпов двусторонней деловой активности – налицо.

Согласно данным Турецкого агентства по статистике, суммарный турецкий экспорт в январе-феврале текущего года составил 232 млн долл. против аналогичного показателя прошлого года в 603 млн долларов. Заметно снизился и импорт продукции из Российской Федерации: 2,5 млрд долл. против 3,4 млрд долл. Российский рынок сельскохозяйственной продукции с немалой долей вероятности для турецких фермеров будет потерян на ближайшую и среднесрочную перспективу. Вне зависимости от того, будет ли развиваться ситуация по турецким или российским прогнозам, находящимся в диапазоне от 2,5 млн человек до пренебрежимо малых величин соответственно, уже сейчас ясно, что неизбежны существенные потери туристической индустрии и смежных отраслей Турции, сформированных под ежегодный прием 4–4,5 млн гостей из России.

Наряду с этим истекшие четыре месяца не выявили появления влиятельного пророссийского лобби, сколь-нибудь активно отстаивающего необходимость восстановления разрушенных двусторонних отношений. Одной из немаловажных причин этого явления следует считать выстроенную в стране вертикаль власти, а также зависимость частного бизнеса от получения заказов на внутреннем рынке. В случае «локомотивов экономики», а именно строительно-подрядного сектора, речь идет о зависимости строителей от текущих и перспективных инфраструктурных проектов внутри страны (строительство аэропортов, скоростных дорог ж/д сообщения и прочие «мега-проекты») и за её пределами при финансовой поддержке государства.

Также достаточно спокойной оценке со стороны турецкого бизнеса факта утраты позиций на российском рынке способствует следующее:

- 1. Многие из них уже работают в России, пребывая в статусе местной юрисдикции и, невзирая на факт турецкого выгодоприобретателя, рассчитывают доказать свою «полезность» в РФ.
- 2. Понимание непростой ситуации в экономике РФ под влиянием отрицательной нефтяной конъюнктуры и присутствие трезвого взгляда на сузившееся поле для маневра.
- 3. Относительная «свежесть» вопроса и надежда на возможное урегулирование на политическом уровне вбез необхо-

димости громких (читай: рискованных) заявлениях со своей стороны.

4. Надежды на меры государственной поддержки в вопросе замещения потерянного или замороженного российского рынка.

Невзирая на то, что социологические опросы (в том числе недавно проведенный Университетом «КадирХас») выявляют наличие углубляющихся расколов в турецком обществе по целому ряду линий (светскость, курды, новая конституция и др.), «российский вопрос» пока не стал одним из них. В целом турецкое население склонно рассматривать Российскую Федерацию в качестве наибольшей для страны угрозы (годом ранее лидировал Израиль), а в защиту российско-турецких отношений выступают лишь отдельные культурные и общественные деятели, а также немногочисленные инициативные группы, как правило, состоящие из участников, тесно связанных с Россией, к примеру, по факту своего рождения, образования или семейного положения.

Как было сказано выше, по итогам 2015 года турецкая экономика продемонстрировала достаточно высокие темпы роста ВВП – около 4%. Характерно, что как турецкие руководители, в частности, премьер-министр А. Давутоглу, так и независимые аналитики дают в целом положительный прогноз на текущий год, предсказывая, что по темпам роста экономика страны будет уступать лишь Китаю и Индии. Очевидно, что заявленный прогноз в нынешних условиях является достаточно амбициозным и станет возможным лишь при соблюдении набора условий и преодолении ряда рисков. Не претендуя на всеохватность, к первым можно отнести кардинальное улучшение безопасности, являющейся для инвесторов и туристов «красной линией», и способность выйти на новые для себя рынки сбыта. Среди вторых в качестве примера можно отметить «ловушку средней добавленной стоимости» и перекредитованность частного бизнеса.

Мощным конкурентом по привлечению зарубежных инвестиций для Турции становится Исламская Республика Иран. Однако процесс выхода Ирана из-под санкций со стороны США пока не завершен, что является сдерживающим фактором для американских компаний. С другой стороны, европейцы возлагают большие надежды и уже проявляют заметную

активность на иранском направлении. Сама же Турция в своей работе с Ираном достаточно ограничена, принимая во внимание то, что их экономики не являются взаимодополняемыми. ИРИ заинтересована в первую очередь в технологиях, а не в подрядных услугах и не в оборудовании со средней добавленной стоимостью. Впрочем, это не означает, что турецкая продукция не имеет шансов разнообразить иранский потребительский рынок.

Гибельность тупика турецкого внешнеполитического курса очевидна не только оппозиции, но и самому руководству страны. Перечислим: отношения с Израилем испорчены, с Россией – разорваны, с Европой – если и забрезжило партнерство, то вынужденное, с США отношения прохладны и подморожены до выборов нового американского президента. В исламском мире Турция присоединилась к антишиитской коалиции, ведомой Саудовской Аравией, и имеет напряженные отношения с Ираном и Ираком. В список недоброжелателей Турции можно добавить «контрреволюционный» Египет. Что же касается Сирии, то она стала, без преувеличения, поворотной точкой, после которой курс «Стратегической глубины» Ахмета Давутоглу потерял цельность и развалился на глазах, став детонатором для «курдской бомбы» внутри самой Турции.

Быстрая смена риторики от «евразийства» и «новоосманизма» и перевод траектории турецкого движения на западничество затруднительны, однако первые практические шаги в направлении «перезагрузки» уже сделаны.

В числе заметных достижений можно отметить заключенную 18 марта 2016 года между ЕС и Турцией сделку по незаконным иммигрантам (так называемое «Брюссельское соглашение»), хотя пропагандистский эффект от нее пока намного опережает практический. Тем не менее Турция возлагает на нее большие надежды и прилагает колоссальные усилия для отмены визовых ограничений странами ЕС для турецких граждан. Руководство Турции всячески подчеркивает тот факт, что отмена виз — это одно из ключевых условий сделки по беженцам, и в том случае, если оно не будет реализовано, под вопросом окажется Брюссельское соглашение в целом.

Прошедший в конце марта — начале апреля в Вашингтоне Саммит по ядерной безопасности и состоявшаяся на нем встреча между двумя президентами, Б. Обамой и Р.Т. Эрдоганом, не выявили сближения позиций между Белым домом и

Аксараем по вопросу сирийских курдов. Но, с другой стороны, и не подтвердили тезис о «нежелательности» турецкого лидера для США.

Перспективы турецкой «перезагрузки»

2016 год будет насыщен вызовами для нового правительства, которое придет на смену кабинету Ахмета Давутоглу после внеочередного Конгресса ПСР, запланированного на 22 мая 2016 года. Этот Конгресс, помимо непосредственно выборов нового партийного главы, ознаменует важную веху на пути омоложения ПСР и окончательного ухода с арены «старой гвардии», в том числе – основателей и идеологов той ПСР, которые вместе вели страну по пути экономического роста и укрепления политического веса на международной арене с момента прихода к власти в 2002 году и вплоть до 2015 года.

Исходя из масштаба задач, стоящих перед новым правительством Турецкой Республики, ближайший период можно охарактеризовать как «перезагрузку». Попробуем сформулировать в основных чертах текущую турецкую повестку:

- 1. Окончательное решение вопроса по принятию новой, «гражданской» Конституции страны и по переходу к президентской форме правления, вероятно, через вынесение вопроса на всенародное голосование.
- 2. Решение курдского вопроса в целом на базе силовых методов. Однако не исключена корректировка политики с учетом успеха курдов в Сирии и бесперспективности ведения войны против РПК «до победного конца».
- 3. Корректировка внешнеполитического курса. Возвращение в нее западного контента с опорой на ЕС и Германию, в частности. Могут быть запущены «Нулевые проблемы с соседями 2.0», о чем свидетельствуют попытки добиться урегулирования с Израилем.
- 4. Важным вопросом является возвращение Турции в качестве полноценного актора сирийского конфликта, ключом к чему является достижение договоренности с США по сирийским курдам.
- 5. Дальнейшее зондирование почвы на предмет возможности нормализации отношений с РФ на взаимоприемлемых условиях, на начальном этапе через попытки привлечения

независимых переговорщиков из третьих стран или же по линии публичной дипломатии.

6. Обеспечение дальнейшей диверсификации турецкой экономики и направлений турецкого экспорта.

Однако случится ли турецкая «перезагрузка» - вопрос открытый, принимая во внимание растущий груз проблем по всем основным направлениям, включая экономику, внутреннюю политику и безопасность, а также внешнюю политику. Также рано говорить и о предпосылках развития ситуации, которые, по всей видимости, будут проясняться в течение 2016 года, в частности, после назначения нового премьер-министра и формирования правительства.

¹ https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekillerimiz_sd.dagilim

² СтародубцевИ.И. Трансформирующаяся Турция. - М.: Институт Ближнего Востока; МГИМО – Университет МИД РФ, 2011.

³ Сайт Турецкого агентства по статистике (TÜİK) – http://www.tuik.gov.tr/

⁴ Ekonomik kriz bekleyenler hayal kırıklığına uğrayacak. Dünya Gazetesi, 6 Nisan 2016.

⁵ http://www.hurriyetdailynews.com/top-bosses-paint-a-gray-picture-forthe-economy.aspx?PageID=238&NID=95485&NewsCatID=344

⁶ Hormonlu büyüdük 1134 dolar fakirleştik. Sözcü Gazetesi. 1 Nisan 2016.

⁷ http://www.haberturk.com/ekonomi/doviz/haber/1179321-mehmetsimsek-orta-vadeli-programi-acikladi

⁸ http://www.kalkinma.gov.tr/Pages/OrtaVadeliProgramlar.aspx

⁹ Панельная дискуссия в Университете Башкент.

¹⁰http://www.islamidavet.com/2016/04/08/iran-ve-turkiye-30-milyardolar-ticarette-kararli/

¹¹http://www.dunya.com/dogrudan-yatirimlar-imalat-sanayine-gitmiyor-163275vy.htm

¹²https://en.wikipedia.org/wiki/List of countries by received FDI

¹³http://www.hurriyetdailynews.com/three-investment-risks-inturkey.aspx?PageID=238&NID=95908&NewsCatID=409

¹⁴http://www.sozcu.com.tr/2016/gundem/davutoglunun-basari-karnesi-1218359/

¹⁵http://www.dw.com/tr/dokunulmaz1%C4%B1k-teklifi-16may%C4%B1sta-meclise-gelecek/a-19231977

17 https://www.chp.org.tr/Haberler/39/chp-cizre-raporu-20851.aspx

¹⁹http://www.usak.org.tr/tr/kose-yazilari/pkk-ile-mucadelede-yol-ayrimina-yaklasiyor-muyuz

²⁰http://orcarastirma.com.tr/

¹⁶http://www.sabah.com.tr/galeri/turkiye/guneydogudaki-teroroperasyonlarinin-bilancosu/1

¹⁸Kadir Has Üniversitesi. Türkiye Araştırmaları Merkezi. Türkiye Sosyal-Siyasal Eğilimler Araştırması. Kantitatif Araştırma Özeti. 12 Ocak 2016.

²¹http://www.bbc.com/turkce/haberler/2016/05/160503_demirtas_hdp

²²http://www.habervaktim.com/haber/469112/osman-baydemir-bolunelim-dedi.html

ФЕНОМЕН ИЗРАИЛЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

На современном этапе большинство стран мира участвует в интеграционных экономических объединениях. Национальные экономики тяготеют прежде всего к соседним странам и регионам. Поэтому чаще, чем термин «международная экономическая интеграция», употребляется понятие «региональная экономическая интеграция». Израиль, находясь в сложных геополитических условиях, имеет своеобразный опыт участия в таких объединениях, рассмотрению которого и посвящена данная статья.

Нараставший во второй половине XX в. процесс интернационализации хозяйственной жизни имел для Израиля далеко не однозначные последствия. Наряду с общим снижением межстрановых барьеров на пути товаров и услуг, капиталов и рабочей силы шли консолидация уже существующих и образование новых региональных экономических группировок (ЕС. НАФТА, МЕРКОСУР и др.), доступ к которым для Израиля осложнялся по тем или иным причинам: экономическим, ввиду арабского экономического бойкота, в силу географической удаленности Израиля от конкретных региональных рынков. Арабо-израильский конфликт не позволяет этой стране развивать хозяйственные связи с соседями и благодаря этому существенно экономить на транзакционных издержках. Между тем экономика Израиля, все более втягивающаяся в мирохозяйственный оборот, не могла не испытывать на себе влияние мировых интеграционных процессов.

Ярким проявлением противоречивости экономического взаимодействия Израиля с окружающим миром было то, что, с одной стороны, для реализации модели ускоренного, догоняющего развития при усилении роли внешнеэкономических связей в национальном воспроизводстве требовалось активное участие в интеграционных процессах, значительно со-

кращавших фазы взаимного хозяйственного сближения, с другой, — в силу сравнительно низкой пространственной мобильности международного производства отличительной чертой интеграции являлся ее региональный характер, а Израиль на протяжении большей части изучаемого периода находился в своем регионе в почти полной экономической и политической изоляции.

Осознавая порождаемую данным противоречием уязвимость национальной экономики, государственное руководство Израиля в течение многих лет добивалось участия страны в интеграционных процессах, происходивших в ее главных торговых партнерах — Западной Европе и Северной Америке, и, что особенно важно, старалось институционально закрепить это участие.

Такая ориентация была вполне логична и предсказуема: стратегическое значение для Израиля западноевропейского и североамериканского рынков объяснялось их надежностью, огромной емкостью, наличием значительного спроса на продукцию обрабатывающей промышленности, являющейся результатом реализации сравнительных преимуществ этой страны (в первую очередь — высокотехнологичные изделия военного и гражданского назначения, финансовые и деловые услуги, а также обработанные алмазы, отдельные виды продукции пищевой и легкой промышленности).

Зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕС (ЕЭС) и США

Не является преувеличением, что развитие всесторонних экономических связей со странами Западной Европы было главным направлением внешнеэкономической политики Израиля в течение первых трех десятилетий после создания этого государства. Несмотря на всю сложность и неравномерность развития политических отношений с западноевропейскими странами, географическая близость европейского континента, сходный уровень экономического развития, приверженность значительной части израильтян западноевропейским политическим традициям и культуре, особое отношение европейцев к евреям как жертвам нацистского геноцида в годы Второй мировой войны — все это способствовало поддержанию весомых для Израиля показателей внешнеторгового обмена с Европой.

Начавшийся с подписания в 1958 г. Римского договора об образовании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) новый этап в регионализации западноевропейских хозяйственных связей совпал с началом экспортной ориентации израильской экономики. Опасаясь ухудшения для Израиля условий торговли и пытаясь воспользоваться особо выгодными для развивающейся экономики возможными последствиями интеграции, израильское государственное руководство стало предпринимать меры по включению своей страны на тех или иных условиях в европейский интеграционный процесс. Сразу же после вступления в силу Римского договора правительство передало в Европейскую комиссию меморандум о необходимости заключения комплексного соглашения между ЕЭС и Израилем, который стал третьей по счету страной, учредившей свою миссию при ЕЭС в Брюсселе. В 1960 г. израильский премьерминистр Д. Бен-Гурион во время переговоров с президентом Европейской комиссии В. Холлстейном заявил о стремлении своей страны стать ассоциированным членом ЕЭС. В 1964 г. было подписано рамочное соглашение торговоэкономическом сотрудничестве. Однако по политическим причинам (в частности, из-за противодействия Франции) установление преференциального режима отодвинулось на десятилетие. Лишь в 1970 г., после того как ЕЭС приступило к осушествлению многоплановой политики либерализации торговли со странами Средиземноморья, было заключено первое соглашение о преференциальном торговом режиме между ЕЭС и Израилем (были значительно снижены европейские таможенные пошлины на израильские промышленные и сельскохозяйственные товары при незначительном уменьшении тарифов на продукцию, поставляемую в Израиль из ЕЭС).1.

В 1975 г. интеграционные связи между Израилем и ЕЭС вышли на качественно более высокий уровень. Подписанное 11 мая 1975 г. соглашение о поэтапном установлении между ЕЭС и Израилем зоны свободной торговли предусматривало полную отмену всех количественных и ценовых ограничений на израильский промышленный экспорт в страны ЕЭС к 1979 г. и на израильский промышленный импорт из этой группировки к 1989 г.

Соглашение о ЗСТ 1975 г. стало важным рубежом в экономической истории Израиля и в его внешней политике в целом. В полной мере ощущая свою изолированность на Ближнем Во-

стоке, отрицательные последствия арабского экономического бойкота и присоединения к санкционному режиму многих стран, зависящих от ближневосточных углеводородов и региональных рынков сбыта, особенно после октябрьской арабоизраильской войны 1973 г., Израиль был вынужден форсировать процесс хозяйственного сближения с ЕЭС, в котором проживало тогда около 250 млн человек с высокой по мировым меркам покупательной способностью. В 1975 г. завершился сложный, очень важный для Израиля 17-летний период институционального оформления особых экономических отношений с региональным объединением, на которое в это время приходилось около половины всего израильского импорта и треть экспорта это страны. Выступая перед членами Кнессета 26 мая 1975 г., на следующий день после ратификации израильским парламентом этого соглашения, министр иностранных дел Израиля И. Аллон так охарактеризовал данный документ: «Он закрепляет образование многостороннего и, возможно, наиболее значительного из тех экономических альянсов Израиля. которые страна создала до настоящего времени»².

Текст договора об установлении ЗСТ демонстрирует существенные уступки ЕЭС в отношении Израиля. Во-первых, израильский рынок открывался значительно медленнее для европейских товаров, чем наоборот (соответственно в течение 14 и 4 лет). Во-вторых, по продукции уязвимых к импорту отраслей предусматривалась возможность введения защитных мер тарифного и количественного характера. Учитывая более высокий уровень развития и конкурентоспособности европейской промышленности, данное положение (статьи 15-17) относилось главным образом к Израилю. Такие уступки впоследствии стали нормой при создании ЗСТ между странами с разным экономическим уровнем, что продемонстрировало формирование Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) в составе США, Канады и сравнительно менее развитой Мексики. В течение длительного переходного периода экономические субъекты и регулирующие органы, по словам Аллона, «должны предпринять огромные усилия для того, чтобы предприятия стали более эффективными, повысили свою производительность и качество продукции, снизили ее себестоимость»³. В-третьих, на 85% наименований сельскохозяйственного экспорта из Израиля предусматривалось существенное снижение европейских ввозных тарифов.

В основном тексте соглашения содержался раздел, существенно расширявший рамки стандартного договора о ЗСТ. Речь идет о необходимости дополнять торговые связи взаимным перетоком инвестиций, технологическим обменом и производственной кооперацией. Правда, эта часть была сформулирована в самом общем виде.

Соглашение, между прочим, явилось своеобразной попыткой европейцев заложить экономический фундамент урегулирования арабо-израильского конфликта. В тексте есть положение об избегании дискриминации в торговых и инвестиционных связях, что было нацелено на снижение эффективности арабского экономического бойкота Израиля. Кроме того, соглашение с Израилем стало для ЕЭС началом создания средиземноморской зоны либерального торгового режима с участием североафриканских и ближневосточных стран этого региона. Израилю при этом было обещано, что любые более льготные по сравнению с договором о ЗСТ с Израилем условия, предоставленные арабским странам в соответствии с будущими соглашениями, будут распространены и на эту страну (за исключением трех государств Магриба — бывших колоний Франции, которые получили особый статус по Римскому договору).

В ходе подписания соглашения 1975 г. израильская сторона вполне определенно заявила, что ЗСТ — это очень важный, но промежуточный этап в интеграции с ЕЭС. Конечная цель — получение Израилем статуса ассоциированного члена Сообщества, то есть достижение степени близости с ЕЭС, максимально возможной для неевропейского государства. Эта идея была поддержана европейцами, о чем свидетельствовала благоприятная для Израиля резолюция Европарламента по этому вопросу от 14 мая 1975 г.

В то же время главная задача соглашения 1975 г. — интеграция промышленности Израиля и стран ЕЭС — была выполнена лишь частично. Во-первых, это объяснялось различиями в подходе сторон к использованию возможностей зоны свободной торговли. Если в политике Израиля по отношению к Западной Европе преобладал экономизм, т.е. внешнеполитический курс проводился в соответствии с потребностями развития его экономики, то для членов Сообщества был характерен политизированный подход к вопросам торгово-экономического сотрудничества. Неоднократное использование соглашения в целях оказания политического давления на Израиль препятствовало

установлению стабильных кооперационных связей между израильскими и западноевропейскими производителями.

Во-вторых, растянутость во времени процесса либерализации импорта из ЕЭС снижала интенсивность влияния соглашения на перестроечные процессы в израильской экономике. Третья причина заключалась в продолжении протекционистской политики израильского государства по отношению к отечественному импортозамещающему производству. "Государство, - писал израильский экономист Б. Торен, - пришло на выручку предприятиям, столкнувшимся с возросшей конкуренцией, и во многих случаях пошло на введение нетарифных ограничений на конкурирующий импорт из ЕЭС"4. Перемещение ресурсов из защищенного от внешней конкуренции импортозамещающего производства в ориентированные на экспорт отрасли происходило значительно медленнее, чем ожидалось. В-четвертых, в первое десятилетие создания зоны свободной торговли установлению и развитию горизонтальных связей между израильскими и западноевропейскими производителями препятствовало нарастание нестабильности экономики Израиля в связи со значительным ускорением инфляционного процесса.

Все это долгое время сдерживало ход интеграции, которая сводилась в основном к обмену товарами. Производственная кооперация осуществлялась на двусторонней основе — между Израилем и отдельными странами—членами Сообщества, а соглашение 1975 г. лишь в незначительной степени стимулировало этот процесс⁵.

И все же, несмотря на то, что экономическое сближение Израиля и ЕС происходило медленно и время от времени приостанавливалось (в основном из-за различий в подходах к ближневосточному урегулированию), в 1990-е гг. благодаря повышению открытости израильской экономики и в целом позитивным результатам действия соглашения о зоне свободной торговли интеграционные связи вышли на новый уровень. В октябре 1995 г. между Израилем и ЕС было подписано новое торгово-экономическое соглашение. В соответствии с этим договором Израиль стал ассоциированным членом Союза со всеми вытекающими последствиями: резкое расширение зоны свободной торговли между Европой и Израилем, подключение последнего к центральным научно—техническим программам европейских стран, массовый обмен студентами и сотрудничество уни-

верситетов. Договоренность о научно—технических связях следует особо отметить, поскольку, несмотря на подписанные в 1974, 1977, 1984 гг. протоколы о сотрудничестве в этой области, западноевропейские страны ограничивали совместную деятельность в их рамках второстепенными областями, лежащими за пределами магистральных направлений исследований. Значение указанного договора не ограничивается экономической и научно-технической сферами. Как считают в Израиле, это — признание его принадлежности не к левантийской, а европейской или, если брать шире, западной цивилизации.

Параллельно с вовлечением Израиля в западноевропейский интеграционный процесс углублялось внешнеэкономическое сотрудничество с США. Еще до 1985 г. Израиль пользовался льготным доступом на американский рынок в рамках Генеральной системы преференций (ГСП), в соответствии с которой США, Канада, Япония, Австралия, страны—члены Европейской ассоциации свободной торговли предоставили бестарифный режим для развивающихся стран на ввоз товаров, не наносящих ощутимого ущерба местным производителям. О значении ГСП для израильской экспортной торговли говорит тот факт, что с 1976 г. по 1984 г. освобожденный от таможенных пошлин экспорт в США увеличился в 6 раз (со 110 млн до 660 млн долл.), в то время как вывоз товаров, не подпадающих под данную систему преференций, вырос только в 3 раза⁷.

Израиль надолго задержался в списке ГСП и в 1985 г. вместе с другими, далеко продвинувшимися в экономическом развитии странами, ранее входившими в группу развивающихся — Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом и Сингапуром, — должен был лишиться основной части предоставляемых системой льгот. В этой ситуации США в 1985 г. пошли на беспрецедентный со своей стороны шаг, подписав соглашение о поэтапном установлении к 1995 г. зоны свободной торговли между двумя странами. То есть данное соглашение предшествовало формированию североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Со своими ближайшими соседями — Канадой и Мексикой — США заключили аналогичные соглашения соответственно в 1988 г. и 1991 г. Уже в начале 1990-х годов основная часть израильского экспорта имела свободный доступ в США.

Соглашение 1985 г. еще в большей степени, чем договор о зоне свободной торговли между Израилем и ЕЭС, явилось результатом действия политических факторов. В условиях, ко-

гда более 90% израильского экспорта в США и 55% его импорта из этой страны было освобождено от таможенного обложения, американское руководство пошло на подписание подобного соглашения в первую очередь в качестве дополнения к другим направлениям военно-политического и экономического сотрудничества между двумя странами. Хотя, конечно, опасения американских компаний потерять часть израильского рынка в результате установления свободной торговли между Израилем и ЕЭС также сыграли свою роль, но это не имело решающего значения.

Для Израиля же обеспечение долгосрочного и стабильного свободного доступа на обширный и высокодоходный американский рынок играло очень важную роль в продвижении вперед промышленной специализации, основанной на производстве технически сложной промышленной продукции с весомой долей добавленной стоимости. «Создание зоны свободной торговли явилось естественным продолжением сдвига в израильской специализации от сельскохозяйственного производства к промышленному и, особенно, к высокотехнологичным его отраслям», – заявил американский посол в Израиле С. Левис⁸.

Резкий взлет американо-израильской торговли во второй половине 1980-х гг. (израильский товарный экспорт и импорт увеличились в 1985-90-х гг. на 60% каждый) показал, что обусловленное первоначально политическими факторами соглашение 1985 г. соответствовало общему направлению экономической интеграции. Значение американо-израильской зоны свободной торговли для экономики Израиля состояло в том, что в отличие от ГСП от таможенных пошлин были освобождены очень важные для израильской «нишевой» специализации товары - продукция электронной и химической промышленности. Большое значение для развития кооперационных связей израильских и американских производителей высокотехнологичной продукции имела стабильность беспошлинного режима взаимных поставок, что дало возможность повысить эффективность средне- и долгосрочного внутрифирменного планирования, увеличить число и масштабы совместных проектов. «Соглашение 1985 г. заметно снизило уровень риска в американо-израильских совместных инвестиционных проектах, нацеленных на использование возможностей созданной зоны свободной торговли». - отметил один из руководителей Комиссии по внешней торговле Израиля Г. Троппер⁹.

Еще одним существенным отличием американо-израильской ЗСТ явилась либерализация торговли широким спектром услуг: транспорт, туризм, связь, финансовые услуги, инжиниринг, консалтинг, реклама. Эта важная для Израиля сфера торговли не была охвачена соглашениями с ЕЭС.

Значение соглашения 1985 г. определялось и его своевременностью. Если бы оно было заключено, например, в 1960-е гг., то в силу большой удаленности двух стран друг от друга и не сложившейся еще специализации израильской экономики его эффект скорее всего ограничился бы некоторым увеличением торгового оборота, причем все более дефицитного для Израиля. Однако эта зона была создана уже на новом этапе развития ВЭС Израиля, когда географические расстояния утратили былое значение, особенно для интеграции высокотехнологичных промышленных производств, составлявших к этому времени одну из основ уже не только американской, но и израильской специализации.

В 1985 г. стали известны секретные статьи соглашения об установлении зоны свободной торговли между США и Израилем: полученные Израилем торговые преференции распространяются и на оккупированные им территории, однако при условии, что на экспортируемых сюда товарах будет стоять маркировка «сделано в Израиле». Следовательно, Вашингтон, стимулируя инвестиционную активность арабских предпринимателей на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа, пытается склонить определенные арабские государства к экономическому и политическому сближению с Израилем. В 1987 г. Израиль разрешил открыть в Наблусе отделение совместного Аммано-каирского банка. Он обслуживается местными палестинцами, но под наблюдением Банка Израиля и представителей израильского Министерства обороны 10.

Объединение израильского рынка с двумя наиболее крупными мировыми рынками – явление само по себе уникальное – создало благоприятные условия для формирования хозяйственной специализации Израиля в 1980—1990-е гг., более полной, чем в иных условиях, реализации сравнительных преимуществ этой страны. Относительно свободная торговля (следует учитывать периодическое возникновение количественных и иных неценовых барьеров) помогла переселенческой

стране продвинуть продукцию своего экспорториентированного производства на отличающиеся острой конкуренцией рынки западных стран. По словам X. Розена, американский и западноевропейский рынки «помимо предсказуемости торговых операций обеспечили для Израиля достаточный объем спроса, который позволил ему подняться по отраслевой лестнице от производства аграрной продукции к выпуску наукоемких изделий обрабатывающей промышленности» 11.

Руководствуясь в первую очередь политическими мотивами, а также учитывая свой хозяйственный потенциал, не сравнимый с израильским (в 1993 г. доля Израиля в экспорте и США, и ЕЭС составляла всего 0,8% 12), страны ЕЭС и США согласились на опережающее по времени открытие собственных рынков по сравнению с облегчением доступа на израильский рынок. Хотя в краткосрочном плане это и замедлило нарастание торгового дефицита и социальных проблем вследствие сокращения неконкурентоспособного производства, подобная асимметричность препятствовала повышению эффективности использования ресурсов путем ликвидации или перепрофилирования нерентабельных компаний. Растянувшаяся во времени либерализация импорта имела для израильской экономики пониженный структурообразующий эффект.

Однотипность политического устройства и схожесть хозяйственных структур Израиля, стран ЕС и США, безусловно, и дальше будут стимулировать рассмотренные выше интеграционные процессы.

В целом модель участия Израиля в европейской и североамериканской интеграции вполне соответствовала общей внешнеторговой концепции страны, ее принципу «либерализация (на внешних рынках) плюс протекционизм (для национальных производителей)». До недавнего времени в Израиле была ярко выражена протекционистская политика, внутренний рынок защищался от внешней конкуренции высокими тарифными и нетарифными барьерами. Либерализация внешнеторгового регулирования в целом началась лишь в 1991 г. Первым шагом стала замена нетарифных ограничений пошлинами. Затем в результате односторонней тарифной либерализации Израиль снизил тарифы в системе «наиболее благоприятствуемой нации» (MFN) на большинство товаров до 8-10%. Это снижение продолжилось, но наблюдался большой разброс по отдельным товарам (коэффициент вариации в 2000-е гг. составлял 2,8)¹³.

Серьезным препятствием остаются различного рода нетарифные ограничения: требования к качеству, упаковке, маркировке, «koshercertificate» и т.д. Но наиболее серьезным нетарифным барьером эксперты считают централизацию импорта — систему, при которой в стране действуют импортные монополии («специмпортеры»), ограничивающие параллельный, конкурирующий импорт по ряду товарных позиций. Эти внешнеторговые компании по экономическим или политическим причинам легко могут перекрыть ввоз в Израиль российской продукции или товаров из других стран.

ЕЭС и США в рамках соглашений о ЗСТ предоставили израильским компаниям существенные льготы, соответствующие протекционистской политике Израиля: для них вводился длительный адаптационный период, внутренний рынок аграрной продукции и услуг защищался от внешней конкуренции.

Региональный интеграционный фон

Исходя из изначально регионального характера интеграционных экономических объединений, было бы полезно оценить, хотя бы в самом общем виде, упущенные гипотетические возможности вступления Израиля в подобные группировки с участием ближневосточных стран в случае установления — в прошлом — добрососедских отношений между ним и его соседями.

Многолетний путь, пройденный арабскими странами по пути либерализации международных экономических отношений в регионе¹⁴, позволяет выделить следующие характеристики совокупности региональных интеграционных моделей:

- Медлительность и непоследовательность в прохождении стадий интеграции. Низкая степень готовности стран региона к либерализации внешнеэкономических отношений с соседями объясняется однотипностью хозяйственных структур, невысоким уровнем экономического развития, сильной политической и хозяйственной дифференциацией арабских стран, сохранением внешнеполитических противоречий. Инвестиционный климат в большинстве стран региона остается малопривлекательным для иностранного капитала, что сдерживает интенсивность внутрирегиональных инвестиционных потоков.

- Сохранение нетарифных барьеров во внешней торговле, либерализация которой ограничена торговым обменом промышленной продукцией. За исключением ССАГЗ в процесс интеграции не включено перемещение капитала и рабочей силы.
- Интеграция в арабском мире идет в первую очередь на субрегиональном уровне и в области двусторонних отношений. Последнее направление включает главным образом производственное кооперирование в форме создания совместного производства в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, возведения объектов инфраструктуры.
- Из-за невысоких темпов объединительных процессов и инерции многолетней ориентации на экономические связи с Западной Европой и США вектор интеграции смещается в европейском и североамериканском направлениях.

В целом для системы международных экономических отношений на Ближнем и Среднем Востоке характерно переплетение локальной интеграции с развитием торгово-экономических связей с мировыми и региональными центрами экономической силы, находящимися за пределами рассматриваемого региона. Многие арабские страны помимо участия в арабских интеграционных объединениях имеют двусторонние соглашения о зоне свободной торговли и иных формах сотрудничества с США, ЕС, ЕАСТ, Турцией, Сингапуром и т.д.

Как считает российский ученый Ю.В. Шишков, «интеграция невозможна между странами, которые не достигли интеграционной зрелости. В экономике - это достаточно высокий уровень развития обрабатывающей промышленности, обеспечивающий широкую диверсификацию экспортно-импортных операций страны и глубокую вовлеченность ее в международное разделение производственного процесса, хорошо развитая финансовая инфраструктура. В политике – устоявшаяся демократия с четким разделением властей и верховенство закона...» 15. даже урегулирование арабо-израильского Следовательно, конфликта вряд ли привело бы к созданию жизнеспособного интеграционного объединения с участием Израиля и других ближневосточных стран, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Несмотря на его значительный экономический вес, он вряд ли смог бы изменить сложившуюся в регионе интеграционную модель.

Прединтеграционное сближение с соседями

Между тем своеобразная израильская модель участия в интеграционных группировках включала попытки хозяйственного сближения с соседними арабскими странами и территориями. Так, в 1994 г. Израиль и дезинтегрированные и слаборазвитые в экономическом плане палестинские территории искусственно, с применением мер давления, были объединены в таможенный союз.

Вслед за соглашением в Осло (сентябрь 1993 г.) произошло подписание совместных палестино-израильских документов, регламентирующих экономические отношения между двумя сторонами в переходный период, т. е. до провозглашения независимого палестинского государства. Эти документы имеет смысл рассмотреть отдельно, так как они, как было декларировано, должны были создать договорно-правовую базу для установления хозяйственного суверенитета палестинских территорий и их интеграции с израильской экономикой на более справедливых принципах.

29 апреля 1994 г. был подписан так называемый Парижский протокол, который вскоре был включен в Каирское соглашение от 4 мая 1994 г., имевшее и второе название — Соглашение о Газе и Иерихоне, в качестве Протокола IV.

По Парижскому протоколу в компетенцию Палестинской национальной администрации (ПНА) вошел контроль над экономикой Газы и района Иерихона, включая торговлю и инвестиции. На остальной части Западного берега сфера деятельности палестинских властей ограничилась налоговой системой, образованием и здравоохранением. Палестинцы стремились к большему — установить более или менее четкие экономические границы с Израилем и контролировать хозяйственную жизнь остальной части территорий. Израильская сторона оказалась не готова к этому, поскольку не спешила к предоставлению ПНА более широких экономических прав, тем более что вопрос о границах с будущим палестинским государством предстояло решать на более поздних стадиях переговоров.

В результате был достигнут компромисс, отразивший инерцию прежней модели взаимоотношений. Его суть состояла в установлении де-факто таможенного союза, сильно деформи-

рованного военно-политическими ограничениями. Учреждались единые для Израиля и палестинских территорий внешнеторговые тарифы на основную часть импорта. В качестве исключения ПНА было предоставлено право устанавливать собственные тарифы на ограниченные партии некоторых товаров, а часть импорта осуществлять на беспошлинной основе. Самостоятельность палестинских властей в регулировании ввоза товаров и услуг при этом существенно ограничивалась тем, что непосредственно взиманием пошлин и различных таможенных сборов занимались израильтяне, контролирующие внешние границы этого своеобразного таможенного союза. Хотя Израиль был обязан передавать эти деньги ПНА, он получал рычаг экономического давления, которым активно пользовался в 2000-е гг. Основная часть палестинского экспорта была свободна от экономических ограничений (исключения: ввоз в Израиль более дешевого бензина с территорий пресекался путем его обязательной цветовой маркировки, до 1998 г. существовали количественные ограничения на импорт в Израиль части сельскохозяйственной продукции), однако израильские власти в любой момент могли закрыть для него пограничные пропускные пункты. Что касается двусторонней палестино-израильской торговли, то были разработаны процедуры таможенной очистки торговых потоков. Более детально механизм очистки от пошлин и акцизов определен в приложении V соглашения «Осло II».

Таким образом, даже в официальных соглашениях в рамках мирного процесса первой половины 1990-х годов заметна уязвимость палестинской экономики в том таможенном союзе, который значительно отличался от существовавших в то время в мировой интеграционной практике примеров. К этому следует добавить, что в Парижском протоколе была предпринята попытка юридически закрепить один из элементов более высокого уровня интеграции — общего рынка. Имеется в виду взаимное обязательство израильских властей и ПНА обеспечить свободное перемещение рабочей силы между Израилем и палестинскими территориями, но с важной оговоркой: «размеры и условия трудовой миграции стороны в праве время от времени пересматривать». ¹⁶

Действительность 1990-х гг. не позволила использовать даже те немногие уступки, которые были сделаны Израилем в направлении установления хозяйственного суверенитета палестинских территорий.

Израильтяне по-прежнему могли манипулировать объемами и структурой палестинской внешней и внутренней торговли, используя свой административный контроль над пунктами таможенного контроля и ограничения товарных потоков под предлогом борьбы с терроризмом. Палестинские экспортные и импортные поставки часто приостанавливались в связи с закрытием границ. Свобода торговли была ограничена и внутри самих территорий, особенно между Западным берегом и Газой. Потери от ограничений в передвижении рабочей силы и транспортировки товаров оценивались в 1994-1996 годах в 7-15% от стоимости ВВП. Длительные, скрупулезные проверки грузов на границах увеличивали транспортные издержки в 2-3 раза. нарушали условия поставок, вели к прямым потерям продукции, в первую очередь в аграрном бизнесе. Задержки в поставках инвестиционных товаров замедляли строительство индустриальных зон, морского порта и аэропорта в Газе, развитие водоснабжения. Характерный пример: импорт водяных насосов для водоочистительных систем из Канады был приостановлен до выяснения возможности их использования против израильских вооруженных сил.

Помимо слабой экспортной ориентации национального производства важным фактором малозаметного положения палестинских территорий в мировой экономике является неразвитая диверсификация географической направленности их внешней торговли. Имея соглашения о преференциальной торговле с ЕС, США, Саудовской Аравией, Египтом, Иорданией и рядом других стран, палестинские территории ограничены в своей торговле ориентацией на Израиль, на который приходится свыше 90% их экспорта и 70% импорта. Более того, все ввозимые товары проходят израильский контроль, так как Израиль в таможенном союзе взял на себя функции торгового посредника между палестинцами и другими странами. Рассматривая свои границы в качестве внешнего периметра этого союза, израильтяне от имени ПНА взимают импортные таможенные пошлины, составляющие около 2/3 бюджетных доходов ПНА.

Дополнительным инструментом поощрения интеграционных связей стали инициируемые Соединенными Штатами свободные экономические зоны с участием не только арабских стран и США, но и Израиля. В 1996 г. по инициативе США на территории Иордании началось создание иордано-израильских

промышленных зон, в которых могут участвовать и палестинцы. К концу 2000-х гг. появились десять таких зон совместного производства. Их продукция поставляется почти исключительно в США на условиях ЗСТ. В феврале 2005 г. вступил в силу договор о создании особой промышленной зоны между Египтом и Израилем с экспортной ориентацией на США.

Египет в последние годы, несмотря на все издержки «арабской весны», форсирует учреждение подобных проектов. Значимым событием апреля 2012 г. в сфере внешнеэкономических отношений Израиля явился визит в страну египетской торговой делегации в рамках первой поездки такого рода с тех пор, как президент Египта Х. Мубарак был вынужден уйти в отставку в феврале 2011 г. Целью визита было обсуждение путей решения проблем в специализированных промышленных зонах (СПЗ), действующих в рамках соглашения между Египтом, Израилем, Иорданией и США. Товары, произведенные в СПЗ, могут получить прямой доступ на рынки США без тарифов или ограничительных квот при соблюдении определенных условий. Произведенная в этих зонах продукция должна содержать небольшую часть израильских производственных затрат. Кроме того, не менее 35% конечного продукта, поступившего в США из СПЗ, должно быть непосредственно произведено на её территории. К настоящему моменту существует 5 таких СПЗ в Иордании и 4 в Египте. В результате переговоров египтяне получили согласие израильтян создать еще одну зону в верхнем Египте. Согласно имеющимся данным, в 2011 г. оборот СПЗ составил \$1,3 млрд.

При всей важности указанных проектов они представляют собой своеобразные анклавы ЗСТ и могут расцениваться лишь как прединтеграционная форма взаимодействия.

Израиль – ЕАЭС

Последовательно развивая экономические отношения со странами постсоветского пространства, израильское руководство проявило заинтересованность в обеспечении льготных для Израиля условий торговли с формирующимися здесь интеграционными объединениями. В конце 2013 г. началась подготовка соглашения между Таможенным союзом в составе России, Белоруссии, Казахстана (ТС) и Израилем по свободному

торговому режиму. Объемы торговли между ТС и Израилем в такой зоне могли увеличиться как минимум вдвое в сравнении с уровнем 2012–2013 гг. и достичь показателя в 4 млрд долл. Вдобавок ЗСТ облегчила бы обмен инвестициями, взаимный объем которых мог вырасти наполовину по сравнению с 2013 г.

Примечательно, что в российском экспорте в Израиль, по данным Минэкономразвития РФ, преобладает продукция с высокой добавленной стоимостью, в отличие от структуры российских поставок в большинство других стран дальнего зарубежья. Израильская сторона была заинтересована в дальнейшем росте поставок из РФ и в целом из ТС высокотехнологичной продукции, а также в увеличении поставок из Израиля в страны ТС как готовых потребительских товаров, так и, например, передовых технологий в сферах АПК и природопользования. Эти планы осуществимы в зоне свободной торговли, инициируемой обеими сторонами.

Однако переход евразийской интеграции на более высокую ступень с начала 2015 г. (ТС трансформировался в Евразийский экономический союз) внес коррективы в подготовку соглашения о ЗСТ. Во время визита в Москву 25 января 2015 г. израильский министр иностранных дел А. Либерман, оценивая перспективы сотрудничества Израиля с Таможенным союзом, подчеркнул, что в свете формирования Евразийского экономического союза речь будет идти о взаимодействии в несколько ином формате 17. В любом случае в перспективе можно ожидать либерализацию внешнеторгового режима между Израилем и ЕАЭС.

* * *

Подводя итоги участия Израиля в региональных интеграционных объединениях, можно выделить, как минимум, два основных отличия национальной внешнеэкономической политики, на которые имеет смысл обратить внимание странам, формирующим свою стратегию хозяйственного взаимодействия с окружающим миром:

- следование принципу экономизма во внешней политике в целом то есть внешнеполитический курс проводился в соответствии с потребностями развития его экономики:
- настойчивость, последовательность в защите собственного рынка и одновременно в обеспечении благоприятного экономического и политического климата на зарубежных рын-

ках для сбыта израильской продукции; такой курс твердо проводился государственным руководством страны вне зависимости от того, представители каких партий и партийных блоков стояли у руля управления.

_

¹ На 50% понижены пошлины на ввозимые в ЕС промышленные товары и на 40% — на отдельные сельскохозяйственные продукты, однако на наиболее чувствительные для европейских производителей виды продукции тарифы были сохранены в полном размере.

² Agreement between the European Economic Community and Israel, 11 May 1975, and Statement in the Knesset by Deputy Premier and Foreign Minister Allon, 26 May 1975. //Israel's Foreign Relations. Selected Documents 1974–1977.Ministry for Foreign Affairs.Jerusalem, 1982. C. 218.

³ Тамже, с. 219.

⁴ Toren B. Impact of the FTA Agreement with the EEC on Israeli Industry // Europe and Israel: Troubled Neighbours. Berlin, 1988.C. 124.

⁵ Economic Journal. L., 1981, № 726. C. 18.

⁶ См.: Носенко Т. Израиль и Западная Европа. – Специальный бюллетень № 7. Институт востоковедения АН СССР. М., 1990. С. 173.

Israel Economist. September 1985. C.31.

⁸ Тамже, с. 32.

⁹ Israel Economist. October 1987. C. 20.

¹⁰ Jerusalem Post. 12.12.1990.

¹¹ Rosen H. Economic Relations between Israel and the United States. // Israel Under Rabin. Oxf., 1995.C. 208.

^{12 1993} International Trade Statistics Yearbook.Vol.1. N.Y., 1995.C. S4, S5.

¹³ Tovias A. Liberalising Trends in Israel's Trade Policy: Trade Policy Review of Israel. // The World Economy. Vol. 31, #11. 2012. C. 1438.

¹⁴ Подробнее см.: Федорченко А.В. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? // Вестник МГИМО-Университета. 2010, № 5. С. 266–275.

¹⁵ Шишков Ю.В. Интеграционная зрелость – непременное условие сращивания национальных экономик. // Россия и СНГ в новейших европейских интеграционных процессах. М., 2003. С. 23.

¹⁶ Cm.:Brynen R. A Very Political Economy: Peace building and Foreign Aid in the West Bank and Gaza. Washington, 2000. C. 57.

http://www.iimes.ru/?p=23350&print=1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ИТОГОВ ВИЗИТА БИНЬЯМИНА НЕТАНЬЯХУ В США В НОЯБРЕ 2015 ГОДА

Прошедший в начале второй декады ноября 2015 г. очередной визит премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в США пользовался повышенным вниманием местного информационно-аналитического и политического сообщества. Этот визит, согласно слухам, активно циркулировавшим в СМИ еще за много недель до отбытия в Вашингтон главы израильского правительства, должен был стать поворотным моментом если не в общих позитивно-консистентных союзнических отношениях двух стран, то в весьма непростых взаимоотношениях Биньямина Нетаньяху и президента США Барака Обамы.

Личные преломления идеологических противоречий

С трудом скрываемая взаимная антипатия двух, мягко говоря, не лишенных личных и политических амбиций лидеров возникла на базе резких разногласий по поводу ряда аспектов новой ближневосточной доктрины США, с которой выигравший в ноябре 2008 года президентские выборы Барак Обама пришел в Белый дом.

Выдвинутая тогда идея «перезагрузки» отношений с арабо-исламским миром выглядела попыткой ввести исламистские движения, в том числе и радикальные, такие как «Братьямусульмане» в легитимный дискурс регионального урегулирования, а также снизить накал противостояния с Ираном, при-

^{*}Профессор Отделения политологии и изучения Ближнего Востока Университета Ариэль в Самарии, преподаватель политических наук Университета Бар-Илан, Израиль.

знав, среди прочего некоторую легитимность его ядерных и «ново-имперских» амбиций. На этой почве планировалось обеспечить выход США из горячих точек на Ближнем Востоке с тем, чтобы договорившись с этими субъектами, избежать ситуации политического неравновесия, подключив к этой схеме в качестве третьей вершины нового «треугольника безопасности» также и прозападные умеренные суннитские режимы (Египет, Иордания, Турция и монархии Персидского залива).

В свою очередь. Израиль как стратегический союзник США должен был своими кардинальными уступками Палестинской национальной администрации (ПНА) удовлетворить эти умеренные суннитские режимы, для которых палестинская проблема из «громоотвода» внутренних противоречий превратилась в дестабилизирующий фактор. И которые были явно заинтересованы снять эту тему, целиком переложив связанные с этим издержки на Израиль. Кроме того, положившись на внешние гарантии своей национальной безопасности. Израиль должен был согласиться на фактическое вхождение в ядерный клуб Ирана, лидеры которого, патроны и спонсоры действующих против Израиля террористических группировок, неоднократно заявляли о своем стремлении «стереть еврейское государство с политической карты мира». Иными словами, согласно видению демократической администрации США, Израиль должен был взять на себя немалый, и, по мнению многих, неоправданный риск, заплатив своими «акциями» за новое прочтение американских ближневосточных интересов.

Ни то, ни другое для Израиля не было приемлемо, потому начиная с 2009 года израильское руководство по мере сил старалось противостоять этим нежелательным, по его мнению, для страны и региона дипломатическим и политическим тенденциям. Успеху этих усилий теоретически должен был способствовать объективный региональный расклад, явно не способствовавший успеху ближневосточной доктрины команды Б. Обамы. Довольно скоро стало понятно, что ее авторы — как и предупреждали их политические оппоненты, — во-первых, явно недооценили глубину противоречий между гегемонистскими устремлениями шиитского Ирана, с одной стороны, и суннитскими режимами с другой. И во-вторых, во многом спровоцировали «исламистское цунами», в которое вылилась т.н. «арабская весна», резко дестабилизировавшая ситуацию на Ближнем Востоке.

То, что его подход «буксует», где-то на рубеже 2010-2011 годов признал и сам Барак Обама, когда Вашингтон во многом снял свои иррационально-завышенные требования к Израилю в контексте уступок палестинским арабам, и в целом до конца каденции ограничивался некими общими заявлениями. В начале второй каденции Б. Обамы данная идея была вытащена из небытия в несколько ином варианте, но примерно с тем же успехом, что, в общем, неплохо понимали как в Белом доме и Госдепе США, так и в других политических кругах Америки. Проблема была лишь в том, что получивший «авансом», еще до официального вступления в должность главы государства, Нобелевскую премию мира Барак Обама не был готов, по крайней мере открыто, признать неудачу своего ближневосточного проекта ущербностью самой его концепции, а не стечением неблагоприятных обстоятельств. В силу чего президента США не мог не раздражать премьер-министр Израиля, использовавший любую трибуну, чтобы утверждать, что дело обстоит ровно противоположным образом.

Взаимные трения достигли пика на рубеже 2014-2015 годов, когда Б. Нетаньяху резко усилил критику проводимого президентом США курса на продвижение опасного для Израиля, как это виделось в Иерусалиме, «ядерного соглашения» великих держав («группа 5+1») с Ираном. Включая предпринятые израильским премьер-министром попытки в обход Белого дома и Госдепа США найти понимание его обеспокоенности непосредственно у американских законодателей, к которым он обратился во время третьего за его политическую карьеру выступления в Конгрессе США. А также - у местного общественного мнения через регулярные появления во влиятельных американских СМИ. Эти шаги придали указанным разногласиям редкий для истории стратегического партнерства двух стран уровень публичности. В свою очередь, и Б. Обама не скрывал своего острого раздражения линией Б. Нетаньяху, которую он рассматривал (надо, признать, небезосновательно) в качестве личного выпада и попытки посеять у американцев сомнения в компетентности его администрации в международных вопросах. В частности, он пошел на ряд шагов и заявлений, которые в контексте «особых отношений» США и Израиля были восприняты как очевидно недружественные, включая беспрецедентное заявление о готовности «пересмотреть некоторые аспекты стратегического партнерства» США и еврейского государства.

По большинству мнений, речь скорее шла о символической угрозе, чем о готовности сделать какие-то реальные шаги, которые явно противоречили бы долгосрочным стратегическим интересам США и Израиля и очевидно не нашли бы понимания в руководящих кругах и у общественности двух стран. И действительно, по оценкам экспертов, за время правления Б. Обамы экономические, коммерческие и научные связи США и Израиля развивались весьма динамично (особенно резкий рост имелся в сферах кибер-, нано- и космических технологий), а сотрудничество в вопросах обороны и безопасности вообще перешло на новый качественный уровень.

Как отмечает израильский дипломатический эксперт Йорам Этингер (в прошлом спецпредставитель МИД Израиля по отношениям с Конгрессом США и руководитель правительственной пресс-службы),

«израильтяне сегодня оперируют сотнями систем военной и гражданской безопасности США и предоставляют американской промышленности критически важную информацию о разработке и повышении качества оборонных технологий высокой конкурентоспособности. Объем разведданных, предоставляемых США Израилем, существенно превышает аналогичную информацию, получаемую спецслужбами этой страны от всех вместе взятых стран, входящих в НАТО; регулярные учения ВВС двух стран именно в последние годы стали проходить в расширенном масштабе, а принятая на вооружение армией США тактика действий на поле боя, особенно в плотной городской застройке, была сформулирована на базе израильского опыта и при участии израильских экспертов. Подразделения и военнослужащие армии США на пути в Афганистан проходят переподготовку по этим темам под наблюдением израильских инструкторов, уделяя особое внимание методам идентификации и ликвидации заминированных транспортных средств, террористов-самоубийц и нестандартных взрывных устройств»¹.

Что, как можно заметить, случилось, несмотря на зафиксированный обозревателем «непреодолимый мировоззренческий разрыв» между президентом США и премьер-министром Израиля.

Тем более проблематичной выглядела ситуация тупика, в который, как представлялось, зашли отношения двух политиков, острые разногласия между которыми грозили начать оказывать негативное влияние на ось стратегического парт-

нерства Иерусалима и Вашингтона в критической для двух стран сфере — управления региональным кризисом. Тенденции стагнации сотрудничества Б. Обамы и Б. Нетаньяху в перспективе могли снизить свободу маневра военнополитического руководства Израиля. А это, в свою очередь, обессмыслило бы любую предложенную американцами и не работающую без полномасштабного сотрудничества Израиля схему региональной безопасности, которые в период президентства Барака Обамы выстраивались на основе его подхода «закулисного управления» (leadership from behind) — некоего американского аналога европейской доктрины «мягкой силы» (the Soft Power).

Потому когда к концу лета 2014 г. «острая фаза» личного конфликта президента США и премьер-министра Израиля была пройдена, в заявлениях и действиях двух лидеров стало проявляться стремление в той или иной мере «отыграть назад».

Первым признаком готовящейся смены вектора отношений стал визит министра обороны США Эштона Картера, который прибыл в Иерусалим через несколько дней после подписания 14 июля 2015 г. в Вене «ядерного соглашения» между Ираном и странами «большой шестерки». А также состоявшийся 27 октября ответный визит в США министра обороны Израиля МошеЯалона, который, по мнению экспертов, должен был подготовить условия, которые бы позволили Б. Нетаньяху говорить о возвращении к прежним доверительным связям с Вашингтоном².

Впрочем, до последнего момента оставалось неясным, о чем идет речь. То есть будет ли встреча двух лидеров (первая после выступления Биньямина Нетаньяху перед Конгрессом и подписания Тегераном и шестью мировыми державами соглашения по ядерной программе Ирана) носить некий необязывающий характер, а ее участники ограничатся обтекаемыми заявлениями, предполагая снять основные шероховатости в закрытом режиме. Либо же она должна знаменовать, пользуясь определением обозревателя агентства Ynet (интернет-версия газеты «Едиот Ахронот») Орли Азулай, restart в их отношениях³, и публично разморозить вектор персонального сотрудничества. Вопреки сомнениям пессимистов, ближе к истине оказались сторонники второй версии: период довольно серьёзного охлаждения отношений между премьер-министром Израиля и президентом США был официально завершен.

Мотивы двух лидеров

И все же остается вопрос, зачем Б. Нетаньяху, который теоретически еще несколько лет может пребывать на посту премьер-министра, поехал налаживать отношения с президентом США под занавес каденции Б. Обамы? В конце концов, Нетаньяху мог бы официально закрыть «эпоху недоразумений» между двумя администрациями с тем, кто заменит Б. Обаму на посту президента США, будет ли это демократ или республиканец. Со своей стороны, Б. Обама также мог оставить формальное снятие непростой дипломатической коллизии своему наследнику, а пока мог предпочесть без особого шума «спустить проблему на тормозах». Однако у обоих лидеров были свои мотивы объявить о своем примирении именно сейчас.

Судя по всему, главным мотивом Б. Обамы было нежелание остаться в истории США президентом, который испортил отношения США с Израилем. Именно такой довольно стойкий имидж Б. Обамы формируется его политическими оппонентами из числа республиканцев, активно использующих применительно к ситуации популярный американский образ, относящийся к данной ситуации, что президент США «бросил Израиль под колёса автобуса». Но критиков отношения Б. Обамы к Израилю, равно как и оказавшейся в кризисе ближневосточной концепции его администрации, хватает и в его собственной партии — демократической. И причина этого также вполне понятна.

Как известно, Израиль — это не просто один из союзников США на Ближнем Востоке, разделяющий с Америкой систему коллективных политических и идеологических ценностей, но ещё сам по себе является фундаментальным элементом ценностной системы американского общества. «Идея возвращения евреев на Святую землю» крайне актуальна для его структурообразующего протестантского (и не только) ядра, как англосаксонского, так и во многом афроамериканского происхождения, представители которого видят в существовании и укреплении Израиля реализацию идеи пророков Ветхого Завета. Что диктует и взгляды этого общества на современное еврейское государство и события вокруг него.

По данным многочисленных опросов общественного мнения, позитивное отношение к Израилю в последние годы про-

должает усиливаться, причем это касается сторонников обеих представленных в Конгрессе партий. Так, по данным опубликованного 9 ноября 2015 г. исследования Chicago Councilon Global Affairs, такого мнения придерживается 65% сторонников Республиканской партии (рост на 12% по сравнению с абсолютным минимумом в 1998 году) и 57% приверженцев Демократической партии, «нижней гранью поддержки Израиля» среди которых были зафиксированные в 2002 году 50%4. В свою очередь, данные опросов авторитетного агентства Gallup, проведенных в 2014 и 2015 гг., показали, что устойчивое позитивное отношение к Израилю демонстрируют 7 из каждых 10 американцев. Причем имевший в этом году место «клинч» между президентом США и премьер-министром Израиля по поводу «ядерной сделки» с Ираном на это отношение практически не повлиял 5 . Тот же опрос показал, что это отношение к Израилю следует понимать не только в ценностном, но и оперативном контексте: большинство американцев по-прежнему считает Ближний Восток более важным для национальной безопасности США, чем любое другое место в мире. Что, как можно заметить, находится в явном противоречии с линией нынешней демократической администрации США на свертывание своего непосредственного присутствия в регионе.

Потому Б. Обаме, который явно в курсе настроений американцев и их представителей на Капитолийском холме, важно не остаться в общественном мнении в качестве лидера Америки, который, предъявляя Израилю непомерные и некорректные требования, нанес ущерб израильской (а следовательно, и американской) национальной безопасности. Помимо проблем, связанных с местом, которое он будет занимать в национальной истории. Б. Обама отдает себе отчет, что это обстоятельство в условиях набирающей в США ход предвыборной кампании может создать проблемы его наследнику на посту кандидата от Демократической партии на пост президента. (Наибольший шанс стать этим кандидатом, судя по опросам, пока имеет Х. Клинтон). В условиях того, что основные козыри на внешнеполитическом поле на сегодняшний день находятся в руках республиканцев, плавная передача президентского поста будет весьма затруднена без нахождения взаимопонимания в этом пункте с американской еврейской общиной и с упомянутым структурообразующим протестантским ядром американского общества.

Соответственно, для Б. Обамы важно не просто присоединить свой голос к словам любви к Израилю и солидарностью с еврейским государством, на которые не скупятся почти все кандидаты в обеих партиях и во время праймериз, и во время общенациональных выборов. Но и озвучить, пока он находится в Белом доме, некие гарантии и обязательства, которые бы предоставили материальное наполнение идее обеспечения национальной безопасности Израиля, став весомым аргументом в избирательной кампании его партии. Поэтому Б. Нетаньяху преподнес большой подарок Б. Обаме, когда по итогам своего визита заявил, что «несмотря на многочисленные разногласия, у Израиля нет более важного союзника, чем США», а президент делает всё, чтобы это партнерство сохранилось в стратегической перспективе. Очевидно, что Б. Обама, характер отношений которого с Б. Нетаньяху на протяжении последних семи лет ни для кого не был секретом, смог записать в свой актив немалый плюс.

В свою очередь, и у Б. Нетаньяху были свои мотивы поскорее выйти из затянувшегося «клинча» с президентом США, причем спасение репутации Б. Обамы среди этих мотивов было явно не на первом месте. Прежде всего израильский премьер и сам находится под огнём критики за подпорченные отношения с президентом США, а следовательно, и Америкой — сколько бы его сторонники ни говорили, что стратегическое партнерство США и Израиля диктуется долгосрочными интересами и совместными ценностями, которые не зависят от личных отношений хозяев Овального кабинета в Вашингтоне и канцелярии премьер-министра на иерусалимской улице Каплан. Тем не менее Б. Нетаньяху так и не удалось убедить критиков в том, что он не создал сложности для Израиля, поставив личный конфликт с американским президентом на уровень межгосударственных отношений.

Проявлением этой тенденции, по мнению тех экспертов, которым охотно предоставляли трибуну средства массовой информации, оппозиционные премьер-министру, стали события, имевшие место время операции «Несокрушимая скала» (приостановка полётов гражданской авиации в Тель-Авив и задержки, вопреки договорённостям, поставок ЦАХАЛу боеприпасов со складов американской армии в Израиле). А также длительный отказ в продаже Израилю сверхмощных авиационных бомб именно в тот момент, когда правительство Израиля активно мо-

билизовало внутреннее и международное общественное мнение против опасных, как представляется военно-политическому руководству страны, договорённостей с Ираном великих держав, предлагая, в том числе, и сохранение силовой опции. Вершиной этой тенденции и была упомянутая выше угроза Б. Обамы «пересмотреть варианты» отношений со своим ближневосточным союзником, которая была расценена как ответ на заявление Б. Нетаньяху, сделанное в ходе прошедшей в начале 2015 г. избирательной кампании в Кнессет, о том, что «в его каденцию палестинское государство создано не будет».

Эти жесты носили, как отмечалось, в основном символический характер (полёты через пару дней были возобновлены, вооружения поставлены, оборонные разработки по-прежнему финансируются, старые военные контракты продолжают выполняться в полном и даже расширенном формате и заключаются новые и т.д.). Тем не менее израильские СМИ продолжали утверждать, что у Б. Обамы есть неуёмное желание «наказать Израиль", а виноват в этом лично израильский премьерминистр. Понятно, что Б. Нетаньяху крайне важно показать своим сторонникам и оппонентам, что вся эта история осталась в прошлом.

Второй целью Б. Нетаньяху был ответ тем, кто обвиняет его в превращении Израиля из фактора надпартийного консенсуса в предмет межпартийной борьбы, то есть в деятельности на подрыв традиционного для американского политического класса восприятия идеи сотрудничества с Израилем, помощи ему и заботы о его безопасности как темы, находящейся выше фракционных противоречий, и объединяющей республиканцев и демократов даже в тех моментах, когда они не могли договориться ни по одному другому пункту. В этом пункте в вину премьер-министру его оппоненты вменяли вмешательство (по версии Белого дома) в президентскую кампанию 2012 года в США на стороне республиканского кандидата(что в окружении Б. Нетаньяху, понятно, опровергали). А также согласие на приглашение в Конгресс США, посланное лидером республиканского большинства вопреки возражениям Белого дома и Госдепа США, выступая в котором в марте 2015 г. Б. Нетаньяху подверг, пожалуй, наиболее жесткой критике линию американской администрации в отношении Ирана.

Традиционный аргумент премьер-министра и его приближенных в этом смысле сводился к утверждению, что также,

как израильская политика не является частным делом только израильтян, так и американская политика не является частным делом США. И потому у Израиля как одного из ближайших союзников Вашингтона есть право и обязанность высказать свое мнение по касающимся его вопросам не только администрации США, но и американским законодателям и общественности. Однако такие объяснения не выглядели слишком убедительными не только для левой оппозиции в Израиле, лидеры которой обычно настаивают на необходимости проявления правительством «максимальной гибкости» в отношении американских требований, но и в глазах немалого числа израильских правых, также видящих проблему в том, что Израиль занял позицию внутри американской политической борьбы.

Потому визит Б. Нетаньяху в ноябре 2015 г. должен был снять ошущение того, что однозначно произраильские настроения имеют лишь республиканцы, а для демократов данная тема постепенно становится неоднозначной. И похоже, что Б. Нетаньяху это в значительной степени удалось. В этом смысле показательным стал выбор платформы для почти непременного пункта американских визитов Б. Нетаньяху – публичного представления его видения путей разрешения арабо-израильского конфликта. На этот раз оно состоялось не в обычных для такого случая think-tanks, которых отличает «умеренная» (например, The Washington Institute for Near Eastern Policy) или акцентированная про-израильская позиция (таких как Heritage Foundation), а в близком к леволиберальному крылу Демократической партии США институте Research Center For American Progress. И именно там Б. Нетаньяху вновь объявил о своей приверженности принципу урегулирования конфликта Израиля с палестинскими арабами по модели «два государства для двух народов».

Таким образом, и Барак Обама, и Биньямин Нетаньяху – каждый по своим соображениям – пришли к выводу, что им нужно, как минимум, продемонстрировать, что личные конфликты остались позади, шероховатости сглажены и на текущий момент на персональном треке не существует никаких проблем. Так что в этом контексте в целом можно считать, что взаимоотношения Иерусалима и Вашингтона вернулись в традиционную плоскость, а существовавшие аномалии остались в прошлом.

Региональный дискурс

Иными словами, прошедшая встреча была win-win game, на которой оба лидера в личном плане получили почти все, что хотели. Однако преодоление тяжёлого тупика, в который вошли взаимоотношения двух политиков, был не единственной целью состоявшегося визита. Встреча двух лидеров принесла определенные плоды и в содержательной плоскости, включая три сюжета, по поводу которых на треке Иерусалим-Вашингтон в последние годы существовали немалые разногласия. Речь идет о проблеме иранской ядерной программы, достижении соглашения с палестинскими арабами и политике в отношении сирийского кризиса.

По поводу двух первых тем стороны явно договорились не договариваться. Б. Нетаньяху де-факто признал, что курс его правительства, пик которого пришелся на весну и лето 2015 года, на торпедирование неприемлемой для Израиля модели «ядерного соглашения» группы 5+1 с Тегераном завершился с куда более скромным результатом, чем он рассчитывал. Израиль, который, как отмечалось, был и остается основным критиком этого соглашения и особенно схемы его реализации, не смог полностью утвердить свое видение проблемы визави мировых держав. Однако его усилия все же стали фактором, который в своё время превратил тему военного компонента иранской ядерной программы из сугубо двусторонней проблемы в вопрос, находящийся в верхних приоритетах повестки дня крупных международных игроков, вынужденных, в конечном итоге, ввести экономические санкции против Тегерана. Благодаря чему Иран, как это видится многими, является сегодня страной, которая хотя и находится на грани получения ядерного оружия, но стоит перед необходимостью серьезно взвесить, стоит ли ей перейти эту грань. То, что такое политическое решение пока не принимается, является фактором той системы многостороннего давления, инициатором которого в своё время был Израиль.

В итоге Б. Нетаньяху вынужден на данном этапе удовлетвориться этим частичным успехом, который для двух лидеров имеет различное значение. В ситуации инвестирования в этот проект израильским премьером едва ли не львиной доли своих

политических ресурсов, это выглядит если не проигрышем, то в лучшем случае «боевой ничьей». А для Б. Обамы это является абсолютным успехом, позволяющим ему считать, что он успешно отработал выданную ему авансом Нобелевскую премию мира. Как бы то ни было, несомненным плюсом для Израиля, заключенным в данном пункте «перемирия», является существенное расширение возможностей создания единого фронта с США и прозападными суннитскими режимами для сдерживания региональных амбиций Ирана в регионе.

Стороны договорились не договариваться и на палестинской плоскости, молчаливо понимая, что выиграл Б. Нетаньяху. Б. Обама, одной из президентских амбиций которого было создание Палестинского государства, понимает, что в этом вопросе он потерпел неудачу. Ультимативное требование американцев кардинального продвижения путём замораживания и ликвидации поселений уже отошло в сторону, так что можно считать, что здесь Израиль выиграл «по очкам». Показательно, что накануне визита Б. Нетаньяху в США Госдеп США объявил о 22%-ном сокращении финансовой помощи ПНА, основываясь, в том числе, и на решении Конгресса США возложить ответственность за нынешний виток насилия на главу ПНА Махмуда Аббаса (Абу-Мазена).

По мнению израильских экспертов, эти факты говорят о постепенной потере Белым домом интереса к палестинской теме. В частности, как заметил обозреватель информационного агентства NRG (интернет-версия газеты «Маарив») Ариэль Кахана, «Нетаньяху больше не размахивает договором с Ираном, поскольку понимает, что этот бой им проигран. Он лишь напоминает об "агрессивности Тегерана и его сателлитов". С другой стороны, Барак Обама больше не заявляет о "создании Палестинского государства в течение года", как это было однажды провозглашено им с трибуны ООН. Американский президент говорит лишь о "поисках путей преодоления напряженности между Израилем и палестинцами и возобновлении переговорного процесса между обеими сторонами". Это тот максимум, к которому можно стремиться на сегодняшний день» 6.

Примерно в таком же духе оценил сложившуюся ситуацию и посол США в Израиле Дан Шапиро в своем выступлении на традиционной Дипломатической конференции, организованной газетой «Джерузалем пост». По его словам, американцы «в достаточной степени реалисты, чтобы признать, что решение по

модели "двух государств для двух народов" (the two-states solution) не только не будет достигнуто за оставшийся администрации Обамы срок, но и стороны вряд ли могут оказаться в ситуации начала переговоров». И по сути, все, что оставалось сделать, — это призвать лидеров «быть активнее и мыслить творчески, чтобы не скатиться к двунациональному результату, который угрожает еврейскому и демократическому характеру государства Израиль»⁷.

Он предупредил, что бездействие на израильскопалестинском дипломатическом фронте «потенциально может привести к "двунациональному результату", что грозит будущему Израиля как еврейского и демократического государства».

Реальный прогресс, похоже, имел место только в третьем, сирийском вопросе, где лидеры, судя по появившимся в СМИ данным, договорились по трём главным сюжетам. Первый сюжет — это то, что двухсторонние договорённости, достигнутые между Россией, активно вошедшей на «рынок урегулирования сирийского кризиса силовыми методами», и США, а также между Россией и Израилем, стали трёхсторонними соглашениями. Что, по мнению некоторых наблюдателей, создает некий «стратегический треугольник», в рамках которого появляется возможность позитивного обсуждения трех израильских требований, реализация которых имеет ультимативное значение для его безопасности.

Во-первых, предоставление гарантий того, что Иран не приблизится к израильским границам, то есть не будет дополнительного фронта Ирана против Израиля в Сирии. Во-вторых, признание за Израилем права на силовое пресечение поставок через Сирию «Хезбалле» и другим проиранским террористическим группировкам вооружений, способных изменить сложившийся баланс сил и интересов. И в-третьих, готовность принять идею, что любая модель сирийского урегулирования будет учитывать интересы безопасности Израиля.

Если понимание этих требований действительно имело место, то превращение двух- и трехсторонних договоренностей в часть приемлемого, как минимум, для трех региональных игроков комплекса урегулирования является главным успехом Б. Нетаньяху в ходе его визита в США. На этом фоне материальные «подарки», которые получил Б. Нетаньяху и которые мыслились ранее просто как средство «подсластить пилюлю»

игнорирования «группой 5+1» позиции Израиля в иранском вопросе, приобретают совершенно иную коннотацию.

Речь идет о выделении Израилю Соединенными Штатами 50 млрд долларов США в течение десяти лет, большая часть которых будет вложена в совместные технологические разработки, гарантирующие сохранение определяющего военнотехнологического перевеса Израиля над любыми потенциальными противниками. Что, несомненно, было и остается сдерживающим фактором и, как минимум, гарантией стабильности в этой части крайне неспокойного ближневосточного района. По данным источников в окружении главы правительства. в «компенсационный пакет» войдут также поставки самолетов F-35, дополнительные самолеты F-15, боевые вертолеты и компоненты противоракетных систем «Железный купол» и «Стрела», а также другие пункты, содержание которых не предается гласности. Как заметил бывший израильский министр иностранных дел Авигдор Либерман, «речь идет о новом вооружении, которое ранее мы не имели и даже не думали, что оно может у нас быть»8.

Еще важнее то, что все эти вопросы разрабатываются в контексте подготовки нового Меморандума о взаимопонимании США и Израиля, который должен быть принят вместо действующей версии Меморандума, срок которого истекает в 2017 году.

У этих процессов, впрочем, имеются и «подводные камни», главным из которых может вновь стать тема «продвижения палестино-израильского мирного процесса». На сегодняшний день идею возможности достижения каких-либо реальных договоренностей с Рамаллой провозглашает лишь левая израильская оппозиция. Причем, похоже, всерьез в это верят лишь в ультралевой партии МЕРЕЦ и на левых флангах левоцентристских Партии труда и «Есть будущее». Напротив, правая оппозиция правительству, функцию которой сегодня выполняет партия «Наш дом – Израиль» (НДИ) Авигдора Либермана, настаивает на схеме регионального урегулирования, альтернативной концепции норвежских соглашений, имея в виду лишение палестинских арабов статуса самостоятельного субъекта процесса в принципе. Наконец, правящий Ликуд и иные фракции, входящие в правоцентристское правительство Биньямина Нетаньяху, за исключением правого фланга коалиционного блока религиозных сионистов «Еврейский дом» Нафтали Беннета, в целом разделяют мнение премьера, что оптимальным

решением сегодня будет вообще не принимать никаких решений. То есть стремиться к сохранению геополитического статус-кво к западу от р. Иордан при поддержании некой иллюзии переговоров с ПНА/ООП на «медленном огне», в том случае, что «на той стороне» вообще есть с кем и о чем вести диалог (что совсем не факт).

Учитывая, что ведение темы переговорного процесса Израиля и ПНА Б. Обама перепоручил своему госсекретарю Джону Керри, он предполагает корректно задвинуть этот сюжет в дальний угол своей повестки дня, оставив разбираться с ним своему преемнику - что вполне укладывается в видение команды Б. Нетаньяху. Но не исключено, что в какой-то момент оставшегося до конца своей второй каденции года Барак Обама увидит появление нового «окна возможностей» в прорыве на палестино-израильском треке и инициирует новый виток давления на Иерусалим и Рамаллу. И хотя итог такого гипотетического развития событий будет предсказуем заранее, это поставит Б. Нетаньяху перед необходимостью либо вновь вступить в конфронтацию с Белым домом, мобилизуя для этого все имеющиеся ресурсы, включая размораживание «иранского трека», либо решиться на предложенный американцами новый эксперимент, что потребует переформирования его правящей коалиции (например, замены «Еврейского дома» на одну из левоцентристских партий), что в свою очередь откроет широкие перспективы для очередных правительственных кризисов и новых досрочных выборов.

Но пока и в Иерусалиме, и в Вашингтоне предпочитают говорить о взаимном сближении, вероятно предполагая в непредвиденном случае прибегнуть к испытанному методу решения проблем по мере их поступления.

¹ YoramEttinger.US-Israel cooperation defies Obama-Netanyahu confrontation // Israel Hayom, 27.03.2015.

² Ben Kaspit. Israel goes back to business as usual in post-Iran deal era // Al-Monitor, 28.10.2015.

³ Orly Azoulay. Netanyahu learned his lesson // Ynet, 10.11.2015.

⁴ Dina Smelt and Craig Kafura. American Anxiety over Middle East Buffets Public Support for US Presence in the Region //The Chicago Council on Global Affairs, 09.11.2015.

http://www.thechicagocouncil.org/publication/american-anxiety-over-middle-east-buffets-public-support-us-presence-region

⁵ Цит. по: Yoram Ettinger. US-Israel relations: downturn or upturn? // *Israel Hayom*, 13.11.2015.

⁶ Ариэль Кахана. После [сделки по] ядерной программе Обама и Нетаньяху нашли общий знаменатель //NRG, 09.11.2015 (на иврите), http://www.nrg.co.il/online/1/ART2/736/530.html?hp=1&cat=479.(Русск ий перевод: "Что стало причиной сближения позиций Обамы и Нетаньяху?", Cursor info, 12 ноября 2015).

⁷ Цит. по: US ambassador to Israel warns against "bi-national outcome" // Jerusalem Post, 18.11.2015.

⁸ Цит. по: Евгений Сова. Обама – Нетаньяху: сотрудничество, несмотря на раздоры //Русская служба ВВС, 10.11.2015.

Владимир (Зэев) Ханин

ИЗРАИЛЬ, РОССИЯ И ТУРЦИЯ: ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ВЕКТОРЫ ИЛИ СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ?

В среду, 29 июня 2016 года, мировые информационные агентства сообщили об инициированном российской стороной первом за прошедшие семь месяцев телефонном разговоре между президентом России Владимиром Путиным и президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Этот контакт на высшем уровне стал возможен после получения от Анкары письма с выражением сожаления о сбитом в ноябре 2015 года турецкими ВВС российском бомбардировщике Су-24. Этот инцидент, как известно, имел место на фоне столкновения интересов России и Турции в Сирии и стал фактором перехода в открытую стадию глубокого кризиса во взаимоотношениях двух стран.

За последующие месяцы стороны обменялись немалым числом весьма резких заявлений в адрес друг друга, и потому сожаления Эрдогана (по поводу которых комментаторы спорят - идет ли речь о соболезнованиях семье погибшего пилота, или об извинениях перед Россией) были в немалом числе СМИ поданы как «сюрприз». В Израиле, однако, этот шаг был, скорее, ожидаем после того, как вниманию общественности был предложен другой «сюрприз», связанный с итогами недавнего государственного визита премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в Москву. На совместной пресс-конференции президент России, отвечая на вопрос о реакции российского руководства на возможную нормализацию отношений между Израилем и Турцией, которые на протяжении последних 6-7 лет находились в состоянии жесткой конфронтации, заявил, что к этому шагу Россия относится позитивно. Ибо, чем меньше российские партнёры будут иметь проблем со своими соседями, тем лучше это будет отражаться на двухсторонних отношениях Иерусалима и Москвы.

Все это, судя по всему, является внешней индикацией процессов, которые были запущены месяцы тому назад. Ещё зимой автор этих строк слышал из уст информированного российского эксперта об имеющихся в Москве надеждах на то, что посредничество, или, скорее, действия Израиля могут сыграть свою роль в деле примирения РФ и Турции. Очевидно, что российско-турецкий конфликт нанес колоссальный экономический и политический ущерб Турции. Но этот конфликт принес немалые издержки и российской стороне. Особенно в таких сюжетах, как взаимный товарооборот, строительство, туризм, проекты транспортировки газа и прочие экономические интересы РФ¹. А также в контексте стратегического расклада в районе Средиземноморья и на Ближнем Востоке, включая сирийский кризис, равно как и комплекс вопросов, связанных с взаимоотношениями со странами ЕС и НАТО. Кроме того, конфронтация между Россией и Турцией, по мнению экспертов, обозначила потенциальные точки риска не только на Ближнем Востоке, но и за его пределами, включая разделение Кавказского региона на два блока, с перспек-Анкара-Баку-Тбилиси. тивой формирования конфигурации противостоящей оси Москва-Ереван-Тегеран².

Индикаторов того, что обе стороны были заинтересованы в поиске формулы, которая позволит им, примирившись, сохранить лицо, в последние месяцы было немало. И, вероятно, процесс стал выходить на финишную прямую как раз в ходе государственного визита в Москву премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, когда сюжеты, связанные с нормализацией турецко-израильских отношений стали частью пакета российско-израильских договорённостей. Тем самым, даже если принять (не очевидную, по нашему мнению) версию тех, кто считает, что Турция использует переговоры с Израилем для давления на Россию и Иран, нормализация отношений Иерусалима и Анкары стала не просто прологом, но в каком-то смысле условием нормализации на векторе отношений Турции с Москвой.

Турецкая перспектива

Что же заставило Турцию, прежде всего, договориться с Израилем? На то было как минимум три причины.

Первой причиной является провал внешнеполитической доктрины «неосманизма», выдвинутой Р.Т. Эрдоганом в качестве альтернативы прежнему «европейскому вектору» турецкой политики. Эта политика содержала заявку на доминирование в зоне стран Средиземноморья, ранее находившихся под оттоманской властью, и уже в этом качестве - на статус одного из главных игроков в арабо-исламском мире и в глобальной политике в целом. Очевидный провал этой доктрины выразился в том, что объявленная Анкарой в ее рамках «нулевая конфликтность» с соседями превратилась в конфликт не только с Израилем, но и со всеми соседями. Включая как традиционных противников и соперников - Грецию, Кипр, Иран, армян и курдов, так и других, помимо правительства Эрдогана, претендентов на доминирующую роль в суннитском мире – с Египтом и Саудовской Аравией. И с Россией, вхождение которой на сирийское поле на стороне правительства Асада, к свержению которого уже полдесятилетия прилагает усилия Анкара, как отмечалось, в конечном итоге привело к прямому столкновению двух держав, имеющих мировые и региональные амбиции.

В итоге, новая политическая линия Анкары, потребовавшая от нее вложения огромных финансовых, политических и дипломатических ресурсов, принесла ей больше издержек, чем выгод, спровоцировав тенденцию почти тотальной изоляции Турции — как в региональной, так и в европейской политике. Все это не могло не стимулировать политическое руководство этой страны как можно скорее погасить хотя бы часть существующих конфликтов.

Срочный выход из почти тотальной изоляции, в которой оказалась Турция, потребовал резкого изменения курса в наиболее, пожалуй, чувствительном пункте стратегии «нео-османизма», с которой, в сущности, и началась ее реализация. А именно, отношения с Израилем, сворачивание стратегического партнерства с которым в свое время мыслилось Эрдоганом как естественный путь завоевания авторитета в глазах арабских стран и народов. Собственно, «первым звонком» был сам приход в 2002 году к власти в Турции эрдогановской Партии справедливости и развития (ПСР), лидеры которой считали братьями не евреев, а «Братьев-мусульман», включая их палестинский филиал ХАМАС. Уже вскоре после этого стало понятно, что охлаждение, а потом и разрыв выстраиваемых со времен Д.Бен-Гуриона и К.Ататюрка отношений партнерства

двух национально-этатистских режимов (один из которых, Израиль, с тех пор активно эволюционировал в сторону полноценной либеральной демократии), был вопросом времени и повода.

Поводом стала антитеррористическая операция ЦАХАЛа в секторе Газа «Литой свинец» на рубеже 2008–2009 гг. Резкая реакция Анкары на эту операцию, среди прочего, была следствием продвигаемой в рамках концепции «неоосманизма» заявки на символически важную в арабском мире роль главного покровителя палестинских арабов. А постепенное наращивание Турцией критики Израиля приняло характер демонизации еврейского государства.

Это было понятно еще некоторое время назад. Но сейчас появился острый конфликт с ЕС, в связи с т. н. «кризисом сирийских беженцев», который в конечном итоге привел к тому, что Анкаре понадобилось срочно налаживать отношения с европейскими столицами. Если раньше у Эрдогана идея восстановления «сферы влияния» Османской империи была связана с желанием понравиться арабам, и нужно было для этого поссориться с евреями, то теперь, чтобы вернуться и как-то наладить отношения с европейцами, нужно с евреями помириться. Понятно, что он сильно переоценил, например, антисионизм Европы, влияние ультралевого и исламского лобби в ЕС, не понимая, что, при всех острых конфликтах между европейцами и израильтянами, это все-таки «ссора внутри семьи». Потому, как полагают обозреватели, Турция нуждается в Израиле, чтобы «перезагрузить» отношения с США и ЕС, а заодно, в свете начала разработок значительных запасов газа на израильском шельфе, снизить энергетическую зависимость от России с помошью диверсификации источников поставок энергоносителей.

Второе обстоятельство связано с тем, что если конфликт с Израилем будет углубляться, то итогом станет завершение оформления антитурецкого блока по оси «Иерусалим — Никосия — Афины», куда, возможно, добавятся также и София и Бухарест. Следующим его шагом будет признание Израилем курдской независимости, причем вслед, а возможно — и параллельно с которым на тот же шаг могут пойти США и ЕС. Если так же поступит симпатизирующая курдам Россия, то для турок наступят не лучшие времена. Особенно если Эрдоган, настроив против себя всех, в конечном итоге останется один на один с последствиями сирийского кризиса.

В-третьих, большую потребность в восстановлении какогото уровня сотрудничества с Израилем испытывает турецкая армия — по-прежнему численно одна из крупнейших и качественно одна из лучших армий Ближнего Востока. Но после чисток генералитета и 5—7 лет отсутствия у нее привычных ранее израильских технологий, комплектующих, запчастей, боеприпасов и т. п. превратившаяся в армию, способность которой вести победоносный блицкриг находится под сомнением. В случае непосредственного вовлечения, например, в сирийский кризис, она рискует войти в затяжные боевые действия. А это, в конечном счете, как мы знаем на многих аналогичных примерах, может означать непростые внутренние потрясения, и не исключено — конец режима. Поэтому на сегодняшний день туркам решить проблему нужно как можно скорее.

В свете этих обстоятельств политика Турции по отношению к Израилю должна развернуться на 180 градусов: в Анкаре не без основания предполагают, что восстановление европейского вектора, как способ выйти из спровоцированного «неоосманизмом» внешнеполитического кризиса, невозможно без того или иного примирения с Иерусалимом. Но это примирение было невозможно без разрешения, пожалуй, наиболее чувствительного пункта противостояния двух стран. Он связан со спонсорством официальной Анкарой резонансной антиизрачильской провокации — организованной радикальными исламистами и ультралевыми группировками т.н. «Флотилии свободы», которая в мае 2010 года отправилась на прорыв блокады сектора Газа, в котором власть захватила исламистская радикальная группировка ХАМАС и превратила его в плацдарм для регулярных террористических вылазок против Израиля.

Перехват израильским морским спецназом «флагмана» этой флотилии — турецкого судна «Мави Мармара» и ликвидация девяти из атаковавших бойцов ЦАХАЛа вооруженных активистов турецкой исламистской организации ІНН, стал пиком политико-дипломатического кризиса между двумя странами. Условиями его разрешения с тех пор Эрдоган называл три ультимативных требования к Израилю: принесение Иерусалимом официальных извинений Турции, выплата компенсации семьям погибших турецких боевиков и снятие блокады с сектора Газа. Что правительство Израиля делать отказывалось в принципе, до того момента, как президент США Барака Обамы, во исполнение предложенной в начале его второй каденции новой схе-

мы управления кризисом в регионе путем координации действий всех местных партнеров США, ультимативно потребовал от Б. Нетаньяху и Р.Т. Эрдогана примириться. Уступая этим настояниям, премьер-министр Израиля выразил «сожаление» о гибели турецких граждан (фактически возложив вину за это на организаторов данной провокации), и готовность выплатить компенсации семьям погибших, но не как признание своей вины, а в качестве «гуманитарного жеста» и, разумеется, не в затребованном турецкой стороной размере.

Эрдоган, который тогда отверг эти предложения как недостаточные даже в качестве предварительных условий о начале переговоров о нормализации отношений с Израилем, три года спустя стал посылать сигналы о том, что он готов признать, что именно это он имел в виду, выдвигая свои ультимативные требования. А также, что готов согласиться на замену лозунга «немедленного снятия блокады» Газы существенно более скромной схемой — согласием Израиля на «особую роль Анкары в улучшение гуманитарной ситуации» в этом управляемом ХАМАСом анклаве.

То есть, турецкое руководство выразило готовность снять острую фазу конфликта с Израилем фактически на любых, но позволяющих ему «сохранить лицо», условиях, и уже имея в тылу израильскую готовность к примирению, завершить решение проблемы на российском поле. Случайно или неслучайно, «как бы извинения» Эрдогана Москве за сбитый российский бомбардировщик, и готовность оказать «гуманитарную помощь» семье погибшего российского пилота (например, подарить им дом в турецком курорте Кемер) стали чуть ли не точной копией «как-бы извинений» и «гуманитарных жестов» Нетаньяху в адрес Турции. Иными словами, то, что происходит сегодня, турки были готовы делать и год, и два назад, но лишь сейчас готовность взвесить новые турецкие предложения изъявили в Израиле и в России.

Израильская перспектива

При этом, идея примирения с Турцией в самом Израиле воспринимается отнюдь не однозначно. Это показал и опрос общественного мнения, опубликованный через день после того, как 28 июня в Анкаре заместитель министра иностранных

дел Турции Фиридун Синирлиоглу и генеральный директор МИД Израиля Дори Гольд подписали соглашение о принципах урегулирования конфликта. Итак, 3/4 израильских евреев выступают против восстановления отношений с Анкарой (в то время как половина израильских арабов - за). В израильском политическом истеблишменте соотношение оказалось иным, и, судя по всему, соответствует распределению мнений десяти членов военно-политического кабинета. Семь из них, включая премьер-министра и трех министров от правящей правоцентристской партии Ликуд, лидера партии сефардских религиозных ортодоксов ШАС и министра внутренних дел Арье Дери, и двух министров от центристской партии «Кулану» - министра финансов Моше Кахлона и Йоава Галанта - поддержали достигнутый вариант соглашения, а 3 министра, включая главу Минобороны и лидера "правой светской" партии НДИ Авигдора Либермана и обоих министров от правой религиозной партии «Еврейский дом» - Нафтали Беннета и Айелет Шакед, выступили против него.

Аргументы сторонников соглашения, помимо несколько абстрактного заявления, что «Израиль не может себе позволить неопределенно долго поддерживать конфликтные отношения с одной из важных стран Ближнего Востока», в сущности, сводились к двум пунктам. Первый, Израиль и Турцию связывают обширные и многоплановые экономические интересы, дополнительным фактором чего является готовность турок стать надежным и стабильным рынком сбыта газа, найденного на израильском шельфе. Причем, речь идет не только о поставках энергоносителей в саму Турцию, но и о турецком интересе и готовности стать хабом для их транспортировки дальше в Европу, что, как считается, будет дешевле создания соответствующей инфраструктуры в обход этой страны.

Второй аргумент: даже если договор и является неидеальным, Израилю не следует упускать «окно возможностей» (которое может вернуться нескоро) для его подписания на условиях, существенно более близких к позициям Иерусалима, чем Анкары. Действительно, от трех прежних ультимативных требований Эрдогана, лишь при выполнении которых, по его ранним заявлениям, было возможно восстановление отношений с Израилем, на практике почти ничего не осталось. Ни Нетаньяху, ни кто-либо иной от имени Израиля не «умолял о прощении» — было лишь выражено сожаление по поводу того, что «погибли

люди». Согласованный транш в 21 миллион долларов будет выплачен не как компенсация семьям убитых турецких исламистов, а как гуманитарный жест Израиля в пользу некоего фонда, который будет специально создан в Турции.

И самое главное — Эрдоган был вынужден де-факто снять свое третье ультимативное требование — деблокировать Газу (о чем свидетельствует хотя бы реакция лидеров ХАМАСа, характеризующих этот шаг Анкары не иначе как «нож в спину со стороны турецкого союзника»). Товары — продовольствие, текстиль, детские игрушки и т.п. — которые согласно достигнутой договоренности, Турция может поставлять в Газу, будут разгружаться не в самом секторе, а в порту израильского города Ашдод, где они будут досматриваться и транспортироваться в Сектор. (В скобках заметим, что именно через этот порт, а также через порт Хайфы после блокирования сирийского и иракского канала, осуществляется львиная доля турецкого экспорта в страны Азии).

Понятно, что никакой погоды турецкие поставки в сектор Газа не сделают. Установленный Израилем (и Египтом) режим блокады Сектора касается лишь противодействия контрабанды туда оружия и материалов для производства боеприпасов (включая ракеты, которыми боевики ХАМАСа периодически обстреливают южные районы Израиля), притом, что еврейское государство продолжает почти бесперебойно снабжать Газу водой, электроэнергией, денежной наличностью, лекарствами, стройматериалами и товарами гуманитарного назначения. Однако, этот почти символический акт позволит Турции заявить, что она «главная» в деле улучшения гуманитарной ситуации в секторе Газа и, тем самым, что якобы «Сектор разблокирован».

Сторонники соглашения полагают, что это заявление можно будет интерпретировать в пользу Израиля, как свидетельство его «окончательного расставания» с сектором. Что позволит, наконец, снять абсурдную ситуацию, состоящую в том, что сектор Газы в глазах ООН и прочих международных организаций продолжает считаться территорией, «оккупированной Израилем», который, соответственно, подвергается достаточно жесткому давлению с их стороны. И это после того, как Израиль в рамках политики т.н. «одностороннего размежевания с палестинскими арабами», летом 2005 года, освободил территорию Газы «до последнего сантиметра», ликвидировав нахо-

дившиеся там еврейские поселения и базы ЦАХАЛа. (При этом оставив нетронутой созданную израильтянами налаженную систему промышленных и сельхозпредприятий, которые тут же были разграблены и разрушены арабскими жителями Сектора, но это уже другая история).

Однако по мнению противников того варианта соглашения с Турцией, который был представлен общественности, успех такого хода будет сомнительным, а издержки – вполне очевидными. Израиль не только позволит Эрдогану набрать политические очки на «разблокировании» Сектора (в дополнение к снятию требования Иерусалима закрыть действующие на территории Турции штаб и базы ХАМАСа в обмен на запрет Анкары подавать международные судебные иски от имени турецких граждан против израильских военных, принимавших участие в операции по перехвату «Мави Мармара»). Но и сам отчасти дезавуирует один из немногих своих дипломатических успехов на поле ООН, как правило, автоматически принимающей строну арабов, в вопросах, касающихся их конфликта с Израилем. А именно, выводы назначенной ООН комиссии, изучавшей инцидент с «Флотилией свободы», и пришедшей к выводу, что блокада Израилем сектора Газа – и, следовательно, усилия по предотвращению ее прорыва – является правомерной. Сложно сомневаться в том, что турки будут делать все от них зависящее, чтобы представить дело таким образом, что Израиль признал вину, ибо он выплачивает компенсацию. (Заявление приближенного к Нетаньяху, министра без портфеля и бывшего главы парламентского комитета по иностранным делам и обороне Цахи Анегби, что речь идет не о признании вины, а о принятой в регионе практике «компенсации за кровь» как способе урегулирования конфликтов, кто бы ни был их инициатором, явно убедило не всех). То есть. «сдав», по сути, почти все свои позиции, и приняв почти все условия израильской стороны, Эрдоган может в «войне имиджей», каковая на Ближнем Востоке является не менее важной вещью, чем реальная, горячая война.

Но и эти соображения являются не главными в арсенале тех, кто полагает, что Израиль поторопился пойти на сделку с Турцией даже на этих, «щадящих», по мнению ее сторонников, условиях. Главный аргумент противников соглашения с Анкарой таков: Эрдогану нужно потепление с Израилем, лишь затем, чтобы выбраться из дипломатического и стратеги-

ческого капкана, в который он сам себя загнал. И что как только эта проблема будет им, в том числе и с помощью Израиля, решена, никаких моральных сдерживающих факторов для того, чтобы, если это ему покажется выгодным, начать новый виток конфронтации с Иерусалимом, у него не будет. Поэтому шансов на то, что Турция станет таким же надежным партнером, как это было 10—15 лет назад, крайне немного. На уровне общественного мнения такая оценка ситуации соответствует позиции тех, кто полагает неэффективным и нелогичным «протягивать руку провалившемуся исламисту Эрдогану, как в свое время протянули руку уже полностью дискредитированному Ясиру Арафату, мало что получая взамен».

Наконец, критики договора с Турцией предлагают обратить внимание не только на его гипотетические долгосрочные издержки, но и на вполне конкретные оперативные проблемы, которые может получить Израиль уже сейчас вследствие этого соглашения. Во-первых, оно может негативно сказаться на нынешнем весьма тесном и имеющем стратегическую ценность для двух стран сотрудничестве между Израилем и Египтом в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. В Каире, по идее, должны без восторга отнестись к получению Эрдоганом. союзником прежнего правительства «Братьев-мусульман», свергнутого командой нынешнего президента Египта А.Ф. ас-Сиси, «особого статуса» в секторе Газа. Поскольку он вполне правомерно воспринимается египтянами ресурсным центром действующей на Синайском полуострове исламистской террористической инфраструктуры, и потому жестко запечатанном с египетской стороны.

Во-вторых, возможные (и очевидные не для всех) экономические выгоды «газовой составляющей» турецкого пакета в глазах критиков израильско-турецкого сближения не перевешивают политических и стратегических потерь отказа от завершения формирования упомянутого выше блока Израиль-Греция-Кипр-Балканские страны. (С перспективой присоединения к нему врага турок — и потенциального союзника Израиля в Восточном Средиземноморье — Курдистана). Этот блок сторонники этого взгляда полагают более перспективным, чем ось Иерусалим-Анкара, каналом военного и экономического сотрудничества, включая транспортировки газа, найденного также и в территориальных водах Кипра. Предлагая при этом не опасаться того, что этот план сорвет обещанное в случае

«примирения» Израиля и Турции масштабное экономическое сотрудничество двух стран. Ибо их экономическое партнёрство – понятно, не от большой взаимной любви, а по чисто деловым причинам – развивалось, несмотря на напряженные отношения, включая двукратный рост товарооборота с момента начала дипломатического кризиса.

Наконец, до самого последнего времени было не очевидно, как израильско-турецкое «потепление» в условиях конфликта Турции с Россией будет воспринято в Москве. В свете того, что Россия является поставшиком более 50% процентов потребляемого Турцией газа и потенциальным мажоритарным участником других планируемых Анкарой энергетических проектов, это критическая для экономической и социальной устойчивости страны сфера рассматривалась Москвой как канал эффективного давления на правительство Эрдогана. И потому, поскольку израильскую газовую альтернативу для Турции могли воспринять в Москве как недружественный шаг, возникал вопрос, стоит ли Израилю возлагать непросто достигнутое взаимопонимание с Россией по ряду вопросов, актуальных для безопасности еврейского государства, включая договоренности о «размежевании интересов» в сирийском кризисе, на кон неопределенных перспектив возобновления партнерства с Анкарой.

Предварительные выводы

Удивившие многих (но не тех, кто уже несколько месяцев ожидал чего-то подобного) заявления президента России и премьер-министра Израиля на их совместной майской прессконференции в Москве, видимо, показывают, что все отмеченные выше сюжеты более не являются фактором сугубо двухсторонних действий. Готовность россиян и турок пересмотреть контекст отношений может свидетельствовать о том, что взаимоотношения Анкары и Москвы являются одной из сторон сложной многоходовой комбинации, в которой будут учтены отношения Израиля и Турции, интересы вектора Иерусалим-Никосия-Афины, сторон, вовлечённых в той или иной мере в сирийский конфликт, российско-израильский вектор и тема сектора Газы.

Элементами этой многоходовой схемы, с одной стороны, является возможная готовность Израиля и России сотрудни-

чать, а не конкурировать на турецком треке транспортировки энергоносителей в Европу. С другой стороны, при том, что Никосия увязывает строительство газопровода, по которому израильский газ будет подаваться в Турцию с нормализацией взаимоотношений между Республикой Кипр и Северным Кипром, там же заявляют, что диалог Турции и Израиля «ни в коей мере не отменяет энергетические программы с Иерусалимом». А также утверждают, что «соглашение Израиля с Турцией не повлияет на стратегические и братские, родственные отношения между Кипром и Израилем».

Наконец, пока многозначительно молчит и египетский президент А.Ф. ас-Сиси, что оставляет место для спекуляций, в какой мере, если вообще это возможно, Египет является частью этой договоренности. Однако, еще в марте с. г. информированный обозреватель газеты «Маарив» Йоси Мельман³ утверждал, что решение проблемы Газы и правящего там ХАМАСа может быть найдено в рамках трехсторонней пакетной сделки Израиля, Турции и Египта. Причем задавать тон здесь будут Иерусалим и Каир, для которых их нынешний стратегический союз на порядок важнее, чем отношения с Турцией.

Что касается самой Турции, то ее «перезагрузка» с Израилем и Россией отнюдь не означает решения всех проблем и на других фронтах. Эрдоган пока сделал лишь первый шаг по пути к выходу из изоляции, и несколько стабилизировал международное положение Турции. Дальнейшие шаги по упрочению положения Анкары на арабском, иранском, курдском, европейском полях будут иметь для Эрдогана свою внутри- и внешнеполитическую цену.

Наиболее болезненным для Анкары может стать европейский трек: несмотря на все усилия, для Эрдогана дорога в Европу, судя по всему, пока закрыта. Его идея, что он договорится с Израилем и европейцы отроют ему объятия, сильно переоценена точно так же, как он в свое время переоценил перспективу того, что ссора с Израилем моментально подвигнет арабов признать его новым турецким султаном с соответствующими правами на доминирование в бывшей сфере Османской империи.

Выдвижение и провал концепции «неоосманизма» негативно повлиял и на прежде бесспорный статус Турции в тюркском мире. Его ведущие представители – такие как Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан и Азербайджан долгое время рассматривали

Турцию в качестве «старшего брата», а турецкую модель как наиболее приемлемую для политического устройства этих постсоветских мусульманских республик. При этом, большинство постсоветских государств с титульными тюркоязычными нациями, при всём их уважении к исламской традиции, являются государствами светскими, и с опасением относятся к «мягкому политическому исламизму», выбор в пользу которого был сделан в Турции, и который лидеры этих стран считают возможным путем к исламскому радикализму. И все же эти опасения оставались внутренней проблемой, которая перестала быть таковой в свете вспыхнувшего российско-турецкого конфликта, в ряде случаев поставившего руководство постсоветских мусульманских республик перед выбором между турецкой моделью и полноценным партнёрством с Россией.

Не факт, что турецкий «реверанс» Москве вернет ситуацию на круги своя. С одной стороны, сама необходимость такого выбора сильно раздражала лидеров стран Центральной Азии, и коль скоро ситуация с изоляцией Турции разрешена, определённая часть из них вздохнёт с облегчением. С другой стороны, за это время сложного маневрирования Турции, они стали привыкать к мысли, что сами могут быть альтернативными центрами силы в тюркском мире, и в блоке умеренных исламских стран. Поэтому возвращение Турции в качестве полноправного центра силы с заявкой на доминирование во всех этих аспектах, возможно, не будет принято с восторгом. Сегодня связи постсоветских и ближневосточных стран охватывают существенно большее число субъектов и сетей многообразных интересов, чем это было десять-пятнадцать лет назад.

Одним из проявлений этого процесса стал фактический отказ некоторых центральноазиатских лидеров занять «консолидированную» с Москвой позицию в момент острого российскотурецкого противостояния, и таким же образом они сегодня не спешат вновь выстроиться в кильватер Анкары. В этом и иных случаях результат взаимовлияния системы незамкнутых многосторонних фигур будет иметь много вариантов, прогнозировать которые не представляется возможным.

Но и на израильском и российском направления, где, казалось бы, наметился прогресс в отношениях, немедленных прорывов, по мнению экспертов, пока еще не предвидится. Что касается Израиля, то многие израильские аналитики полагают,

что ждать возвращения сотрудничества между двумя странам к состоянию до 2010 года нереалистично, особенно в сфере оборонной тематике. По мнению израильского военного источника, которого цитирует израильское экономическое издание «Глобс», что «военное сотрудничество это не турецкие отели по формуле "всё включено". Восстановление связей займет многие годы... и даже тогда вряд ли удастся вернуться к прежнему уровню сотрудничества. Израильская военная промышленность научилась жить без турок. Соответственно, могут быть кое-какие военные сделки, но, понятно, не того объема и не того уровня продвинутости вооружение, которые позволяло Минобороны Израиля в "тучные годы" партнерства с Турцией». 4 Имеется и скепсис в отношении совместных газовых проектов в частности, строительства газопровода в Турцию и продаже газа с месторождения «Левиафан», в котором Турция будет меньше заинтересована, чем в дешевом иракском и азербайджанском газе.

Близка ситуация и на российском треке, хотя и там игра не идет «с нулевой суммой» — она позволяет говорить о большем или меньшем выигрыше каждой из сторон. «Россия должна все понять и простить? — задается вопросом директор Центра изучения Ближнего Востока и Центральной Азии Семен Багдасаров. — Прежней дружбы не вернуть, но союзник, с которым удастся выстроить отношения, четко прописанные в договорах и контрактах, нам (России) нужен» 6

В целом, пока сложно сделать окончательный вывод о том, являемся ли мы свидетелями частичных шагов и пересечения достаточно случайных процессов, в рамках которых каждый из вовлеченных в них субъектов так или иначе вынужден адаптировать свои интересы и возможности к возникшей ситуативной реальности. Либо – об изначально задуманной программе выстраивания некой схемы регионального сотрудничества и коллективной безопасности субъектов, не всегда готовых взаимодействовать друг с другом напрямую. Но даже если верна вторая гипотеза, вряд ли речь пока может идти об устойчивой и пластичной конструкции, скрепленной системой общих ценностей и почти идентичных интересов. Тем более что ее «триггер» (инициативный элемент) - израильско-турецкое «примирение» отличает весьма низкий уровень взаимного доверия, а перспективы развития достаточно туманны. Однако, не исключено, что эта конструкция, если она сформируется, по крайней мере сможет более оперативно реагировать на локальные конфликты и решать проблемы *ad hoc* — что в ситуации, которую переживает Ближневосточный регион, может быть совсем немапо.

.

http://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3

¹ Подробнее см. Яна Милюкова, Полина Химшиашвили, Анна Левинская, Тимофей Дзядко, "Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте", РБК, 28/06/2016,

² Сергей Маркедонов, "Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона", *Россия в глобальной политике*, 30 мая 2016

³ См. Йоси Мельман, "Прорвать изоляцию: Турция слаба, и потому заинтересована во взаимоотношениях с Израилем", Маарив, 01/03/2016 (на иврите)

⁴ Yuval Azulay, "Israeli defense cos not rushing back to Turkey", *The Globes*, 29/06/2016.

www.globes.co.il/en/article-is raeli-defense-cos-not-rushing-back-to-turkey-1001135922

⁵ Ави Бар-эли, "Решат Россия и Иран: все, что вам не сказали об экспорте газа в Турцию", *The Marker*, 28.06.2016,

www.themarker.com/dynamo/1.2989379 (на иврите)

⁶ Цит. по: «Эрдоган заигрался»: почему Турция пытается вернуть доверие России, НТВ, 03.07.2016, http://www.ntv.ru/novosti/1640425/

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ ПО СМЕНЕ НЕУГОДНЫХ РЕЖИМОВ

Сирийский конфликт, продолжающийся 5 лет, стал одним из наиболее разрушительных со времен геноцида в Руанде¹. Более 250 тыс. погибших, более 6 млн внутренне перемещенных лиц, 4,8 млн беженцев². Выведены из строя практически 40% медицинских учреждений³. За период с марта 2011 года в ходе конфликта было убито в общей сложности 87 гуманитарных работников. В это число входят 17 сотрудников Организации Объединенных Наций, почти сотня сотрудников и добровольцев Сирийского общества Красного Полумесяца, 8 добровольцев и сотрудников Палестинского общества Красного Полумесяца и 9 сотрудников международных НПО⁴. Конфликт также приобрел ярко выраженный межконфессиональный характер. Вкупе с беспрецедентным всплеском террористической угрозы в САР кризис сопровождался массовыми казнями и расправами с представителями конфессиональных меньшинств – христиан, алавитов, езидов.

Параллельно с раскручиванием спирали насилия в течение пяти лет конфликта продолжались «баталии» и на международной арене по вопросу о том, как должен быть урегулирован сирийский конфликт. Если США, Турция, КСА, Катар, Великобритания, Франция и др. требовали немедленной отставки президента САР Б.Асада и поддерживали антиправительственные силы, включая экстремистов, то Россия, Китай, Иран, Ирак и др. настаивали на необходимости сохранения государственных институтов САР и обеспечения преемственности их работы, говорили о недопустимости насильственной смены власти, в качестве приоритета выдвигали борьбу с терроризмом.

230

^{*} Мария Сергеевна Ходынская-Голенищева, к.и.н., сотрудник Постоянного представительства России при ООН и других международных организациях в Женеве. Автор 18 публикаций, в т.ч. двух монографий.

Существование формата, в котором присутствовали все заинтересованные государства (Международная группа поддержки Сирии, в которую вошли наиболее влиятельные с точки зрения сирийского конфликта страны, включая регионалов⁵), не было способно сгладить противоречия, а американцы и их союзники из числа региональных и некоторых европейских государств никогда не отказывались от принципиальных установок по свержению Б.Асада.

В этих условиях казалось, что именно гуманитарная сфера должна предоставить международным игрокам, находящимся в политическом плане «по разные стороны баррикад», возможность объединиться вокруг решения задачи облегчения бедственного положения мирного населения и принуждения воюющих сторон соблюдать нормы международного гуманитарного права.

Однако в случае с Сирией гуманитарная составляющая конфликта никогда не была «вне политики». Наоборот, она использовалась «антиасадовским» лагерем в качестве инструмента реализации стратегии по смене режима. Большинство продвигавшихся США и их союзниками проектов в гуманитарной сфере было направлено на достижение двух целей: получить дополнительные рычаги политического давления на Дамаск и помочь радикальной сирийской оппозиции и боевикам, орудующим «на земле». Именно поэтому все их требования носили крайне политизированный характер, а некоторые инициативы напрямую входили в противоречие с международным правом, нарушая суверенитет и территориальную целостность Сирии.

Рассмотрим конкретные цели, которые преследовали Запад и регионалы в гуманитарной сфере, выдвигая те или иные инициативы.

1. Получение рычага давления на сирийское правительство через СБ ООН

В этих целях Запад (чаще всего США действовали через своих европейских союзников — Нидерланды, Люксембург) вел линию на закрепление сирийской гуманитарной тематики в Совете Безопасности ООН. Смысл — спровоцировать какие-либо «нарушения» Дамаском принципов гуманитарного содействия, либо «доказать» «недостаточный уровень» сотрудничества со стороны властей в гуманитарной сфере

с тем, чтобы в качестве «наказания» добиваться принятия «силовой» резолюции, которая бы оправдала внешнее вмешательство в Сирию.

Заметим, что рассмотрение сугубо гуманитарных аспектов не входит напрямую в компетенцию СБ ООН, основным вопросом повестки дня которого является тематика поддержания международного мира и безопасности. В этой связи группа стран, заинтересованная в смене режима в Сирии, предварительно инициировала обсуждение гуманитарного вопроса на других площадках: Гуманитарные форумы ООН, Совет ООН по правам человека, Генассамблея ООН и т.д. Однако делалось это все «с прицелом» на Совет Безопасности: только резолюция СБ дала бы им возможность обвинить Дамаск в «нарушении обязательного к исполнению решения ООН» и получить предлог для интервенции под гуманитарной ширмой.

Руководствуясь этой логикой, США, Великобритания и Франция настаивали в СБ ООН на принятии резолюции, которая ультимативно требовала бы от сирийских властей согласиться на любые инициативы по доставке помощи — даже если они шли в нарушение суверенитета страны, а под гуманитарным «соусом» оказывалось бы содействие боевикам. В случае несогласия Дамаска предлагалось автоматическое введение санкций. Российские дипломаты, основываясь на «ливийском опыте» (тогда предназначенная для ливийского народа гуманитарная помощь под прикрытием НАТО перенаправлялась в подконтрольный боевикам Бенгази), настаивали на том, чтобы решения СБ ООН по гуманитарным аспектам сирийского кризиса были тщательно выверены.

Первым шагом СБ ООН в гуманитарной области стало заявление Председателя СБ⁶, которое представляло план решения насущных задач по оказанию содействия САР. Гуманитарные агентства ООН приветствовали его принятие: документ дал практические ориентиры для работы по доставке и распределению помощи. Однако, не дав международному сообществу оценить степень эффективности предложенных в заявлении методов гуманитарной работы, США и их союзники стали добиваться принятия Советом Безопасности резолюции по «силовой» Главе VII Устава ООН. Предлагавшиеся ими проекты носили крайне несбалансированный характер и содержали многочисленные претензии и требования к Дамаску, за невыполнение которых предполагались санкции. «Полити-

ческим инициатором» принятия такой резолюции была Саудовская Аравия. Однако анализ технических характеристик электронного файла документа, проведенный российскими специалистами, выявил, что его реальным автором была эмигрантская сирийская Национальная коалиция — наиболее непримиримая организация политической сирийской оппозиции, единственной целью которой была смена режима Б.Асада.

Западные члены СБ ООН пытались использовать Совбез для раскручивания гуманитарной тематики, как правило, в преддверии важных политических мероприятий по урегулированию сирийского кризиса.

Так, США, Великобритания и Франция активно продвигали необходимость принятия резолюции СБ ООН по гуманитарным вопросам сразу после открытия Международной конференции по Сирии в швейцарском Монтрё в конце января 2014 г. Российская сторона призывала на чувствительном этапе межсирийского диалога (именно в это время начались переговоры по сирийскому урегулированию между правительством и оппозицией) избегать шагов, которые бы могли антагонизировать стороны. Тогда необходимо было создать для сирийцев нормальные рабочие условия, поощрять их к поиску компромиссов, а не провоцировать новый виток конфронтации - а именно к этому привели разногласия в СБ ООН между Западом и Россией одновременно с переговорами. В Москве были убеждены в том, что сама по себе резолюция СБ ООН не поможет работе гуманитарных агентств в Сирии. Для того чтобы добиться облегчения процедур доставки помощи, нужно было не принимать новые документы в СБ ООН, а последовательно и терпеливо работать с сирийскими сторонами, поощряя их к сотрудничеству с гуманитарными организациями. Однако если у России оставался постоянный диалог и с Дамаском, и с оппозицией, то западные государства свои возможности для переговоров с властями разрушили, равно как и не могли эффективно повлиять на боевиков, ориентировавшихся в основном на спонсоров из числа регионалов. Это «бессилие» Запад и пытался скрыть за болезненной активностью в СБ ООН.

Тем не менее, несмотря на давление на нашу страну и усиление антироссийской пропаганды (западные СМИ писали о «неконструктивном поведении Москвы и Пекина» в ходе работы над «сугубо гуманитарной резолюцией СБ ООН, призванной

помочь простым сирийцам»), Россия продолжала настаивать на придании проектам резолюций по гуманитарному срезу сирийского кризиса сбалансированного характера, направленного на содействие работе гуманитарных организаций.

Итогом длительного процесса консультаций в СБ ООН стало принятие резолюции 2139 (февраль 2014 г.), которая призвала все стороны конфликта к конструктивному взаимодействию с гуманитарными агентствами, обеспечению доставки помощи в блокированные и труднодоступные районы, включая те, которые оккупировали джихадисты, подтвердила возможность трансграничных поставок, акцентировала императив политического решения кризиса. Страны-соседи Сирии должны были обеспечить гражданский характер лагерей сирийских беженцев (по многочисленным данным, некоторые лагеря использовались для отдыха и лечения боевиков, их вербовки, продажи оружия). СБ призвал страны, обещавшие выделить взносы на гуманитарные проекты, наконец выполнить обязательства (многие государства, в первую очередь, страны Персидского залива, в ходе международных донорских форумов ангажировались выделить крупные суммы на гуманитарную помощь Сирии, однако затем не выполняли эти обещания. Так было по итогам донорских конференций в Кувейте в марте 2015 г. и в Лондоне в феврале 2016 г.). Именно в этом документе по настоянию Москвы впервые было прописано безоговорочное осуждение терроризма в Сирии.

Принятие резолюции означало лишь начало пути. Западные государства сосредоточили усилия на сборе «компромата» на официальный Дамаск в гуманитарной сфере с целью «доказать», что власти САР не соблюдают решение СБ ООН. К этому были подключены подконтрольные НПО и журналисты.

Россия в свою очередь усилила предметную работу с правительством САР с тем, чтобы удовлетворить основные требования агентств, включая упрощение процедур согласования операций по содействию населению.

В итоге Дамаск объявил о новом «стратегическом» подходе к вопросу о взаимодействии с гуманитарными агентствами. Были сняты бюрократические препятствия, открыты дополнительные гуманитарные центры, разрешена доставка помощи через границы, упрощен процесс проверки и оформления грузов. Дамаск создал «рабочую группу» под руководством заместителя министра иностранных дел САР для контактов с гуморганизациями и учредил Министерство по взаимодействию с Международным Комитетом Красного Креста.

Когда российская сторона подробно изложила результаты своей работы в рамках консультаций по гуманитарной проблематике⁷ в Женеве, обнаружилось, что другим государствам, взявшим на себя задачу поработать с вооруженной оппозицией, сказать было нечего. Все это фактически выбило из рук антисирийской коалиции очередной рычаг одностороннего давления на Дамаск. Тем более, что сами гуманитарные работники подчеркивали, что проблемы, связанные с доставкой помощи, почти всегда удавалось решить с властями, в то время как оппозиция в основном препятствовала деятельности волонтеров.

Эта работа помешала Западу достичь цели – объявить власти САР «нелегитимными», использующими гуманитарные инструменты для «наказания» нелояльного населения.

2. Оказание материально-технического содействия антиправительственным силам «на земле», помощь боевикам в закреплении на захваченных территориях

Именно в этих целях Запад настаивал на организации поставок гуманитарной помощи в Сирию через государственные границы с территории соседних стран — причем строго через определенные контрольно-пропускные пункты.

Западные государства требовали поставок через границы Сирии, в первую очередь из Турции (Газиантеп) — без получения согласия Дамаска. При этом использовался аргумент о том, что доставка содействия, к примеру, из Дамаска в Алеппо через многочисленные КПП занимала длительное время и требовала согласований с командирами повстанческих отрядов.

Осознавая, что поставки через границы действительно позволяют сэкономить время, сирийское правительство дало согласие на доставку помощи из Ливана, Иордании и Ирака. Но с Турцией ситуация была более проблематичной: 550-километровая турецко-сирийская граница фактически не контролировалась и активно использовалась для инфильтрации боевиков и оружия на север САР. С учетом этого легитимизация пересечения границы между Сирией и Турцией под прикрытием гуманитарных

конвоев стала для спецслужб заинтересованных в свержении Б.Асада государств задачей номер один.

Какие «подводные камни» таила внешне «благородная» инициатива?

Во-первых, поставки без согласия правительства Сирии являлись бы нарушением суверенитета страны. Во-вторых, в северных приграничных с Турцией районах Сирии господствовали террористы из «Исламского государства», «Джебхат ан-нусры» (запрещены в России) и др. Прилегающие к Сирии турецкие районы успешно использовались для размещения тренировочных лагерей, баз отдыха и лечения боевиков, а через границу ежедневно перебрасывалось оружие и боеприпасы, в том числе начиненные отравляющими веществами.

В этих условиях трансграничные поставки могли бы использоваться для реализации параллельных – не связанных с гуманитарной тематикой - инициатив. Например, в целях передачи помощи незаконным вооруженным формированиям. в том числе через находящееся в турецком Газиантепе оппозиционное т.н. «Временное правительство Сирии». В дальнейшем боевики могли бы распределять гуманитарное содействие среди населения с целью приобретения «популярности» на занятых территориях (такая практика была распространена среди повстанцев: члены «Исламского фронта» фотографировались на фоне складов, где хранилась помощь американского агентства USAID, а в соцсетях боевики организации «Ахрар аш-Шам» выкладывали фотоотчеты о «предоставлении гумпомощи детям»⁸). Контролировать содержимое гуманитарных грузов по всей «цепочке» было сложно. Использование же ооновского «флага» в несвязанных с гуманитарным содействием целях обернулось бы ударом по репутации ООН и оттолкнуло бы многих доноров.

При этом Запад и некоторые регионалы на определенном этапе (2013–2014 гг.) все же наладили самостоятельно дискретные трансграничные поставки через «благотворительные» организации. Об этом были осведомлены структуры ООН. Таким образом, антиасадовский лагерь, пытаясь придать такой деятельности официальный статус, имел еще и цель правового оправдания имевших место нелегальных действий.

Чтобы обосновать с юридической точки зрения свои нелегитимные шаги, США и их союзники запросили у ООН исследование по вопросу о законности поставок через государственные

границы без согласия властей. Результат, однако, не оправдал их надежд: юристы заключили, что такие поставки без санкции правительства Сирии шли бы вразрез с международным правом⁹. Тогда Запад предпринял еще одну попытку подобрать под «трансграничные поставки» правовое обоснование: было заказано отдельное исследование Оксфордских специалистов «Трансграничные гуманитарные операции: юридическое обоснование» 10. Однако и британские исследователи пришли к выводу о том, что для организации доставки через границы нужно либо согласие Дамаска, либо резолюция СБ 11.

Тем не менее западные члены СБ ООН продолжали настаивать на легализации трансграничных поставок. Они определили список КПП на границе Сирии с соседними государствами, которые хотели бы использовать для проводки конвоев 12. Все блокпосты с сирийской стороны контролировались радикальными группировками, в том числе внесенными в террористические списки СБ ООН: Баб ас-Саляма — «Бригада Султан Селим» (туркоманы); Баб аль-Хава — «Свободная сирийская армия», «101-я дивизия», «Таджамму фастаким Кама умирт»; Ар-Рамта — «Южный фронт», «Таухид Катаиб Хауран», «46-я пехотная дивизия». Примечательно, что практически в каждом случае существовали «альтернативные» КПП неподалеку, находившиеся под контролем правительства. Но государства-соседи запретили использовать их и настаивали на активизации пунктов, которые были захвачены радикалами.

Россия предложила компромисс: доставку через границы под жестким контролем ООН и формирование для целей мониторинга ооновской миссии. На основании российской инициативы была принята резолюция СБ ООН 2165 и сформирована миссия ООН по контролю за тем, что поставляется через границы в Сирию. России в целом удалось отстоять принцип доставки гуманитарной помощи населению на севере САР при международном контроле и уважении суверенитета и территориальной целостности страны. Проблемы и манипуляции возникли уже в ходе имплементации этих решений.

Как и предупреждала Россия, сами по себе трансграничные поставки не решили гуманитарных проблем. За два первых месяца с их помощью удалось помочь лишь 1/7 части нуждающихся, которые были «заявлены» в период, когда Запад активно добивался организации таких поставок. Продовольствие же было доставлено лишь 1/14 из тех, кому оно было

необходимо. Ситуация в области безопасности, связанная с захватом пограничных с Турцией сирийских областей террористами и расширением территорий т.н. «халифата», который создало «Исламское государство», не позволяла в полном объеме охватить поставками население севера САР. КПП Яарубия (граница с Ираком), на использовании которого настаивал Запад, не функционировал, так как близлежащие территории находились под контролем ИГ. В итоге огромная провинция Хасеке гумпомощь так и не получила. Пропускная способность КПП Ар-Рамта (граница с Иорданией) была крайне мала.

Что касается мониторинга доставки и распределения гумпомощи, то ситуация в этой области оставляла желать лучшего. Сотрудники ООН проверяли гуманитарный конвой, а затем сопровождали его до границы. Что дальше происходило с гуманитарным грузом — неизвестно, т.к. его забирали НПО, списка которых не было даже у ООН. Доставалась гумпомощь мирным жителям или террористам, проверить было невозможно. Предложение одного из руководителей гуманитарных операций закрепить на грузовики веб-камеры для отслеживания доставки и распределения грузов было по понятным причинам отклонено западными сотрудниками гуманитарных агентств ООН.

В целях оказания содействия боевикам по закреплению на захваченных территориях США и их союзники также продвигали тематику приоритетной помощи осажденным районам Сирии.

Тема «страданий гражданского населения» в блокированных районах в этом смысле была «удобной», поскольку подразумевала мощную эмоциональную окраску.

Данный вопрос (как и другие продвигаемые Западом инициативы на сирийском гуманитарном направлении) получал серьезное пропагандистское сопровождение. «Блокадная» кампания в СМИ была запущена в 2013 г. Главным ее элементом стала опубликованная госсекретарем США Дж. Керри в журнале «Foreign Affairs» статья «Война голодом, которую ведет Асад» В ней госсекретарь утверждал: президент САР использует голод в качестве метода войны. Национальная коалиция же, напротив, «старается помочь попавшим в беду сирийцам». Дж. Керри призывал «государства-союзники» Б. Асада заставить Дамаск «прислушаться к голосам женщин и детей» и «прекратить использование варварских методов».

Статья послужила мощным подкреплением уже развернувшейся антиасадовской пропаганде по «блокадной» тематике. Западные СМИ пестрили статьями о страданиях мирных жителей в сирийских городах от нехваток лекарств и продовольствия¹⁴, о «трагических последствиях отказа режима Б. Асада пустить гумпомощь» ¹⁵.

К нагнетанию информационного фона вокруг тематики блокад «друзья Сирии» подключили и иные механизмы. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека с подачи Вашингтона ввело новую практику подготовки тематических докладов по этому вопросу. Например, когда западные СМИ раскручивали проблему блокад, УВКПЧ опубликовало доклад «Жизнь в блокаде», где вина за положение населения на оккупированных территориях возлагалась на официальный Дамаск¹⁶. Этой же теме была посвящена и большая часть вышедшего одновременно доклада Независимой комиссии по расследованию в Сирии, которая ранее не поднимала этот вопрос¹⁷. К кампании подключились западные НПО, которые в преддверии обсуждения в СБ ООН гуманитарной ситуации в Сирии требовали принятия жесткой резолюции с требованием к Дамаску обеспечить доступ в блокированные районы¹⁸. Очевидно, что эти действия координировались из единого центра.

Тема была раздута сознательно. Реалии говорили о другом. Так, на одном из гуманитарных заседаний в Женеве с участием ведущих государств и доноров гумкоординатор ООН в САР Я.Хилло, руководивший операциями по доставке помощи в блокированные города, прямо заявил о том, что у эвакуированных в мае 2014 г. жителей Старого города Хомса никаких признаков истощения не было.

На деле за попытками использовать тему блокад на протяжении всего кризиса стояли конкретные военно-политические задачи.

Во-первых, осенью 2013 г. стало очевидно, что процесс химического разоружения САР в целом продвигался по графику и использовать эту тему в качестве предлога для внешнего вмешательства не получится. Интерес к ней пропал. Правительство САР сотрудничало с экспертами ОЗХО/ООН по программе уничтожения химоружия, процесс химической демилитаризации продвигался. Чернить Дамаск на основе «химических» обвинений не получалось. Поэтому и появилась — после более двух лет

ожесточенного конфликта — гуманитарная «обвинительная» тематика. Она стала третьим предлогом (после «химического» и правозащитного) для внешнего вмешательства.

Во-вторых, в преддверии и в ходе важных этапов политического процесса в Сирии боевикам нужно было добиться весомых успехов «в поле», чтобы на межсирийских переговорах противники Б.Асада могли выступать с более сильных позиций. Для этого было необходимо как можно дольше удерживать, а в идеале — расширять захваченные территории. Армия САР, окружавшая оккупированные джихадистами районы, не давала им получать продовольствие и медикаменты, которые позволяли вернуть в строй раненых боевиков.

Так что тема «голода и отсутствия лекарств для мирных жителей» была избрана Западом из конъюнктурных соображений. Акцент делался на том, что Б. Асад якобы «наказывает» население на занятых повстанцами территориях. Упоминались в этом контексте исключительно города, осажденные армией САР: Маадамия, Восточная Гута и др. Про блокируемые же боевиками населенные пункты Нубуль и Захра, Фуа, Адра, Хасеке никто не вспоминал.

Так было в преддверии Международной конференции по Сирии в Монтрё (началась 22 января 2014 г.), когда западные «правозащитные» НПО, а с их подачи и СМИ принялись активно раскручивать тему «гуманитарной катастрофы» в контролируемых оппозицией областях, окруженных сирийской армией. Например, небезызвестная НПО Amnesty International 16 января 2014 г. - то есть аккурат в преддверии открытия межсирийских переговоров - разразилась громкой антиправительственной кампанией, суть которой состояла в том, чтобы обвинить официальный Дамаск в «жестоком наказании гражданского населения в занятых оппозицией районах, использовании голода в качестве метода ведения войны, что является военным преступлением, а также попытках заработать очки при использовании темы гумдоступа» 19. За этим последовала скоординированная информационная атака на власти САР со стороны западных СМИ и НПО.

Чтобы снизить напряженность вокруг этого вопроса, российская сторона проделала большую работу с сирийским правительством. Было решено осуществить пилотный проект по доставке помощи в блокированный ВС САР Хомс при одновременной эвакуации оттуда боевиков. Западные государства,

прежде всего Великобритания, стали выражать беспокойство тем, что власти САР могут устроить «вторую Сребреницу» для мужчин, которые выйдут из города.

Однако в ООН высоко оценили операцию в Хомсе. Спецпосланник генсекретаря ООН по Сирии С.де Мистура отметил, что расширение зоны охвата таких замирений должно стать приоритетом в работе ООН по Сирии. Россия предложила попробовать повторить этот опыт в других регионах САР. Однако Запад отказался, заявив, что договоренности о прекращении огня в понимании Вашингтона и Брюсселя — это «капитуляция оппозиции».

Тематика блокад получила «второе дыхание» уже в контексте работы Международной группы поддержки Сирии (МГПС) и особенно проявилась после установления в Сирии режима прекращения боевых действий 27 февраля 2016 г., а также начала очередного раунда межсирийских переговоров.

В этот период акцент именно на блокированных районах был с подачи западных государств зафиксирован в мюнхенском заявлении МГПС от 16 февраля, в соответствии с которым создана Целевая группа по гуманитарному доступу в Женеве²⁰. Именно лоббирование гуманитарных поставок в блокированные районы САР западные государства попытались закрепить в качестве основного пункта повестки дня работы Группы, хотя в ее мандате было прописано оказание содействия всем нуждающимся сирийцам. В ходе ее заседаний было сломано немало «копий» вокруг возможности доставки продовольствия и предметов первой необходимости в конкретные осажденные населенные пункты.

За раздуванием темы приоритетного содействия блокированным районам скрывалась конкретная задача — сохранить военное давление на Б.Асада в условиях, когда антиправительственные группировки были вынуждены в целом придерживаться режима прекращения боевых действий в САР, которое вступило в силу в феврале 2016 г.

Именно поэтому через западных сотрудников ООН в соответствующие ооновские списки в качестве приоритетных для содействия районов были выбраны блокированные правительственными войсками ближайшие пригороды Дамаска — Дарайя, Восточная Гута, Дума, Маадамия и др., где окопались представители незаконных вооруженных формирований самых разных мастей (от местных отрядов самообороны до отъявленных

террористов «Джебхат ан-нусры») и откуда велся минометный и артиллерийский обстрел столицы. Причем на заседаниях Гуманитарной целевой группы в Женеве ооновцы вслед за западными членами живописали «страдания мирного населения» в этих населенных пунктах, не замечая голод и разруху в освобожденных ВС САР от боевиков городах и деревнях.

Попытаемся определить причины такой заботы ооновцев именно об этих районах. Дело в сугубо практической нагрузке — оказании помощи отрядам боевиков. Речь, конечно, не идет о поставках вооружений в ооновских колоннах. Анализ первичных заявок ООН на наполнение гуманитарных конвоев приоткрывает причины подобной сфокусированности ООН.

Итак, доставки какой номенклатуры добивались ооновцы с подачи США и их союзников: «комплекты полевой хирургии» (оборудование, которое требуется для оказания срочной медицинской помощи раненым на поле боя); «медикаменты», а именно — «обезболивающие средства» (снимают болевой шок при ранении), «атропин» (применяется при отравлении компонентами химоружия), «перевязочный материал», «шприцы»; продукты — «сухие крупы долгого хранения», «мясные консервы».

Весь этот «инвентарь», как правило, используемый для военно-полевых госпиталей и походных кухонь, венчает «прикрытие» — «детские молочные смеси» и «школьные принадлежности». Отказ правительства Сирии от включения большинства из вышеперечисленных предметов в гумконвои подавался американцами как «преступления кровавого режима», грубо попирающего нормы международного гуманитарного права и решения СБ ООН.

Попытки же России объяснить мотивацию Дамаска, настаивающего на дозированном и аккуратном подходе к формированию конвоев в занятые боевиками города, наталкивались на абсолютное неприятие.

Причем в ходе рабочих контактов американцы не стеснялись признавать, что часть помощи действительно предназначалась для боевиков. Дескать, это — нормы и правила ведения войны. То, что речь могла идти о поддержке террористов, у них озабоченности не вызывало. Симптоматично, что идею России о решении проблемы блокадников за счет временного вывода гражданских жителей для получения медицинской помощи в правительственных учреждениях американцы решительно

отвергали под предлогом того, что эта практика «потворствует режиму Б. Асада».

А ведь озабоченности, высказывавшиеся Россией, основывались на знании реалий «на земле». Так, например, в преддверии устроенной боевиками «Джебхат ан-нусры» резонансной резни в Заре (Хама) мирных алавитов 17 мая 2016 г., в соседний Растан была доставлена гуманитарная помощь. Буквально через несколько дней растановские банды вошли в Зару, чтобы устроить кровавую бойню.

Интересно, что боевики, как правило, требовали участия в распределении ооновской гуманитарной помощи среди населения с тем, чтобы усилить свои позиции в глазах местных жителей. Ооновцы это поддерживали.

На примере Дарайя (пригород Дамаска) рассмотрим проблему исключительно с военной точки зрения — ведь блокада является формой боевых действий. Дарайя особенно интересна еще и потому, что в бюллетене ООН от февраля 2016 г. в разделе «основные силы, действующие в районе», было обозначено, в том числе, и «Исламское государство»²¹.

Итак, Дарайя — небольшой пригород Дамаска с плотной застройкой, разветвленной сетью подземных коммуникаций, «нависший» над аэродромом «Меззе», который используется боевой и гражданской авиацией. Размещение в этом квартале средств ПВО (например, ПЗРК) представляет угрозу для полетов в воздушном пространстве столицы. Наличие нескольких дорог из района в сторону Дамаска и подземные коммуникации создают условия для оперативного развертывания отрядов боевиков и диверсионно-разведывательной деятельности. Географическая близость к важным стратегическим объектам делает Дарайю удобным плацдармом не только для обстрелов города (что фиксировалось российскими военными наблюдателями ежедневно), но в случае необходимости и для наступления на Дамаск с южного направления.

Сам район (в настоящее время освобожден путем переговоров) был поделен на зоны влияния такими одиозными группировками, как «Лива Шухада аль-Ислам», «Аль-Иттихад аль-Ислами», «Аджнад аш-Шам», «Лива ат-Таухид» и др. Часть из них активно контактировала с «Джебхат ан-нусрой» (запрещена в России). Еженедельно фиксировались «прорывы» ее связников и малых групп как в кольцо, так и в обратную сторону. Большинство мирных жителей покинуло эти небезопасные места.

Вместе с тем длительный период контроля боевиков над Дарайей привел к тому, что ее заселили многочисленные домочадцы и родственники вооруженных повстанцев. Этих людей, как правило, и считали нуждающимся в гуманитарном доступе населением.

Их численность в отчетах ООН часто растет словно «на дрожжах». Так, первая рекогносцировочная группа ООН во главе с руководителем дамасского офиса С. де Мистуры Х. Матар посетила Дарайю в мае и провела там около 5 часов. В организации этой поездки ооновцам помог российский Центр примирения враждующих сторон на авиабазе «Хмеймим». Перед отъездом из Дарайи ооновцы заявили о том, что в районе находится 1 тыс. мирных жителей. Однако уже через несколько часов речь пошла о 4 тыс. гражданских лиц.

Таким образом, блокирование городов и сел в Сирии является вынужденной мерой военного характера, возникшей в результате захвата незаконными вооруженными формированиями населенных пунктов с целью снижения эффективности борьбы с ними со стороны правительственных войск. «Живой щит» в виде гражданских лиц исключает возможность масштабного применения авиации и артиллерии. А экономическая и социальная инфраструктура городов обеспечивает бандитам подпитку материально-техническими средствами и людьми.

Важным моментом является тот факт, что ЦРУ США рассматривает «локализацию» оппозиционных группировок в населенных пунктах в качестве основы для их последующей «легализации» в качестве местных законных властей. Именно в этой связи любые требования Дамаска в отношении стандартов оказания гумпомощи в районы, занятые вооруженными формированиями, столь болезненно воспринимались в Вашингтоне, а также Анкаре. Эр-Рияде и Дохе.

3. Легитимизация сирийской оппозиции под гуманитарным прикрытием

Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил (НКОРС) — внешняя оппозиционная группировка, состоящая из эмигрантов, созданная намного позже начала конфликта и финансируемая из-за рубежа, не пользовалась поддержкой внутри страны. Ее спонсоры любыми способами пытались поднять престиж организации. Весьма простым вариантом

сделать НК популярной среди народа рассматривалось ее задействование на гуманитарном направлении. Первоначально оппозиционеры пытались этим заниматься самостоятельно²², однако без особого успеха.

Внешние кураторы НКОРС создали для ее нужд «Группу координации содействия» — «отдел Коалиции по гуманитарным вопросам», которую возглавила сирийская правозащитница С. аль-Аттаси. Однако необходимыми для гуманитарной работы опытом и операционными возможностями «Группа» не обладала и нуждалась в постоянной материальной помощи. Некоторые государства региона выделили «Группе» сотни миллионов долларов, и в итоге С. аль-Аттаси была обвинена в краже средств, предназначенных для закупки гуманитарного содействия. Эффект работы «Группы» был ничтожен, и люди продолжали перебираться из оккупированных боевиками территорий в подконтрольные правительству города, где власти восстанавливали разрушенную инфраструктуру и оказывали услуги населению. «Группа» так и оставалась неизвестной среди сирийцев.

США и их союзники также стремились «легитимизировать» НКОРС через привлечение ее на международные площадки. Они пытались добиться участия «Группы» в мероприятиях ООН, в частности, в «Гуманитарном форуме», в рамках которого шли дискуссии по вопросам содействия Сирии с участием донорского сообщества. Он проходил в европейском отделении ООН в Женеве с участием сирийского правительства, что давало уникальную возможность для диалога по гуманитарным вопросам между представителями Дамаска и теми, кто добивался свержения режима в САР.

Однако практика проведения Форумов была подорвана. Запад потребовал участия в них «Группы координации содействия». Для многих стран казалось непонятным, какой вклад могла внести связанная с боевиками «Группа» с сомнительной репутацией в работу ооновского дискуссионного клуба. Приезд на Форум радикальной структуры сирийской оппозиции мог бы привести к отказу официального Дамаска участвовать в заседаниях, что навредило бы процессу согласования рамок гуманитарного содействия. Непонятно было также, почему Запад избирательно потребовал участия именно «Группы координации содействия» в то время, как внутри Сирии существовали многочисленные иные оппозиционные платформы. Также при-

глашение НКОРС на Форум противоречило бы международным гуманитарным принципам, предполагающим необходимость работать по гуманитарным вопросам напрямую с правительством. Это создавало бы и опасный прецедент на будущее, когда к обсуждению гуманитарного содействия в рамках ООН привлекались бы оппозиционные группировки. Очевидно, что инициатива пригласить на Гуманитарный форум оппозицию была политически мотивированным шагом, нацеленным на легитимизацию одной из самых агрессивно настроенных сирийских оппозиционных групп. Россия и Китай дали понять организаторам Форума, что если НКОРС, призывавшая Запад наносить авиаудары по сирийским правительственным войскам и госучреждениям, будет привлечена к работе по обсуждению путей оказания гумпомощи сирийскому народу, они участие в Форумах прекратят.

Довольно упрямая позиция Запада привела к переговорному тупику и в конечном итоге замораживанию практики проведения Гуманитаных форумов. Сам же вопрос участия НКОРС в ооновских мероприятиях был снят с повестки дня после того, как осенью 2014 г. в провинции Идлиб произошла трагедия: несколько десятков детей погибло в результате прививки от кори с использованием некачественной вакцины²³. Территории, на которой это произошло, контролировались группировками, связанными с НКОРС, и всё говорило о том, что ответственность за гибель детей лежит на связанных с ней структурах.

Определенный «компромисс» был предложен генсекретарем ООН Пан Ги Муном. На Международную донорскую конференцию в Эль-Кувейте в 2015 г. сирийскую правительственную делегацию не пригласили в надежде на то, что в этом случае крупные доноры из стран Персидского залива выделят дополнительные средства на гумпрограммы в САР. Однако анонсированная рекордная сумма на гуманитарные операции в Сирии – 1,5 млрд долл. в полном объеме на счета ООН так и не поступила. Катар переводил деньги напрямую действовавшим «на земле» группировкам, КСА работало через «благотворительные» организации, такие, как «Рабита»²⁴.

Стоит отметить, что некоторые конфронтационные инициативы в гуманитарной сфере, вероятно, были мотивированы не столько «злым умыслом», сколько тем, что традиционный «донорский клуб» (ЕС, США и др.) исходил из принципа «кто платит, тот и определяет повестку», и в нажимном ключе требовал от гумани-

тарных работников продвигать проекты, отвечавшие их политическим повесткам дня. Однако те действия ООН, которые обслуживали национальные интересы государств Запада, входили в противоречие с задачей привлечения «новых» доноров — России, Китая, Индии, Бразилии. Эти страны должны были быть уверены в том, что средства пойдут на содействие мирным жителям, а продовольствие и медикаменты не будут разворованы и не станут направляться исключительно в районы, оккупированные вооруженными группами. Чтобы привлечь новых доноров, агентствам следовало в ходе работы внимательно следить за соблюдением международных гуманитарных принципов, которые требовали согласовывать все шаги с правительством САР.

4. Сокрытие гуманитарных последствий западной политики по экономическому удушению Сирии

Если бы Запад и союзники действительно заботились об улучшении положения населения, то должны были в первую очередь отменить односторонние экономические санкции, которые они ввели по сути против сирийского народа. Об удушающем эффекте этих ограничений, который начал явно проявляться уже с середины 2012 г. 25 , введенных в обход СБ ООН 26 , писали и заявляли многие международные эксперты. По их оценке, не в последнюю очередь по причине санкций на 60% упал ВВП, на 80% - торговля и промышленность, на 45% - добыча нефти²⁷. Тысячи людей лишились рабочих мест, существенно пострадал сектор здравоохранения, была разрушена фармацевтическая промышленность, успешно развивавшаяся до войны²⁸. Резко снизился экспорт²⁹. Санкции ударили по по-купательной способности населения³⁰, стали причиной резкого падения уровня жизни, спровоцировали рост «черного рынка»³¹. Об этом неоднократно сообщали Независимая комиссия по расследованию в Сирии, Спецдокладчик ООН по ВПЛ, БАПОР, ПРООН, авторитетные аналитические центры. Из их отчетов следовало, что рестрикции противоречат международному праву и по сути имеют карательный характер³². Односторонние санкции нарушают принципы невмешательства во внутренние дела государств, их суверенного равенства, свободы международной торговли и судоходства, отрицательно сказываются на реализации прав человека и, как правило, затрагивают уязвимые группы населения³³. Простой шаг по отмене санкций теми государствами, которые громче всех стенали о страданиях простых сирийцев, способствовал бы облегчению гуманитарной ситуации.

Таким образом, на примере сирийского кризиса хорошо видно, что гуманитарная тематика в результате усилий заинтересованных в смене режима Б. Асада государств плотно интегрирована в усилия по достижению узкополитических целей. Отделить ее от контекста информационной войны, сделав, напротив, «объединительным фактором», как это предлагала Россия, антиасадовский лагерь готовности не проявил.

Гуманитарные вопросы продолжают активно эксплуатироваться Западом для достижения целого ряда политических задач, прежде всего в целях дискредитации Б. Асада, а также для критики политики России. Цель — заставить Москву поменять линию на сирийском направлении. Сохраняется и практика прикрытия гуманитарной помощью поддержки боевиков.

При этом антиасадовским лагерем игнорируется тот факт. что Россия – единственное государство, вовлеченное в реальную работу с Дамаском и т.н. «умеренной оппозицией» в рамках содействия гуманитарным агентствам. Равно как закрывали они глаза на двусторонние усилия России по оказанию гуманитарной помощи народу Сирии (это и масштабная работа Центра по примирению враждующих сторон на авиабазе «Хмеймим», и парашютирование продовольствия и предметов первой необходимости в осажденный сторонниками ИГ (запрещено в России) Дейр-эз-Зор и т.д.). А ведь у такого вида содействия есть неоспоримое преимущество: в отличие от абстрактных взносов в бюджеты гуманитарных агентств, месяцами планирующих свои разовые акции, российские грузы в короткие сроки доставляются нуждающимся³⁴. Правда, для осуществления такого вида содействия нужны конструктивные отношения с Дамаском, которых у Запада не было и нет. Терпеливой работе с вооруженной оппозицией в пользу переключения с боевой на гуманитарную деятельность антиасадовские государства предпочли публичную антироссийскую кампанию. Это - легкий путь, не предполагающий поиска эффективных путей содействия сирийцам.

Однако следует отметить, что постепенно гуманитарные агентства стали все чаще признавать, что доступ к нуждающимся удается получить в основном благодаря Москве, что именно предметная работа России с сирийским руководством приводит

к принятию Дамаском реальных мер по облегчению деятельности гуманитарных организаций. Западным государствам все труднее безапелляционно заявлять, что «в страданиях сирийцев виноват режим»: практические шаги Дамаска по содействию работе гумагентств контрастируют с грабежами конвоев боевиками и убийством волонтеров. Все больше стран поддерживает необходимость соблюдения базовых международных принципов в ходе осуществления гуманитарных операций.

Россия немало сделала для того, чтобы перевести обсуждение вопросов оказания гуманитарной помощи нуждающимся в спокойный, профессиональный режим. Провокационной риторике российская дипломатия противопоставила рассудок и международное право. Пропаганде в СМИ — кропотливую работу с Дамаском по согласованию модальностей организации гуманитарных конвоев. В итоге удалось добиться того, что именно СБ ООН, который упрекали в «бездействии», принял документы, необходимые агентствам для оптимизации работы по помощи сирийцам.

Однако гуманитарная проблематика будет и далее использоваться антиасадовским лагерем для достижения своих политических целей, причем при активном задействовании ООН. Этому не в последнюю очередь способствует тот факт, что соответствующие ключевые должности во Всемирной Организации занимают представители западных государств (начиная с заместителя генсекретаря ООН по гуманитарным вопросам С.О'Брайена), которые часто подключаются к реализации повестки дня США и их союзников.

Решению проблемы «политической мотивированности» гуманитарной помощи будет способствовать постепенное размывание западного «засилья» в структурах ООН и усиление международно-правового аспекта оказания содействия. Более справедливая кадровая политика будет вестись параллельно с закреплением полицентричности в международных отношениях и укреплением новых центров, представители которых могут претендовать на ведущие посты в ООН. Данная тенденция будет содействовать большей сбалансированности в работе Организации, включая ее гуманитарное направление.

¹ La Syrie, Pire Crise Humanitaire Depuis le Rwanda Selon l'ONU // Le Monde. 18.07.2013.

² OCHA. Syrian Arab Republic. About the Crisis // http://www.unocha.org/syrian-arab-republic/syria-country-profile/about-crisis

³ The Humanitarian Situation and Response in Syria. Meeting of the High-Level Group. Geneva, 8 December, 2014. – OCHA (United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs).

⁴ Осуществление резолюций 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014) и 2258 (2015) Совета Безопасности. Доклад Генерального секретаря. 19 Мая 2016. UN Document S/2016/460.

⁵ Члены МГПС: Австралия, Алжир, Великобритания, Германия, Европейский союз, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Испания, Италия, Канада, Катар, Китай, Ливан, Лига арабских государств, Нидерланды, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Организация исламского сотрудничества, Организация Объединенных Наций, Россия, Саудовская Аравия, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция и Япония.

⁶ Statement by the President of the Security Council. 2 October 2013. UN Document S/PRST/2013/15.

⁷ Дискуссии по вопросу о том, что делают заинтересованные государства для выполнения резолюции СБ ООН 2139, каких результатов удалось добиться во взаимодействии с сирийскими сторонами, проходили в 2013–2014 гг. в рамках так называемой «Группы высокого уровня по гуманитарным вызовам в Сирии».

⁸ White J., Tabler A. J., Zelin A. Y. Syria's Military Opposition. How Effective, United or Extremist? // Policy Focus 128. – 2013. P. 26.

⁹ А именно, «Руководящим принципам в области оказания гуманитарного содействия». Речь идет о резолюции Генассамблеи ООН 44/182, прописывающей необходимость обязательного согласия принимающего государства на параметры доставки гумпомощи, уважения основных норм международного права при планировании гумопераций, в первую очередь принципов территориальной целостности и суверенитета государства.

¹⁰Оно было издано «под эгидой» УКГВ ООН.

¹¹ Cross-Border Relief Operations: A Legal Perspective. Human Rights For Future Generations, Oxford Institute foe Ethics, Law and Armed Conflict. – OCHA, 2014. P. 30.

¹² Речь идет о КПП Баб аль-Хава и Баб ас-Саляма (граница с Турцией), Ар-Рамта (граница с Иорданией), Яарубия (граница с Ираком).

¹³ Kerry J. Assad's war of starvation / J. Kerry // Foreign Policy. – 2013, October.

¹⁴ Mourtada H., Cumming-Bruce N. State of Siege in Syrian City Is Blocking Humanitarian Aid, Health Officials Say / H.Mourtada, N.Cumming-Bruce // New York Times, 05.07.2013.

¹⁵ Red Cross: Syria regime blocking aid to Homs / AlJazeera. 24 July 2013 //

http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/07/201372414642209899.html ¹⁶ Living Under Siege. The Syrian Arab Republic // OHCHR. 14 February 2014.

¹⁷ Report of the International Commission of Inquiry on the Syrian Arab

Republic. 12 February 2014 // UN document A/HRC/25/65.

¹⁸ Syria: Aid to Besieged Areas Being Blocked, UN Security Council Should Demand Humanitarian Access in Resolution // Human Rights Watch. 3 December 2013 // https://www.hrw.org/news/2013/12/03/syriaaid-besieged-areas-being-blocked

¹⁹ SYRIA PEACE CONFERENCE MUST END STARVATION FOR BESIEGED CIVILIANS. 16 January 2014 / Amnesty International // https://www.amnestv.org/en/press-releases/2014/01/syria-peace-

conference-must-end-starvation-besieged-civilians/

²⁰ Заявление Международной группы поддержки Сирии, Мюнхен, 12 года февраля 2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2086375

²¹ UN Updated Matrix For Humanitarian Access. Phase One: Priority Besieged Areas (on the basis of the 11 February Munich Statement).

- ²² Farmer B. Syria: Nearly Half Rebel Fighters Are Jihadists or Hardline Islamists, Says HIS Jane's Report / B. Farmer // The Telegraph. 15.09.2012.
- ²³ Safadi M., Kingsley P. At least 34 Syrian children die from contaminated measles vaccine / M.Safadi, P. Kingsley // The Guardian. 17.09.2014.
- 24 Справедливости ради надо отметить, что начиная с 2014 г. Эр-Рияд стал выделять крупные суммы некоторым гумагентствам ООН, в первую очередь на помощь Ираку.

²⁵ Syria at War: Five Years On // UN ESCWA, 2016. P. 14 // https://www.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/publications/files/ syria-war-five-years.pdf

²⁶ Overview of Selected Sanctions Against Syria and Exemptions to Sup-

port Humanitarian Assistance. – OCHA, 2013.

27 Syria. Squandering Humanity. Socieconomic Monitoring Report on Syria. - UNRWA, Syria Center For Policy Research, UNDP. - May 2014. P. 14.

²⁹ Syria at War: Five Years On // UN ESCWA, 2016. P. 22 // https://www.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/publications/files/

https://www.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/publications/files/ syria-war-five-years.pdf

³⁰ Lamb F. EU Sanctions Target Humanitarian Aid and Hinder Restoration of Global Heritage in Syria / F.Lamb // al-Manar, 04.07.2014.

³¹ Syria. Squandering Humanity. Socioeconomic Monitoring Report on Syria. – UNRWA, Syria Center For Policy Research, UNDP. – May 2014. – P. 25.

³² Односторонние санкции и международное право. Заключение Международно-правового департамента МИД России. – с. 8 // http://www.norway.mid.ru/ru/press_12_031.html

³³ Например, начиная с 1992 г. Генеральная ассамблея ООН практически единогласно принимает резолюции с осуждением экономической блокады США Кубы: Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba. 9 January 2014 // Документ ООН A/RES/68/8.

³⁴ Однажды российскому дипломату в Женеве представители Управления ООН по координации гуманитарных вопросов дали понять, что УКГВ формирует «гуманитарный призыв» (сумму, которую планирует запросить у доноров) не столько исходя из реальных потребностей, сколько анализируя то психологическое воздействие, которое возымеет та или иная цифра. «Мы не можем чересчур пугать доноров страшными данными. Но необходимо выставить такой «счет», который бы все же произвел необходимое эмоциональное впечатление и заставил бы их выделить средства».

²⁸ Syria. War on Development: Socioeconomic Monitoring Report of Syria. Second Quarterly Report. – SCPR, UNRWA, UNDP. – 2013.

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ В ИЗМЕНИВШЕЙСЯ СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О месте и роли Государства Израиль на Ближнем Востоке сказано и написано так много, что кажется, что и добавить-то нечего. Факт, однако, состоит в том, что огромное большинство опубликованных в прошлом текстов нуждаются в основательной ревизии и скорее запутывают вопрос, чем помогают его понять.

На протяжении многих десятилетий два утверждения считались основополагающими аксиомами практически для всех, кто говорил и писал о происходящих на Ближнем Востоке процессах. Во-первых, утверждалось, что Государство Израиль является основным раздражителем, главным фактором региональной нестабильности, причем неурегулированность конфликта с палестинскими арабами считалась первопричиной проблем в отношениях с арабскими странами, не признававшими само существование еврейского государства ни в каких границах, в особенности когда Ближний Восток превратился в арену соперничества супердержав, каждая из которых поддерживала в этом регионе тех, кого, оправданно или наивно, считала своими союзниками. Во-вторых, считалось самоочевидным, что, будучи основными поставщиками углеводородов, арабские страны крепко держат за горло государства западного мира, проарабские внешнеполитические симпатии которых в значительной мере объяснялись их зависимостью от поставок нефти и газа, ибо Израиль, не обладая никакими подобными ресурсами, не мог снабжать западный мир нужным ему сырьем. В настоящее время стало очевидно, что оба эти утверждения в корне ошибочны, что заставляет переосмыслить всю систему воззрений на матрицу региональных отношений и на роль в этих отношениях влиятельных внешних игроков, будь то Организация Объединенных Наций, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки или Российская Федерация. Настоящий анализ, не претендуя на исчерпывающую полноту, имеет своей целью скорее обозначить основные положения, которые, по мнению автора, могут и должны стать отправными точками для исследователей ближневосточной политики и экономики в наши дни.

Первое. Начавшаяся уже более пяти лет назад так называемая «арабская весна» не инициировала процессы фактического распада ряда государств арабо-мусульманского мира (так как, например, в Йемене, Сомали и Афганистане эти процессы начались гораздо раньше), но стала мощнейшим их катализатором. На сегодняшний день фактически шесть стран арабо-мусульманского мира существуют исключительно с формальной точки зрения, так как органы государственной власти в них не в состоянии выполнять свои самые базовые функции: они не контролируют формально «собственную» территорию, не в состоянии обеспечить свое монопольное право на руководство вооруженными силами, а также на сбор и распределение налогов - всё это самые базовые характеристики, без которых никакое государство таковым считаться не может. Если процессы распада Сомали. Йемена и Афганистана начались достаточно давно и ввиду периферийного статуса этих государств в мировой политике, а тем более экономике никого особенно не занимали, то аналогичные процессы в Ливии, Сирии и Ираке привели к кардинальному изменению всех параметров ближневосточных реалий. Дело здесь отнюдь не только в том, что действующие на территории этих бывших государств, а также в Египте, Тунисе и других странах боевикифундаменталисты, объявившие себя новым Исламским халифатом, угрожают стабильности и безопасности всего цивилизованного человечества - как людям, так и памятникам культурного наследия. Проблема на самом деле куда глубже, ибо ни в одном из вышеназванных государств невозможно говорить о противостоянии каких бы то ни было двух сил, одной из которых является «Исламское государство». И в Ираке, и в Сирии, и в Ливии, и в Афганистане, и в Йемене, и в Сомали речь идет фактически если и не о тотальной войне всех против всех, то именно о гражданской войне - а точнее, гражданских войнах с большим количеством противоборствующих сил, с огромным трудом формирующих, если вообще формирующих какие бы то ни было коалиции между собой. Собственно говоря, именно поэтому ни бомбардировки США и их союзников по блоку НАТО, ни аналогичные действия военно-воздушных сил Российской Федерации в Сирии не привели к какой бы то ни было политической ясности, ибо в стране нет ни одной политической силы, которая была бы способна контролировать всю ее территорию; таких сил нет ни в Ираке, на протяжении многих лет оккупированном американскими войсками, в «восстановление» которого были вбуханы бесчисленные миллиарды долларов, ни в Афганистане, ни в Ливии, ни в Йемене, ни в Сомали – и ничего не свидетельствует о том, что таковые силы там в обозримой перспективе появятся.

В крайне сложном положении находятся и некоторые другие государства региона: кроме вышеупомянутых Египта и Туниса, речь идет прежде всего о Бахрейне, политический режим которого держится на штыках саудовских войск, и Ливане, где противоборство различных политических сил, представляющих разные национальные и конфессиональные группы населения страны, вот уже два года - с апреля 2014 года - не позволяет выбрать президента. Эта ситуация обращает на себя внимание еще и потому, что демонстрирует ошибочность двух ключевых аксиом как западных, так и российских ближневосточников нескольких поколений. Во-первых, вопреки многократно повторенным утверждениям о том, что путь к стабильности лежит через отказ от системы монархического правления и авторитаризма и замены их органами власти, реально (а не фиктивно) избираемыми населением, именно монархические режимы продемонстрировали высокую степень устойчивости. В 2011-2012 годах требования смены власти активно звучали и в Марокко, и в Иордании, но королям Мухаммеду VI и Абдалле II удалось, пойдя на те или иные тактические уступки, сохранить стабильность и гражданский мир в своих странах, где исламский фундаментализм, разумеется, присутствует, но в масштабах, не сравнимых с тем, как это имеет место в распавшихся государствах. Падение авторитарных режимов Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи привело не к стабильности и процветанию, а к хаосу, анархии и полной беззащитности населения перед лицом как исламистских боевиков, так и тех, кто их бомбит с воздуха, не особенно считаясь с тем, сколько человек, никак с так называемым «Исламским государством» не связанных, погибает в ходе авианалетов. Ни в одном из государств арабо-мусульманского мира падение авторитарных режимов не привело к повышению уровня жизни граждан, улучшению ситуации в области прав и свобод личности, созданию более открытого и толерантного общества. Все происходило и происходит в прямо обратном направлении. Таким образом, модель, первым этапом которой в обязательном порядке считалось свержение старого авторитарного режима (монархического формально или по сути, как в Сирии), а вторым неизбежно виделись свободные демократические выборы, которые должны были заложить основу мира, стабильности, создания более плюралистического общества и экономического роста, оказалась полностью нежизнеспособной, причем так произошло во всех до единого государствах, где эту модель пытались применять.

Во-вторых, вопреки концепции, провозглашающей Израиль главным фактором региональной нестабильности, все эти годы именно Израиль остается самым устойчивым государством региона, единственным, в котором не происходит ни фундаментальной эрозии демократических ценностей, ни отката в уровне жизни населения. Обратим внимание на то, что в захлестнувшей Западную Европу волне беженцев есть сотни тысяч выходцев из Ливии, Сирии, Ирака, а также других государств, но практически вообще нет ни арабовграждан Израиля, ни даже арабов с частично контролируемых Израилем территорий Западного берега, ни арабов или друзов с «оккупированных» Израилем Голанских высот, хотя на протяжении вот уже почти полувека именно «оккупация» Израилем этих территорий постулируется как едва ли не главная проблема Ближнего Востока. Понятно, что неурегулированность политико-правового статуса тех или иных территорий не может считаться нормальным положением вещей, однако сейчас совершенно очевидно, что в сравнении с другими проблемами региона эта - одна из самых малозначительных, имеющая один из самых слабых деструктивных потенциалов, дестабилизирующих положение дел на самом Ближнем Востоке и в мире в целом.

Второе. Основной угрозой безопасности цивилизованного мира в настоящее время является неконтролируемое распространение оружия массового поражения. Напомним, что под флагом борьбы против этого оружия американцы при поддержке руководителей Великобритании, Польши и некоторых других стран начали в 2003 году вторую военную кампанию против Ирака. На протяжении уже почти полувека Израиль является

единственной страной Ближнего Востока, имеющей атомное оружие, а также сухопутные, морские и воздушные средства его доставки; в Израиле также ведется разработка различных видов биологического и химического оружия, а также средств противодействия ему. Важно при этом отметить следующее: несмотря на то, что Израиль с незавидной регулярностью оказывается втянутым в те или иные войны или боевые столкновения разной степени интенсивности, израильская армия никогда не использовала неконвенциональное оружие против кого-либо из своих противников. Это оружие в Израиле воспринимается исключительно как сдерживающая сила. как гарантия того, что Израиль никогда не сможет быть побежден военным путем. В отличие от руководителей Ирака и Сирии Саддама Хусейна и Башара Асада, в разные годы использовавших химическое оружие для борьбы с теми, кто выступал против их власти (притом, что эти выступления ни в коей мере не ставили под сомнение само существование Ирака и Сирии как суверенных государств), никто из руководителей Израиля никогда не принимал решения об использовании оружия подобного типа, в том числе и в критические дни октября 1973 года, когда в ходе развязанной Египтом и Сирией войны Израиль подвергся вероломному нападению в святой для иудеев Судный день.

К сказанному нужно добавить и важнейшую роль, которую Израиль играет в предотвращении бесконтрольного распространения в регионе атомного оружия. И Саддам Хусейн, и Башар Асад стремились втайне от мирового сообщества обрести ядерное оружие, и не нужно обладать большой фантазией для того, чтобы понять, каким бы кошмаром для цивилизованного человечества стало наличие этого оружия на территориях, оказавшихся под контролем «Исламского государства». Этот апокалипсический сценарий был предотвращен исключительно израильскими усилиями: в июне 1981 года правительство Менахема Бегина отправило военно-воздушные силы Израиля разбомбить иракский ядерный реактор, а в сентябре 2007 года правительство Эхуда Ольмерта приняло аналогичное решение в отношении строившегося ядерного реактора в Сирии. Обе эти операции были безупречно проведены израильскими военно-воздушными силами, после чего ядерные программы Ирака и Сирии практически перестали существовать. Подчеркнем это еще раз: тем, что в распоряжении арабских диктаторов и исламистских фанатиков нет атомного оружия, что мир сегодня не живет под Дамокловым мечом арабо-мусульманского атомного терроризма, цивилизованное человечество обязано только и исключительно Израилю. В последние годы израильские спецслужбы ведут активную и многостороннюю работу с целью недопущения обретения ядерного оружия Исламской Республикой Иран; к существующему в Иране режиму можно относиться по-разному, но нет сомнений, что превращение этой страны в ядерную державу существенно увеличит не только региональную, но и общемировую напряженность, создаст угрозу безопасности целому ряду стран региона, от самого Израиля до Саудовской Аравии. На протяжении 35 последних лет Израиль является единственной действенной силой, предотвращающей гонку атомных вооружений на Ближнем и Среднем Востоке. Таким образом, вопреки многочисленным публикациям, в которых Израиль клеймится как едва ли не государство-разбойник, нарушающее государственный суверенитет ряда соседних государств. Израиль вносит критически важный вклад в укрепление не только региональной, но и общемировой безопасности.

Третье. Не совсем по своей воле Израиль создал целый ряд передовых систем в области защиты от ракет, как большой и средней, так и малой дальности, и не будет преувеличением сказать, что существующая в этой стране к настоящему времени трехуровневая система противовоздушной обороны является наиболее передовой в мире. В отдельных государствах созданы эффективные системы защиты от межконтинентальных баллистических ракет при практически полном отсутствии средств защиты от «кустарного» оружия, используемого всевозможными террористическими организациями. В Израиле же существует весь комплекс защиты гражданского населения от враждебных действий как со стороны технологически высокоразвитых государств (например, Ирана), так и со стороны «доморощенных» незаконных вооруженных формирований. О достижениях Израиля (опять же в значительной мере навязанных ему враждебными террористическими организациями) в сфере авиационной безопасности широко известно, как и об израильском опыте антитеррористической деятельности, как правило, ведущейся с несравнимо меньшим числом жертв среди гражданского населения, чем аналогичная деятельность войск НАТО или Российской Федерации в Афганистане, Ираке,

Ливии и Сирии. Нравится нам это или нет, но мы живем (и, очевидно, будем жить в будущем) в мире, в котором ноу-хау в сфере обеспечения личной безопасности имеет и будет иметь непреходящее значение, и в этой сфере Израиль имеет большое количество наработок, которые могут приносить пользу всему цивилизованному человечеству.

Четвертое. Начиная с самого создания Государства Израиль и его сторонники, и его противники убеждены в огромной значимости нефтегазового сектора в выстраивании той системы отношений, которая существует у большинства государств мира со странами Ближнего Востока. Утверждается, что и до нефтяного эмбарго, введенного арабскими странами против США и их союзников в связи с их якобы чрезмерной поддержкой Израиля в ходе войны в октябре 1973 года, и уж тем более после него «нефтегазовая дипломатия» является сильнейшим оружием, от которого не имеющий собственных углеводородных ресурсов Израиль страдает многие десятилетия, не имея возможности что-либо ей противопоставить. В последние годы ситуация в этой сфере контрастно изменилась. С одной стороны, резкое увеличение предложения на нефтегазовом рынке привело к тому, что власть на нем принадлежит не продавцам, а покупателям. В настоящее время, впервые после отмененного в декабре 2015 года сорокалетнего запрета. Соединенные Штаты являются не импортером нефтепродуктов, а их экспортером, вследствие чего шантажировать эту страну нефтяным эмбарго более невозможно, так как она покрывает свои потребности в углеводородах за счет собственной добычи и переработки. Этот фактор наряду с рядом других (прежде всего технологическими разработками, начать добычу сланцевого газа и – пока в меньшей степени – сланцевой нефти) привел к резкому снижению цен на энергокоторого арабо-мусульманские носители. государства Ближнего Востока, являющиеся их крупнейшими продавцами, страдают весьма существенно. Главное же состоит в том, что диверсификация экспортеров нефти и газа, к которым относятся и такие страны, как Российская Федерация и США. не говоря уже о Венесуэле, Азербайджане и Туркменистане, лишает государства Ближнего Востока какой бы то ни было монополии, превращая их лишь в участников процессов на нефтегазовом рынке, но отнюдь не в тех, кто эти процессы контролирует.

С другой стороны, израильские геологи сумели найти в территориальных водах страны как минимум четыре газовых месторождения, два из которых являются весьма крупными. Начиная с 30 марта 2013 года «Электрическая компания» Израиля получает собственный израильский природный газ, что значительно изменило общерегиональный расклад, в существенной мере обеспечив энергетическую независимость страны. Напомним в этой связи, что еще пять лет назад серия взрывов газопровода из Египта в Израиль, совершенная исламистами на территории Синайского полуострова, стала для «Электрической компании» Израиля серьезной проблемой, страна стояла перед реальной опасностью дефицита энергоресурсов. Подавить исламистское подполье на Синайском полуострове египетским властям с тех пор так и не удалось, трагическим свидетельством чего стал взрыв российского самолета в ноябре 2015 года, однако в сфере энергетического сотрудничества ситуация за эти пять лет изменилась на противоположную: вместо импорта Израилем египетского газа в настоящее время согласовываются условия газовых поставок из Израиля в Египет. Наличие значительных месторождений газа в территориальных водах Израиля в непосредственной близости от государств Южной Европы в среднесрочной перспективе снизит зависимость этих стран от газовых поставок из арабских стран хотя бы вследствие того, что ввиду их отдаленности стоимость транспортировки этого газа оказывается существенно большей. Вступление Израиля в число стран-экспортеров энергоресурсов (а нынешний глава правительства Израиля прикладывает огромные усилия для того, чтобы развитие газовой промышленности в Израиле шло как можно более быстрыми темпами) меняет привычный на протяжении десятилетий расклад, превращая еврейское государство не в фактор угрозы международной энергетической безопасности, а в одного из участников системы обеспечения этой безопасности.

При этом совершенно очевидно, что если в странах арабомусульманского мира нефте- и газопроводы могут быть подорваны участниками незаконных вооруженных формирований в рамках их антиправительственной деятельности (что, собственно, и имело место не только в Египте, но и в Ираке, Сирии и Ливии), не говоря уже о том, что те районы, в которых находятся месторождения, могут оказаться под контролем исламистских

фанатиков или других квазигосударственных образований, подрывающих основы региональной безопасности и стабильности (вследствие чего покупка у них сырья является очевидной и непосредственной поддержкой фундаментализма и исламистского терроризма, в чем, в частности, власти Российской Федерации и ряда других государств справедливо обвиняют Турцию), поставки природного газа из Израиля будут стабильными и надежными, как и все остальные экономические соглашения, подписанные и выполняемые Израилем на протяжении многих десятилетий.

Пятое. На протяжении многих десятилетий, а особенно в период разрыва советско-израильских отношений в 1967-1990 годах, Израиль, воспринимавшийся как государство сугубо проамериканское, был фактором постоянного раздражения в отношениях между СССР и США в контексте «Холодной войны». Любая поддержка, оказываемая странами Запада Израилю, побуждала руководителей арабских государств просить о, как минимум, аналогичной помощи в Москве, и эта помощь им, как правило, предоставлялась за счет бюджета Советского Союза с целью «удержания рубежей» советской внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока. В критические моменты, которые случались не раз, особенно в ходе арабоизраильских войн 1956, 1967, 1973 и 1982-1984 годов, советские руководители, как минимум, на декларативном уровне угрожали Израилю прямым военным вмешательством, а в ходе израильско-египетской «Войны на истощение» 1967-1970 годов существенная тяжесть ведения боевых действий с египетской стороны легла на плечи советских воинов. В ходе войны в Ливане в начале 1980-х годов тогдашний президент Сирии Хафез Асад добился от советских руководителей согласия на беспрецедентно значительные военные поставки, которые, как всем было понятно, Сирия не могла и не собиралась оплачивать. Противостояние Израилю в рамках общего курса на противостояние США ложилось достаточно тяжелым бременем на советский бюджет, а упреки в запрете или существенном ограничении права евреев СССР и стран Восточной Европы на свободную иммиграцию в Израиль были постоянным раздражающим фактором, с которым советским дипломатам приходилось считаться как на международных конференциях и форумах, так и в ходе двустороннего политического диалога с американцами.

В последние годы ситуация кардинальным образом изменилась, по ряду причин Израиль стал государством, внешняя политика которого отличается прагматичной сбалансированностью, совершенно не позволяющей серьезным аналитикам описывать эту страну как союзника США в противостоянии России в ходе нового витка «Холодной войны», отрицать которую в настоящее время, к сожалению, невозможно. Показательно, что в отличие от государств Западной, Центральной и Восточной Европы, Японии, Австралии и многих других стран, присоединившихся к инициированным американцами различным санкциям против Российской Федерации, Израиль воздержался от подобных шагов в какой бы то ни было сфере, не введя санкций ни против каких бы то ни было российских должностных лиц, ни против каких-либо российских компаний. Более того, в то время, как многолетние переговоры об облегчении визового режима между Россией и США и Россией и странами Европейского союза пока ни к чему не привели, между Израилем и Российской Федерацией безвизовый режим действует с осени 2008 года, то есть уже восьмой год. Резкое ухудшение отношений политических элит России и Украины после захвата власти в Киеве противниками четвертого президента страны В.Ф. Януковича и аврального присоединения Автономной Республики Крым к Российской Федерации вопреки признанным международно-правовым нормам привело многие страны к решению о поддержке в данном конфликте той или иной стороны; Израиль же сохраняет конструктивные отношения с обоими славянскими государствами, из Израиля и в Москву, и в Киев ежедневно летают самолеты, а граждане как России, так и Украины пользуются правом безвизового въезда на территорию Израиля, как и израильские граждане на территорию обоих этих государств.

Начало операции военно-воздушных сил России в Сирии в сентябре 2015 стало еще одним сильнейшим раздражителем в отношениях политических элит Российской Федерации и США, но и в этом случае израильское руководство приняло решение о невмешательстве в данный конфликт, причем в ходе прямых переговоров между политическими руководителями и военными экспертами России и Израиля были согласованы параметры, призванные не допустить какой бы то ни было напряженности в двухсторонних отношениях, как это случилось в отношениях Российской Федерации и Турции в связи с гибе-

лью над территорией последней двух российских военных. Тот факт, что американское руководство жестко критиковало российское военное вмешательство в Сирии на всех его этапах. не стал примером для Израиля, руководство которого приняло решение не о критике России, а о проведении согласований и консультаций с ее руководителями. Таким образом, если в «Холодной войне» 1970-х-1980-х годов Израиль был для Советского Союза одной из ключевых областей противостояния с США, что тяжелым бременем ложилось на бюджет страны, а также приводило к человеческим жертвам среди солдат и офицеров, направлявшихся на Ближний Восток «в командировку на войну», то в нынешней «холодной войне» Израиль проявляет себя как одно из наиболее ответственных государств, поддерживая военно-политический диалог как с руководителями Российской Федерации, так и США и других стран Запада.

Кроме того, израильско-сирийская граница — единственная из границ этой истерзанной гражданской войной страны. через которую не проникают боевики и не переправляются оружие и боеприпасы, используемые участниками исламистских и иных незаконных вооруженных формирований. На протяжении многих лет западный мир ошибочно надеялся, что такую роль государства, защищающего границы Европы, будет играть Турция, в отличие от Израиля принятая в блок НАТО, однако нынешний кризис показал, что для турецких властей приоритетной является борьба с курдским национализмом, и любой враг общего врага может оказаться если не другом, то вполне приемлемым партнером, пусть даже речь идет о фундаменталистском «Исламском государстве». Сирийский кризис наглядно демонстрирует, что Израиль является не обузой, а подспорьем в обеспечении в регионе хоть какой-то безопасности и стабильности.

Шестое. Политологи слишком часто делали и делают ошибочный вывод о том, что результатом процессов демократизации в обязательном порядке станет демократическое общество, причем имея в виду демократию либеральную. Опыт Ближнего и Среднего Востока свидетельствует совсем о другом: процессы демократизации, выражавшиеся в проведении более или менее свободных выборов (которые были несомненно более свободными, чем любая электоральная кампания, проходившая в этом обществе прежде), раз за разом приводили к власти силы, враждебно относящиеся к ценностям либеральной демократии. Так случилось в 2006 году на территориях, подконтрольных Палестинской национальной администрации, когда на конкурентных выборах депутатов второго состава Законодательного совета победу праздновало исламистское движение ХАМАС, так случилось в Египте в 2012 году, когда на первых свободных выборах, состоявшихся после свержения правившего тридцать лет Хосни Мубарака, победу праздновали «Братья-мусульмане» и выдвинутый ими в президенты страны Мухаммед Мурси, не говоря уже об Иране, где процессы демократизации укоренены едва ли не больше, чем где-либо в арабо-мусульманском мире, но где говорить о соблюдении либеральных прав и свобод едва ли возможно в принципе.

На этом фоне особенно очевидны принципиальные отличия Государства Израиль, сохраняющего демократический характер на протяжении всей своей истории и имеющего развитую правоприменительную практику в области соблюдения прав человека. С 1948 года в стране прошло двадцать парламентских выборов, каждый состав парламента утверждал то или иное правительство, иногда досрочно меняя его, не дожидаясь конца каденции (поэтому нынешнее правительство Израиля не 20-е, а 34-е), но никогда, даже во время войн и сразу после них, выборы в Израиле не отменялись и не переносились. Из огромного числа стран, обретших государственную независимость после Второй мировой войны и распада колониальной системы, Израиль является лишь одним из двух (наряду с Индией) государств, сохранивших демократическую форму правления без путчей и переворотов на всем протяжении своей истории.

Принципиально важно то, что любое правительство Израиля гарантированно соблюдает и будет соблюдать все международные обязательства, подписанные в прошлом, пусть даже партии, сформировавшие правительственную коалицию, выиграли выборы и пришли к власти на волне народного недовольства правительством предыдущим, те или иные соглашения подписавшим. Именно это превращает Государство Израиль в самого надежного и предсказуемого партнера для государств цивилизованного мира на Ближнем и Среднем Востоке. Сегодня соглашения, заключенные в не таком уж далеком прошлом с Абделем-Каримом Касемом, Саддамом Хусейном, Муаммаром Каддафи, Бабраком Кармалем, Наджи-

буллой, Хосни Мубараком, Зин аль-Абидином Бен Али, по большей части не стоят бумаги, на которой они были подписаны, и подобный риск неминуем в отношениях с большинством арабо-мусульманских государств и поныне. Это касается как договоров о военно-политическом сотрудничестве, так и взятых на себя теми или иными режимами финансовых обязательств. Такой проблемы в принципе нет в отношениях с Государством Израиль, гарантирующим преемственность и исполнение всех подписанных международных обязательств.

Седьмое. Не менее важно – и это непосредственно связано с тезисом о демократизации, - что ни одно из государств арабомусульманского мира не прошло процесс секуляризации, который прошли государства Европы, Северной и Южной Америки, в которых большинство населения по-прежнему верит в Бога, являясь при этом адептами различных конфессий, но общественно-политическая жизнь достаточно герметично отделена от жизни религиозной. Исламская религия и поныне является структурообразующим фактором и общественно-политического устройства, и законодательства подавляющего большинства государств Ближнего и Среднего Востока, причем даже те государства, руководители которых на протяжении десятилетий декларировали приверженность иным ценностям, будь то пантюркизм, панарабизм, арабский социализм или «третий путь», описанный Муаммаром Каддафи в его «Зеленой книге», в значительной мере вернулись к законам шариата. Хотя и в Израиле религия не отделена от государства, что вызывает множество справедливых нареканий, так как в немалой степени нарушает права светского населения, а также приверженцев реформистского и консервативного иудаизма, в этой стране все же найдена модель государственного устройства, при которой ключевые решения принимаются отнюдь не религиозными кругами и совсем не на базе той или иной теологической литературы. Показательно, что хотя на всем протяжении израильской истории в парламенте страны было представлено несколько религиозных партий (в Кнессете первого созыва – и только тогда – объединившихся в единый блок), никто из двенадцати глав правительства Израиля не был верующим человеком, соблюдавшим заповеди иудаизма. Израиль находится на территории, которую считают святой представители различных религий и конфессий, от иудеев и христиан до мусульман и бахаистов, и в стране создана сравнительно успешно функционирующая система соблюдения прав различных групп верующих. Этот опыт выгодно отличает Израиль от других государств ближневосточного региона.

Восьмое. Уровень развития экономики в Израиле несравнимо выше, чем в любом из соседних государств, и этот фактор нельзя недооценивать. В первые годы своего существования Государство Израиль было очень бедной страной, финансовая система которой отличалась крайней нестабильностью. существованием нескольких принципиально разных обменных курсов местной денежной единицы к свободно конвертируемым валютам, с малой степенью успеха регулируемых органами государственной власти. Израильская экономика прошла с тех пор большой и отнюдь не линейный путь (достаточно напомнить, что гиперинфляция в конце первой половины 1980-х годов вынудила власти в 1985 году провести деноминацию в соотношении тысяча к одному), однако результаты нельзя не признать впечатляющими. По состоянию на конец 2015 года средняя заработная плата в стране превышала 2300 долларов, инфляция и в 2014, и в 2015 годах была отрицательной, при этом официально зарегистрированный уровень безработицы не достигал и 5.5%. Израиль - единственное государство в регионе Ближнего и Среднего Востока, принятое в состав Объединения экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которое входят только 34 наиболее развитых государства мира. Очевидно, что в связи с небольшим населением, чуть превышающим восемь миллионов человек, потребительский рынок Израиля сравнительно невелик и представляет поэтому лишь ограниченный интерес для иностранных и транснациональных корпораций, однако учитывая, что в этой стране в наибольшей степени развиты наукоемкие технологии, а также оборонная и авиационная промышленность (именно эти области, наряду с алмазной индустрией, являются основными статьями израильского экспорта), Израиль занимает достаточно важное место в глобальной системе международной торговли.

Девятое. Израиль является государством с самыми развитыми в регионе учреждениями науки, здравоохранения и культуры. Иерусалимский и Тель-Авивский университеты так же, как и Технологический университет в Хайфе, стабильно входят в число трехсот ведущих учреждений высшего образования в мире, а израильские клинические больницы привлека-

ют пациентов из многих государств, особенно Восточной Европы. В Тель-Авивском музее и в Израильском музее в Иерусалиме бережно хранятся и экспонируются многие шедевры искусства мирового значения, в том числе полотна Ренуара, Ван Гога, Климта, Матисса, Модильяни, Шагала, Магритта, Пикассо и многих других выдающихся художников, а в своей выставочной деятельности эти музеи сотрудничают с ведущими культурными институциями Запада и Востока. Существующие в стране оперный театр и оркестры, прежде всего Израильский филармонический, возглавляемый знаменитым дирижером Зубином Метой, пользуются заслуженным авторитетом в мире; ни в одной из стран Ближнего Востока нет ничего подобного.

Тезисно очерченные в настоящей статье девять положений, очевидно, могут быть расширены, каждое из них легко может стать темой для отдельной статьи или монографии. Важно, однако, за отдельными деревьями, какими бы запоминающимися они ни были, видеть лес в целом, и именно поэтому девять сформулированных выше тезисов важны в комплексе. Именно в сочетании выделенных выше факторов - общественноидеологических, политических, военных и экономических - видна та конструктивная роль, которую Государство Израиль играет региональных и общемировых процессах. Российскоизраильское сотрудничество, неустанно крепнущее в последние четверть века, получило в связи с известными событиями самого недавнего времени новый импульс, который, очевидно, служит интересам обеих сторон. Данная позитивная динамика не может не радовать, но важно понимать - и именно это и было целью настоящей статьи, - что данная динамика является результатом не только и не столько отдельных событий самых последних лет, но служит выражением глубинных тенденций, которые могут и должны работать на благо двухстороннего сотрудничества и в средне-, и в долгосрочной перспективе.

ПРИПОЖЕНИЕ

А.М.Колесников

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Монархия правящей династии Аль Саудов в целях гармонизации своей экономической политики, построенной на принципе конкуренции, а также в стремлении укрепить дух соревновательности в частном секторе в 2004 году соответствующим Королевским Указом приняла Закон о конкуренции, ставший основой антимонопольного регулирования в стране¹.

Данный Закон призван защищать и продвигать справедливую конкуренцию и препятствовать монополистическим тенденциям в бизнес-среде. Об этом говорится в преамбуле, а также в 1-й статье Закона.

В то же время Закон не распространяется на предприятия, полностью принадлежащие государству, и публичные компании.

Статья 4 запрещает любую деятельность действительно или потенциально конкурирующих компаний, соглашения и контракты как устные, так и письменные, заключенные между ними, которые выражают или подразумевают ограничение торговли или нарушение конкуренции между фирмами. К этому относят:

- 1. Контроль за ценами на товары и услуги, предназначенные для продажи, путем их повышения, снижения, установления на определенном уровне или иными способами, наносящими ущерб законной конкуренции;
- 2. Ограничение свободного поступления товаров и услуг на рынки или изъятие их, полностью или частично, из рыночного оборота путем незаконного складирования, сокрытия или воздержания от торговли ими;
- 3. Умышленное обеспечение избыточного предложения на рынках товаров и услуг, что влечет за собой установление нереалистичных цен и неблагоприятное воздействие на других поставщиков таких товаров и услуг;

- 4. Препятствие и создание затруднений какой бы то ни было фирме в осуществлении ее права на вхождение и выход с рынка в любое время;
- 5. Лишение, частичное или полное, одной или нескольких фирм товаров и услуг, доступных на рынке.
- 6. Разделение или распределение рынка для покупки или продажи товаров и услуг на основании следующих критериев:
 - а) Географическое положение;
 - b) Дистрибьюторские центры;
 - с) Тип клиентов;
 - d) Сезоны и периоды времени;
- 7. Манипуляция ценами покупки или продажи, ограничение котировок на поставку товаров и услуг на государственных или негосударственных торгах или аукционах;
- 8. Приостановка или запрет на производство, разработку, распространение, маркетинговые процессы и иные аспекты инвестиций.

Специально созданный Совет по защите конкуренции оставляет за собой право не применять эту статью к деятельности или соглашениям, нарушающим конкуренцию, если сочтет, что это улучшит производительность фирм и предоставит выгоды для потребителя, превышающие эффект ограничения свободы конкуренции.

Любая противоречащая справедливой конкуренции деятельность фирмы, которая занимает доминирующее положение нарынке, должна быть запрещена. К такой деятельности относятся:

- 1. Продажа товара или услуги по цене ниже себестоимости с целью заставить конкурентов уйти с рынка;
- 2. Наложение ограничений на поставку товара или услуги с целью создания искусственного дефицита в его доступности для того, чтобы поднять цены;
- 3. Навязывание специальных условий по продаже и покупке товара или услуги другой фирме так, что это ставит ее в слабую конкурентную позицию по сравнению с другими конкурирующими фирмами;
- 4. Неоправданный отказ другой фирме в заключении сделок с ней с целью не допустить ее на рынок.

Компании, которые намереваются произвести слияние и/или поглощение с другой компанией или совместить управ-

ленческие функции, обязаны оповестить об этом Совет в случае, если подобные действия приведут к доминирующему положению на рынке. Таким образом, решение о таких сделках будет выноситься Советом, а не компаниями. Последние, в свою очередь, должны уведомлять о подобных инициативах Совет за 60 рабочих дней до исполнения сделки. Если запрос остается без ответа со стороны Совета на протяжении более 90 дней со дня подачи и не отмечается, что сделка находится на стадии изучения и рассмотрения, то фирмы имеют право осуществить запланированные мероприятия, не дожидаясь решения.

Статьи 8–12 посвящены непосредственно Совету по защите конкуренции. В ст.8 устанавливается состав его участников в соответствии с Королевским Ордером, и выглядит следующим образом:

- 1. Министр торговли и промышленности (председатель);
- 2. Представитель Министерства торговли и промышленности;
- 3. Представитель Министерства финансов;
- 4. Представитель Министерства экономики и планирования;
- 5. Представитель Общего управления по инвестициям;
- 6. 4 члена экспертного совета, избранных на основе их компетентности, заслуг и достоинств.

Членство в Совете составляет 4 года с возможностью продления еще на один срок. Действующий член Совета должен пребывать на своем посту вплоть до назначения нового члена. Совет созывается во главе с Председателем и присутствием более 1/3 его членов. Решения принимаются по принципу большинства голосов, а в случае их равенства решающий голос остается за Председателем. Члены Совета не имеют права разглашать любую информацию, полученную в результате их членства в Совете. Член Совета также не может участвовать в обсуждении какого-либо дела или вопроса, в котором он имеет личную заинтересованность или к которому он имеет отношение, если он связан кровными или брачными узами с кем-либо из участников дела или если он представлял любую из заинтересованных сторон.

При условии соблюдения положений других законов Совет обладает юрисдикцией в отношении следующих задач:

1. Одобрение или отклонение сделок по слиянию и поглощению, а также по совмещению управленческих функций, если подобные сделки влекут за собой доминирующее положение компании на рынке;

- 2. Распоряжение о проведении запросов, исследований и сборе доказательств, касающихся поступивших жалоб о деятельности, нарушающей положения настоящего Закона;
- 3. Возбуждение уголовных дел в отношении лиц, занимающихся деятельностью, связанной с нарушением данного закона:
- 4. Формирование органов Совета и составление финансовых и административных правил по согласованию с Министерством финансов и Министерством государственной службы;
- 5. Предложение законопроектов по защите конкуренции, соответствующих текущим изменениям на рынке, а также необходимых поправок к настоящему Закону;
- 6. Публикация положений об имплементации настоящего Закона;
- 7. Подготовка ежегодного доклада Совета о его деятельности и планах, которые должны быть представлены председателем Совета на рассмотрение Совету министров.

Совет должен иметь Генеральный секретариат, возглавляемый генеральным секретарем пятнадцатого класса/ранга, и быть обеспечен необходимым оборудованием и компетентными экспертами.

Что касается управления персоналом, то Совет выносит решение о приеме на работу сотрудников, обладающих достаточной юридической квалификацией для обеспечения контроля над исполнением настоящего Закона. В обязанности сотрудников Совета входит рассмотрение поданных жалоб на основании действительных доказательств и в соответствии с положениями настоящего Закона, проведение расследования по делу и преследование лиц, нарушивших данный Закон. Сотрудники Совета также занимаются рассмотрением, сбором и анализом данных, файлов и документов предприятия, на которое поступила жалоба. Предприятие не имеет права в этом случае скрывать такие документы и данные даже со ссылкой на внутреннюю политику конфиденциальности.

Министры, в свою очередь, являясь членами Совета, могут выносить решения о назначении некоторых сотрудников Министерства² для выполнения технических, финансовых и административных функций Совета.

В случае необходимости Совет может обратиться за помощью экспертов, не работающих в Министерстве.

Члены Совета, а также его персонал обязаны сохранять строгую конфиденциальность в отношении любой информации, полученной в связи с выполнением служебных обязанностей.

Без ущерба более суровому наказанию, предусмотренному любым другим законом, а также положениями ст. 13 настоящего Закона (разглашение конфиденциальной информации), каждое нарушение положений настоящего Закона карается штрафом в размере, не превышающем 10% от общего оборота компании, или 10 млн. сауд. риалов³. В случае повторного нарушения штраф должен быть умножен⁴. Если нарушения не прекращаются после вынесения решения или постановления, Совет в праве приостановить деятельность предприятия в предварительном порядке на срок, не превышающий одного месяца, или навсегда аннулировать компании лицензию на ведение соответствующей деятельности. Решение должно быть опубликовано за счет нарушителя, и во всех случаях нарушитель обязан возместить всю прибыль, полученную в результате совершенного им нарушения.

Разглашение конфиденциальной информации, полученной сотрудниками или членами Совета в связи с выполнением ими своих обязанностей, предусматривает более суровое наказание, чем для предприятий-нарушителей. Так, всякий, кто прямо или косвенно извлек выгоду от раскрытия секретной коммерческой информации, должен быть оштрафован на сумму, не превышающую 5 млн. сауд. риалов, подвергнут тюремному заключению на срок не более 2 лет или и тому, и другому вместе.

В документе подчеркивается, что решение о назначении наказания нарушителям данного Закона должно выноситься в индивидуальном порядке в соответствии с тяжестью последствий такого нарушения и размером материального ущерба.

Совет по решению Председателя должен сформировать Комитет, состоящий из 5 членов, один из которых, по крайней мере, является юрисконсультом. Данный Комитет занимается рассмотрением нарушений настоящего Закона и выносит решение о назначении наказания. Решение Комитета по наложению штрафов или приостановке деятельности в предварительном порядке вступает в силу с момента его вынесения, в случае если Отдел по рассмотрению жалоб не решает остановить исполнение решения Комитета в этом отношении. Решения Комитета могут быть обжалованы в Отделе по рассмотрению жалоб в течение пятнадцати дней со дня уведомления о его

принятии. В случае отмены решения Комитета Отдел рассматривает нарушения и назначает соответствующие наказания. В компетенцию Отдела должны входить также решения о назначении наказаний за разглашение сотрудниками Совета конфиденциальной информации.

Если Советом было установлено нарушение одного или более положений настоящего Закона, он вправе принять следующие меры:

- 1. Потребовать от нарушителя прекращения противоправных действий в срок, установленный настоящим Законом;
- 2. Потребовать от нарушителя продать часть своих активов, ценных бумаг, прав собственности или предпринять какоелибо иное действие, устраняющее последствия нарушения;
- 3. Принудить нарушителя уплачивать ежедневный штраф в размере не менее 1 тыс. сауд. риалов до тех пор, пока нарушение не будет устранено.

Помимо рассмотренного документа в комплекс антимонопольного законодательства Саудовской Аравии входят также организационные положения, составленные Советом в соответствии с Законом, регулирующие его исполнение. Однако для освещения общего состояния антимонопольного права в Королевстве детальный анализ этого документа представляется избыточным.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что законодательство Саудовской Аравии, призванное противодействовать монополизации экономики, является достаточно прогрессивным. Тем не менее важно отметить, что принятие Закона о конкуренции состоялось чуть более 10 лет назад, поэтому стране потребуется еще немало лет, чтобы накопить богатый опыт правоприменительной практики в этой области. Для сравнения, в США свободная конкуренция защищена 3 основными федеральными законами: Антимонопольный акт Шермана (The Sherman Antitrust Act), Антимонопольный акт Клейтона (The Clayton Antitrust Act) и Акт Федеральной торговой комиссии (Federal Trade Commission Act), первый из которых появился в 1890 году.

В то же время оценить эффективность этого законодательства представляется затруднительным по целому ряду причин. Во-первых, в Саудовской Аравии зачастую довольно размытые и неявные границы между государственным и частным

сектором. Вызвано это, в первую очередь, спецификой политического устройства монархии, обусловленной главенствующей ролью государства в экономике. Свой вклад также вносят особенности социального уклада саудовцев и их культурнорелигиозная идентичность. Так, на одного госслужащего может приходиться множество родственников как близких, так и дальних, среди которых немало владельцев частных предприятий, что усиливает коррупционные риски и увеличивает вероятность нелегального получения дохода. Во-вторых, государственный аппарат чрезмерно бюрократизирован, что значительно замедляет рабочий процесс и снижает его эффективность. В связи с этим можно сделать предположение, что те положения Закона о конкуренции, в которых устанавливаются разного рода сроки, могут быть использованы в противоположных интересах. Степень бюрократизации при наличии необходимых знаний можно довольно легко определить на примере реальных саудовских документов внешнеполитических органов, крупная утечка которых произошла в июле прошлого года и в полном объеме опубликована на сайте wikileaks.org. На их основании можно сделать вывод, что порой незначительные вопросы требуют рассмотрения многочисленных высокопоставленных чиновников из различных ведомств. Среди этих вопросов попадаются и такие, которые касаются недопущения на рынок тех или иных компаний.

¹ Competition Law Promulgated under the Royal decree No. (M/25) dated 4/5/1425H and the amending based on the Royal Decree No. (24/M) dated 11/4/1435H. Полный текст документа доступен на интернетсайте Совета по конкуренции КСА.

² Имеется в виду Министерство торговли и промышленности, в котором в соответствии со ст.8 наст. Закона должен быть учрежден данный Совет.

³ 1 сауд. риал = 18,28 руб. или 0,26 долл. США.

⁴ В документе не указывается, на какую величину.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

- 1. А.З.Егорин: "Война за мир на Ближнем Востоке".
- 2. А.В.Федорченко: "Сельское хозяйство Израиля".
- 3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
- 4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

- 5. Абу Мазен (Махмуд Аббас): "Путь в Осло".
- 6. С.М.Гасратян: "Религиозные партии Государства Израиль".
- 7. А.З.Егорин: "Современная Ливия".
- 8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
- 9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
- 10. А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко: "Финансовые структуры Ближнего Востока".
- 11. А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина: "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
- 12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. А.З.Егорин, В.А.Исаев: "Объединенные Арабские Эмираты".

 $^{^*}$ Примечание: Институт переименован в 2005 г.

- 15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
- 17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
- 18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
- 20. А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко: "Рынки Ближнего Востока".
- 21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

- 22. А.Г.Ковтунов: "Проблемы интеграции стран Магриба".
- 23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
- 25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военноэкономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
- 26. Л.И.Данилов: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
- 27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
- 28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
- 29. К.А.Капитонов: "Ближний Восток в лицах".
- 30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
- 31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
- 32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

- 33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
- 34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

- 35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
- 36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
- 37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
- 38. В.А.Исаев, А.О.Филоник: "Государство Катар: проблемы развития".
- 39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
- 40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 41. В.А.Ушаков: "Иран и Мусульманский мир".
- 42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
- 43. Е.Я.Сатановский: "Экономика Израиля в 90-е годы".
- 44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
- 45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
- 46. В.В.Кунаков: "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
- 47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
- 48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
- 49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
- 50. "Востоковедный сборник".

- 51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
- 52. М.Р.Арунова: "Афганская политика США в 1945—1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
- 53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
- 54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
- 55. С.Э.Бабкин: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
- 56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
- 57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
- 58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 59. Аль-Харири Мухаммад: "Налоговые системы Сирии и Египта".
- 60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
- 61. К.И.Поляков: "Исламский фундаментализм в Судане".
- 62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

- 63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 65. Е.Я.Сатановский: "Израиль в современной мировой политике".
- 66. В.А.Исаев, А.О.Филоник: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
- 67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

- 68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
- 69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
- 70. **К.И.Поляков**, **А.Ж.Хасянов**: "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
- 71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
- 72. Зеэв Гейзель: "Политические структуры Государства Израиль"
- 73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
- 74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
- 75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
- 76. С.Э.Бабкин: "Религиозный экстремизм в Алжире".
- 77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
- 78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

- 79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
- 80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
- 81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
- 82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
- 83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
- 85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

- 86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
- 87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
- 88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
- 89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
- 90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
- 91. С.М.Задонский: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
- 92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

- 93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
- 94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
- 95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
- 96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
- 97. В.А.Исаев, А.О.Филоник: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
- 98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
- 99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
- 100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
- 101. М.З.Ражбадинов: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

- 102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
- 103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
- 105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
- 106. Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян: "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
- 107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
- 108. В.М. Ахмедов: "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
- 109. В.П.Юрченко: "Египет: проблемы национальной безопасности".
- 110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
- 111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
- 112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
- 113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 Е.И.Уразова: "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
- 115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
- 116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
- 117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
- 118. А.Р.Аганин, З.А.Соловьева: "Современная Иордания".

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

- 120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
- 121. **А.О.Филоник**, **А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
- 122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
- 123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
- 124. "Терроризм". Сборник статей.
- 125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
- 127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
- 130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
- 131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
- 132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
- 133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
- 134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
- 135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
- 136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
- 137. "Иран. Аналитические записки".

- 138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
- 139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
- 140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970—2000 гг.)".
- 142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
- 143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
- 144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьевмусульман»" (совместно с ИВ РАН).
- 146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
- 147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
- 148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
- 149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
- 150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
- 151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
- 152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

- 153. М.К.Занбуа, А.О.Филоник: "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
- 154. Р.Г.Ланда: "Политический ислам: предварительные итоги".
- 155. Алек Д. Эпштейн: "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
- 156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
- 157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
- 158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
- 159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
- 160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
- 161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
- 162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

- 163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
- 164. Владимир (Зеэв) Ханин: "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
- 165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
- 167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

_

^{*} Примечание: Институт переименован в 2005 г.

- 168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
- 169. **В.А.Исаев**, **А.О.Филоник**: "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
- 170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
- 171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
- 172. Алек Д. Эпштейн: "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
- 173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
- 174. М.А.Сапронова: "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
- 175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
- 176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
- 178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 179. С.Ю.Серёгичев: "Судан: исламо-традиционализм и армия".

- 180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
- 181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
- 183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
- 184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
- 185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

- 186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
- 187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).
- 188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
- 189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
- 190. Алек Д. Эпштейн: "ХАМАС в региональной политике".
- 191. С.Н.Саруханян: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
- 192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
- 193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

- 194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
- 195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
- 196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
- 197. Г.Г.Косач: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
- 198. М.А.Сапронова: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
- 199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
- 200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

- 201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
- 202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
- 203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
- 204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
- 206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

- 207. Алек Д. Эпштейн: "Антитеррористический террор".
- 208. В.В.Евсеев, В.И.Сажин: "Иран, уран и ракеты".
- 209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
- 210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
- 211. В.В.Куделев: "Аль-Каида" и война в Ираке".
- 212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
- 214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
- 215. В.И.Месамед: "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
- 216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

- 217. Ю.С.Кудряшова: "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
- 218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
- 219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
- 221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
- 222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
- 223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
- 224. В.И.Месамед: "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

- 225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
- 227. Алек Д. Эпштейн: "Генезис и закат "левого" Израиля".
- 228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
- 229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
- 230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

- 231. С.Ю.Серёгичев: "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
- 232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
- 233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
- 234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
- 235. **H.3.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
- 236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

- 237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
- 238. С.В.Алейников: "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
- 239. А.В.Салийчук: "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
- 240. Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер: "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
- 241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
- 242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
- 243. В.И.Месамед: "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
- 244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

- 245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
- 246. М.Р.Арунова: "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
- 247. Зеэв Гейзель: "Политические структуры Государства Израиль". Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
- 248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

- 249. А.Р.Аганин: "Племена, кланы и семейства Катара".
- 250. Эльдар Касаев: "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
- 251. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
- 252. Алек Д. Эпштейн: "От межблокового противостояния к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
- 253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
- 254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х 2000-х гг."
- 255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
- 256. В.В.Евсеев: "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

- 257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
- 258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутриполитическое развитие и внешняя политика".
- 259. Н.П.Подгорнова: "Мавритания между прошлым и будущим".

- 260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
- 261. С.В.Алейников: "Сомалийские племена. Справочник".
- 262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
- 263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
- 264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
- 265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
- 266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года.
- 267. Р.Р.Субханкулова: "О нефтегазовой отрасли Ирака".
- 268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
- 269. В.В.Куделев: "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г

- 270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
- 271. Ю.Б.Щегловин: "Размышления о борьбе с терроризмом".
- 272. В.И.Месамед: "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
- 273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
- 274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

- 275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
- 276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественнополитическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

- 1. "War for peace in the Middle East" by A.Egorin
- 2. "Agriculture in Israel" by A.Fedorchenko
- "The socio-economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

- 5. "The road to Oslo" by Abu Mazen (Mahmud Abbas)
- 6. "Religious parties in the State of Israel" by S.Gasratian
- 7. "Contemporary Libya" by A.Egorin
- 8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
- 9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by A.Fedorchenko
- "Financial Institutions in the Middle East" by A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko
- 11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
- 12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

- 14. "United Arab Emirates" by A.Egorin and V.Isaev
- "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
- 17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
- "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 19. The Syrian Arab Republic"
- 20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik**, **V.Ahmedov**, **L.Rudenko**, **Z.Solovieva**, **N.Ultchenko**
- 21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

- 22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
- 23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by A.Fedorchenko
- 25. "Military and military economic Potential of the Middle Eastern Countries" by S.Bagdasarov and A.Chavushian In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by L.Danilov
- 27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
- 28. "Actual Problems of the Middle East"

- 29. " Political Portraits of the Middle East" by K.Kapitonov
- 30. "The contemporary Saudi Arabia"
- 31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
- 32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by M.Zakaria and A.Yakovlev
- 34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences

- 35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
- 37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
- "The State of Qatar: problems of development" by A.Filonik and V.Isaev
- 39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 41. "Iran and the Muslim World" by V.Ushakov
- 42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
- 43. "Israeli Economy in the 90's" by Eu.Satanovsky

- 44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
- 46. "Turkey: Problems of economic integration" by V.Kunakov
- 47. "Saudi Arabia in Evolution" by A.Yakovlev
- 48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by M.Sapronova
- 49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
- 50. "Oriental Records" (collection of essays)

- 51. "Republic of Turkey"
- 52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by M.Arunova
- 53. "Political Elite in the Middle East"
- 54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
- 55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by S.Babkin
- 56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
- 57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
- 58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by Al-Hariri Muhammad
- "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by V.Azatian and A.Tkachenko
- 61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by K.Polyakov
- 62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

- 63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 64. "Islam and Policy" (collection of essays)
- 65. "Israel in the Contemporary World Policy" by Eu.Satanovsky
- 66. "The Sultanate of Oman" by A.Filonik and V.Isaev
- 67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
- 68. "Algeria: crisis of power" by A.Virabov
- 69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security
- 70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
- 71. "Arab Countries and Islam in Russia" by K.Polyakov
- 72. "Political Structures in the State of Israel" by Ze'ev Geyzel
- 73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
- 74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
- 75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
- 76. "Religious Extremism in Algeria" by S.Babkin
- "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

- 79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
- 80. "Turkish Economy under liberalization" by N.Ultchenko

- 81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
- 82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
- 83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
- 85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
- "Taliban (the Religious and Political Profile)" by R.Sikoev. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
- 88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
- 89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
- 90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
- 91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
- 92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

- 93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
- 94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
- 95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

- 96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
- 97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by A.Filonik and V.Isaev
- 98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
- 99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
- 100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
- 101. "Radical Islamism in Egypt" by M.Rajbadinov
- 102. "Crisis in Irag. International and Regional Context"
- 103. "Iran and CIS" (collection of essays)
- 104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
- 105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
- 106. "Saudi Arabia External Policy" by G.Kosach and E.Melkumyan
- 107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
- 108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
- 109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
- 110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
- 111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
- 112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
- 113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

- 114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
- 115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
- 116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
- 117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by M. Sergeev
- 118. "Contemporary Jordan" by A.Aganin and Z.Solovieva

- 119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir** (**Ze'ev**) **Khanin**
- 120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks" (essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
- 121. "Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**
- 122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
- 123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
- 124. Analytical records. "Terrorism"
- 125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by I.Novikov
- 127. "Iran and Russia" (collections of essays)
- 128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
- 130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

- 131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
- 132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
- 133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
- 134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
- 135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
- 136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
- 137. Analytical records. "Iran"
- 138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko**, **O.Zaitzeva**, **D.Mariyasis**
- 139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
- 140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
- 141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
- 142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
- 143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
- 144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
- 145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by M.Rajbadinov
- 146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
- 147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
- 148. "Iraq: 100 days of transition"

- 149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
- 150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
- 151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

- 153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 154. "Political Islam: preliminary results" by R.Landa
- 155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by Alek D. Epstein
- 156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
- 159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
- 160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by A.Rjasov
- 161. "Western Mediterranean: problems of integration" by I.Mokhova
- 162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by N.Mosaki. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by Alek D. Epstein
- 164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
- 165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
- 167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
- 168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by L.Rudenko. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
- 171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by A.Baklanov
- 172. "Why did «The Road Map» fail?" by Alek D. Epstein
- 173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by D.Nechitailo
- 174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by M.Sapronova
- 175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
- 176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
- 178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

- 180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
- 181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
- 184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
- 187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
- 186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
- 187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
- 188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko**, **Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 190. "HAMAS in the regional policy" by Alek D. Epstein
- 191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by S.Sarukhanjan
- 192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
- 193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

- 194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
- 195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by G.Melamed and Alek D. Epstein. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
- 196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

- 197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
- 198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
- 199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**
- 201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
- 202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays).

 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
- 206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 207. "Antiterroristic terror" by Alek D. Epstein
- 208. "Iran, uranium and rockets" by V.Evseev, V.Sazhin

- 209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by A.Podcerob. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by V.Kudelev
- 212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
- 214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by V.Mesamed
- 216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
- 218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
- 219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
- 221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

- 222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).

 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by V.Mesamed

- 225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
- 227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by Alek D. Epstein
- 228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
- 229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
- 230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
- 231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities
- 232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

- 235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by N.Mosaki. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

- 237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
- 238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by S.Aleinikov
- 239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver
- 241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays).
 In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by V.Mesamed
- 244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

- 249. "Tribes, clans and families in Qatar" by A.Aganin
- 250. "Russia Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**
- 251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by N.Pogornova
- 252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by Alek D. Epstein
- 253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)
- 254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by G.Kosach
- 255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**
- 256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

- 257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by N.Podgornova
- 258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**
- 259. "Mauritania between the last and the future" by N.Podgornova
- 260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**
- 261. "The Somalian tribes. Reference book" by S.Aleinikov
- 262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**
- 263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

- 264. "Closest allies? The real history of American-Israely relationship" T. 1-2 by Alek D. Epstein. In association with Bridges of Culture/Gesharim
- 265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
- 267. "On oil and gas production in Iraq" by R.Subkhankulova
- 268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewsh state in the beginning of XXI century" by Vladimir (Ze'ev) Khanin
- 269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

- 270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
- 271. "Thoughts about struggle with terrorism" by Ju.Scheglovin
- 272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**.
- 273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**
- 274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by M.Sapronova
- 275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012) by **N.Zhadovec**
- 276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТИДЕСЯТЫЙ

Подписано в печать 12.09.2016 г. Формат 60х90/16. Печать офсетная Бумага офсетная №1 Объем 19,5 уч. изд. л. Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 2421

Типография «Вишневый пирог» 115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12